

СТОЛИЦА

февраль № 5 (11)
1991 г. 1 руб.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

Юрий ВЛАСОВ (54 года) — народный депутат СССР, писатель, многократный чемпион мира, Европы (8 лет носил титул самого сильного человека в мире). Окончил Суворовское училище и Военно-инженерную академию. В апреле 1960 года вступил в КПСС. После выборов 1989 года одним из первых депутатов вышел из партии. Во многих своих книгах и статьях выступает последовательным и непримиримым противником политического насилия. Блестящее, не по времени смелое выступление на I Съезде народных депутатов СССР выдвинуло Ю. Власова в число лидеров демократического движения.

Юрий
ВЛАСОВ

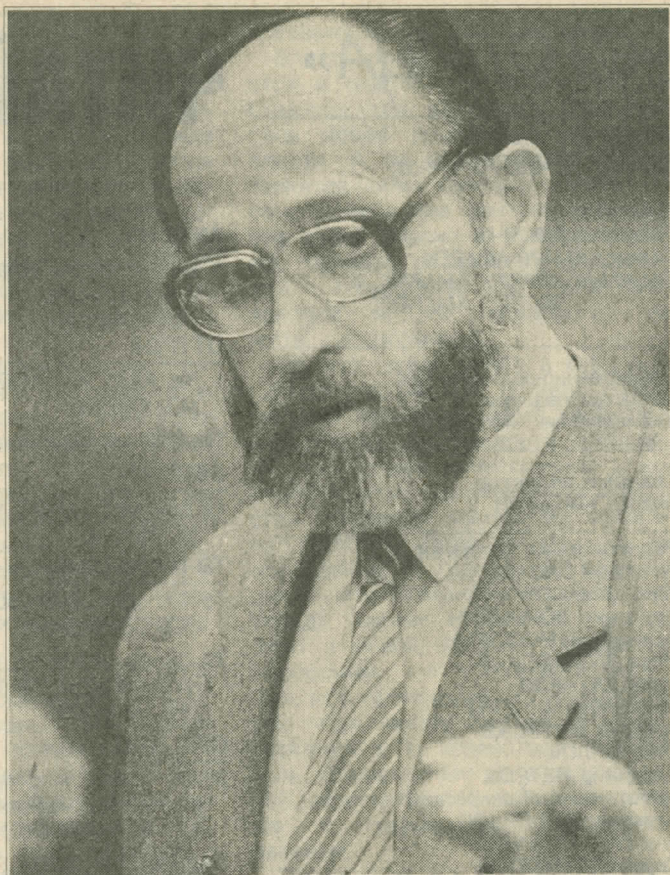

фото Б. Кауфмана

БЕЗ ТВЕРДОЙ ВЛАСТИ ГОСУДАРСТВУ НЕ ЖИТЬ

Наивные люди, пишут жалобы, разоблачают, требуют справедливости...

Беззакония и произвол опираются на целый социальный слой — это уже часть народа. Это уже не одиночки, это многие миллионы людей — это те люди, в руках которых реальная власть. В основном эти люди сейчас контролируют экономику, распределение товаров, словом, все прошлые и будущие «кризисы» — дело их рук.

Сила, которая единит этих людей, которая делает их именно силой, — КПСС и марксизм, окончательно выродившийся в философию беззакония и сопротивления демократическому движению народа.

Срыв многих перестроечных планов, топтание на месте, распад экономики без движения вперед — все это происходит по одной причине: генеральный секретарь ЦК КПСС и его окружение спасали «систему», главным образом партию, доктрину, стремились (и стремятся) пристегнуть к изменениям догмы ленинизма и особое положение партийного аппарата. Еще свежо выступление Н. И. Рыжкова на сессии Верховного Совета по Закону о земле. На предложение ввести частную собственность он заявил с искренним гневом, что этого не будет; во всяком случае, по такому вопросу следует посоветоваться с народом (то есть провести референдум). Сейчас нет страха

перед частной собственностью, все начинают сознавать, что без нее невозможны рыночные отношения. Но время упущено, земля по-прежнему не у крестьянина. Продовольственный кризис обостряется. Экономике, вконец расстроенную, беспощадно лихорадит. Растет недовершенство. А сопротивление системы, теперь уже слабеющее, по принципиальным вопросам привело к недопустимой потере времени, обострению нужды и крайнему раздражению людей.

Отныне властям предстоит иметь дело с такой категорией, как терпение народа. Оно не поддается математическому анализу, какому-то планированию и управлению. Народ верит лишь вещественным

январь, №5, 1991
Москва, 101425, ГСП, К-51,

Петровка, 22
Телефон: 928-23-49
Телекс: 411700 MALPEK
Телефакс: 2002216 MALPEK
2002217 MALPEK

Общественно-политический
иллюстрированный
еженедельник Моссовета

Главный редактор
Андрей МАЛЬГИН

Редакционная коллегия:

Вячеслав БАСКОВ
Юрий БЫЧКОВ
Владимир ВОЙНОВИЧ
Валерий ВЫЖУТОВИЧ
Илья ЗАСЛАВСКИЙ
Марк ЗАХАРОВ
Александр МИНКИН
Аркадий МУРАШЕВ
Олег ОРЛОВ
Владимир ПЕТРОВ
(ответственный секретарь)
Александр ПОЛЯКОВ
Анатолий РУБИНОВ
Сергей СТАНКЕВИЧ
Галина СТАРОВОЙТОВА
Владислав СТАРЧЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
Татьяна ТОЛСТАЯ
Владимир ЦВЕТОВ
Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ
(зам. главного редактора)
Владислав ЯНКУЛИН

Заведующий отделом оформления
Виктор РЕЗНИКОВ

Генеральный директор
Михаил ПЕКЕЛИС

Мнения авторов не всегда совпадают с
точкой зрения редакции.
Рукописи не рецензируются и
не возвращаются.
При перепечатке ссылка на «Столицу»
обязательна.
Редакция в переписку не вступает.
С предложениями о рекламе звоните по
телефону: 928-83-40

Номер набран в типографии издательства
«Известия».

Номер подписан в печать 25.01.1991.
Тираж 200 000. Цена 1 р.
© «Столица», 1991

Отпечатано на ордена Трудового
Красного Знамени Чеховском
полиграфическом комбинате
Государственного комитета СССР
по печати
142300, г. Чехов Московской области
Зак. 143

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

АКЦЕНТ

1 Без твердой власти государ-
ству не жить
(Ю. Власов)

ОТТУДА

4 Не надо иллюзий!
(Ю. Орлов)

10 Хроника бунтов в СССР

ВЕСЫ

12 Как нас теперь называть?
(В. Война)

ТВ-ПРОБЛЕМЫ

16 А с другой стороны...
(Ю. Богомолов)

20 Снова охота на ведьм, или
не сжигайте Горбачева
(М. Маслов)

СТО ЛИЦ

28 О любви мастера и клиента в
социалистических джунглях
(Г. Мыльникова)

ЗАКРЫТАЯ ЗОНА

38 Тайны цинковых гробов
(С. Шустер)

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

46 А в Париже чисто и светло...
(В. Тубельская)

48 Дневник И.

КУЛЬТУРА

50 «Важнейшее из искусств»: Бал
на борту «Титаника»?
(Д. Дондурей, Н. Венжер)

Профессиональные камикадзе
54 требуют компенсации
(М. Дубик, Э. Михайлова)

АРХИВ

56 В тюрьме
(М. Гернет)

РАССКАЗ

62 Лжечапай
(В. Пьецух)

АРТ-САЛОН

64 «...Не вспоминаю о плохом»
(С. Моргенштерн)

8 Борис ДАДАМЯН:
«Я видел оскал фашизма»

Ваше мнение — наше будущее!

Сопласи

№1490

ПОЗИЦИЯ

Общественный фонд «Содружество»

«ВЕТО» КУБАНЦЕВ НА УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА:
О. КАЛУГИН — НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ СССР I

**ВЛАВЯНСКИЙ
& СТНИК**

35 Гласность сделала то, что
не смог сделать КГБ, —
уничтожила самиздат.
Станем ли мы свидетеля-
ми уничтожения глас-
ности?

40 «Подмосковная мясорубка»
для наших войск была од-
ной из самых массовых
человеческих трагедий в
истории войн...

доказательствам: что имеется на прилавке, что можно купить. Когда это терпение будет исчерпано, ничто не удержит у власти те силы, которые управляют страной.

Сейчас борьба разгорается вокруг действительного суверенитета республик. Вполне естественно, что центральная власть должна заниматься в основном вопросами обороны страны, атомной энергетики и промышленности, межгосударственных отношений. Однако центральная власть противится перемещению власти в республики.

Суверенитет республик вызван далеко не одними сепаратистскими тенденциями, как пытаются это представить. Центр постоянно отстаёт от событий, не способен действительно защищать республики, не способен даже обеспечить эффективную уборку урожая. Власть на местах оказалась как бы брошенной. Поэтому республики вынуждены брать власть и налаживать более или менее нормальную жизнь.

Еще год назад сопредседатель межрегиональной группы Юрий Афанасьев предлагал правительству незамедлительно приступить к выработке нового союзного договора. Его предложения были отброшены как неразумные, раскольнические. А ведь они имели глубокий смысл.

Десятилетиями накапливался груз ошибок в национальных отношениях, а центр усмотрел в новом союзном договоре лишь утрату абсолютной власти — своей и партии, уловки врагов ленинизма. И центральная власть тянула, рассчитывая, что кризис не достигнет той кричащей остроты, с которой мы сталкиваемся теперь. Предполагалась неторопливая выработка соглашений в неопределенном будущем. Во всех действиях проглядывалось — а вдруг обойдется. Это была сознательная политика, и она не могла не привести к опасному росту напряженности. Еще в прошлом году, летом, можно было предвидеть, что ждет Союз, и начать выработку нового договора. Можно не сомневаться, это не довело бы до напряжения в межреспубликанских отношениях до такого градуса недоверия и желания почти полного разрыва с центром. Было время смягчить многие разногласия, не доводить их до открытого народного возмущения.

Сейчас центральная власть предпринимает нажим на руководство Российской республики. Но действия правительства РСФСР вызваны одним — в условиях развала экономики, пробуксовывания

власти центра (а нередко и саботажа центра), организации искусственных «голодов» то на моющие средства, то — табак, бумагу, алкоголь (а сейчас и на хлеб в ряде мест), в условиях роста озлобления народа, опасности перерастания озлобления в бунты — управлять событиями, поставить под контроль события, пойти навстречу народу, осуществить меры по обузданию кризиса во всех многосторонних проявлениях его.

Центральное правительство ведет страну к хаосу, который нарастает с каждым днем. В этих условиях республики вынуждены осуществлять суверенитет, это повелевает долг перед народом. Неподатливость, высокомерие центра, разного рода запретительные законоположения только раскаляют обстановку, способствуют еще большей утрате политического и экономического равновесия.

Это ведет к утрате и без того изрядно уваженного авторитета руководителей страны, доказывает их неспособность понимать события и становиться выше личных и партийных интересов. Это еще раз доказывает, что руководители КПСС, как партии, все еще стоящей у власти, не способны осуществлять управление страной. Это доказывает, что усилиями народа на ближайших выборах КПСС должна быть лишена власти, иначе наше хождение по мукам не прекратится, более того — будет поставлено на карту само существование государства. Продовольственный кризис не решен, не будет решен в ближайшие годы, так как ничего для его преодоления не делается, никаких улучшений, реальных изменений форм хозяйствования не наблюдается, они опираются на старые, полусгнившие отношения, неспособные поднять сельское хозяйство и углубляющие и без того грозный кризис. Продовольственный кризис угрожает существованию государства. Авторитет власти пал так низко, как это было только во времена Временного правительства Керенского. Народ отказывается верить правительству, народ жестко высмеивает высшую власть, издевается над сплошным потоком съездов, заседаний, постановлений, от которых еще не прибавилось ни грамма продовольствия, ни одной табачинки.

Происходит откат масс от М. С. Горбачева. Авторитет же для главы государства в критической фазе движения чрезвычайно важен, а он неотвратимо падает, и его уже не укрепить никакими

чрезвычайными полномочиями.

Власть президента страны сужается и слабеет. В общем, это не страшно, так как ярко обозначилась новая российская структура власти. А за президентом страны теснятся силы консервативные. Но само ослабление центральной власти очень опасно и нежелательно, ибо чревато развалом хозяйственной и государственной жизни. Без твердой власти государству не жить, оно обречено.

То, что имеет место в стране, — не перестройка, это полное, доскональное изменение всего характера и существа деятельности экономики, это полное качественное и количественное изменение производства. Коренное изменение мышления целого народа. А это уже не обновление и даже не революция — это грандиозное потрясение уклада жизни огромного народа, факт в новой истории совершенно неведомый, не сравнимый ни с чем, ибо происходит в государстве, уже подточенном огромными кровопусканиями, с хозяйством уродливым, исключенным из международной экономической жизни, к тому же в государстве многонациональном.

Проводится же вся эта система мер вяло, с преступными промедлениями, элементами явного саботажа старой системы. В результате скоро минут шесть лет перехода в новую жизнь, а не сделано в экономике практически ничего. Развалены старые структуры, совершенно нет новых. Гигантскими темпами набирает мощь теневая экономика и весь темный преступный мир, от которого, кажется, скоро не будет никому спасения.

Поэтому огромное значение приобретает власть российского парламента и лидерство Ельцина. Само его избрание во многом ослабило социальную напряженность. Можно даже сказать, были смягчены и устранены угрозы стихийных беспорядков и даже гражданской войны. С именем Ельцина общество связывает честное и прямое движение к цели, заботу о простых людях, демократические законы, то есть все то, что не давала и не дает нынешняя центральная власть.

В этих условиях молодая энергия республик, поддержка их наиболее здоровой частью общества должна встречать понимание, а не подавляться параграфами союзной Конституции, кстати, безнадежно устаревшей.

Юрий ОРЛОВ:

НЕ НАДО ИЛЛЮЗИЙ!

Крупный физик, в прошлом член-корреспондент Академии наук Армении, Юрий Федорович Орлов — известный диссидент и правозащитник. Он был инициатором основания Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений, после создания которой началось хельсинкское общественное движение в республиках СССР, в США и Европе. В 1977 году Ю. Ф. Орлов был арестован по печально знаменитой 70-й статье и приговорен к 7 годам лагерей строгого режима и 5 годам ссылки. Однако в 1986 году во время отбывания ссылки в Якутии неожиданно был лишен гражданства и выдворен из СССР. В настоящее время живет в США, является профессором Корнеллского университета.

Это обращение Ю. Ф. Орлова я привезла из США в начале января. Он написал о том, как виделось нашими друзьями из другого полушария происходящее в СССР еще до кровавых событий в Прибалтике. Но уже тогда предостерегал нас от иллюзий о приверженности верховной власти демократическим преобразованиям. Можно было бы предположить, что оценки тех, кто живет в СССР, и тех, кто находится за его пределами, мало в чем совпадут. Однако сегодняшний мир, напряженно следящий за тем, что происходит в Персидском заливе и в Прибалтике, настолько мал, что в оценках оказывается больше близости, чем расхождений. Сегодня мы видим, что Юрий Орлов и все, кто думали также, как он, увы, оказались правы.

Елена БОННЭР

Дорогие соотечественники!

В России повторяется 1917 год: из-за слабости демократов на самый верх союзной власти опять пришли большевики. Разумные люди снова надеются, что эта нелепость продлится недолго и движение к демократии не остановится. Я тоже надеюсь, что реформаторы, используя поддержку общества, в конце концов переиграют антиреформистов; но, опираясь на свой жизненный опыт, хочу предупредить демократов: не стройте иллюзий относительно толерантности союзных лидеров. Сегодня государственную политику СССР определяют те, кто при слабой и нечеткой позиции демократов вполне способны, опираясь на военную мощь, на КГБ и на формально неограниченную власть Президента СССР, реставрировать политическую

диктатуру, а с нею вместе и абсурдную для мирного времени, необходимую им для абсолютной власти милитаризованную командную экономику. В существующих условиях они, вероятно, будут идти какое-то время незаметными шагами, но в любой момент могут нанести внезапный удар по свободам — разумеется, не переставая ссылаться на интересы стабильности и перестройки. Сейчас уже очевидно, что верхушка КГБ, армии и военно-промышленного комплекса ждет удобного момента для подавления национальных республик, затем самой Российской Федерации как суверенной единицы, а затем и основных экономических и политических свобод.

Руководитель КГБ СССР больше не маскируется под либерала. Его обвинения Западу по поводу западной же помощи Советскому Союзу,

которую Горбачев же и запросил, вытасканы из пропагандистских архивов брежневской сталинской эпохи. Но это не бред. Это может быть ранняя психологическая подготовка народа к тому времени, когда факт ультраправого переворота станет очевиден и Запад откажет СССР в помощи.

Генералы армии и КГБ имеют право, как и все граждане, на любое мнение. Но я обращаю ваше внимание на то, что генералы, партаппарат и лично Горбачев, сконцентрировав в своих руках необъятную власть, исключив коалицию с демократами и сформировав монолитную ультраправую верхушку, декларирующую недопустимость частной собственности и самоопределения народов, уже подготовили стартовые условия для поворота назад, к тоталитарной коммунистической системе,

системе, на опыте доказавшей свое полное и разрушительное несоответствие интересам народа.

Технически они смогут победить на какое-то время, у них есть для этого средства. Но это будет еще одно преступление режима. Народ, который они хотят снова держать в своих руках, — это будет уже не народ, а труп, расплзающийся у них под пальцами. Духовно и без того полуживая, после 70 лет их господства, Россия не выдержит еще одной бесмыслицы.

Я обращаю внимание тех, кто по разным соображениям, игнорируя предупреждения Сахарова, помог Горбачеву узаконить невероятную власть в одних руках: теперь эта власть почти полностью в руках партаппарата, которым Горбачев вольно или невольно окружил себя; и не стройте себе иллюзий относительно того, как этот аппарат хочет ее использовать. Я предупреждаю также тех, кто согласен с планами удержания СССР от распада любой ценой: вы помогаете рыть могилу не просто демократии, а и тысячам демократов персонально. Потому что диктатура имеет свою инерцию и логику, а наша диктатура — и свою традицию; потому что диктатура сама порождает проблемы, которые ей приходится решать еще большей диктатурой, и потому что в правилах этой системы, и вы хорошо это знаете, не забывать никогда и никого, кто хотя бы однажды открывал рот не по ее команде.

Боязнь своего собственного народа больше, чем диктатуры, продолжает оставаться болезнью части российских либералов. Хотя этот постреволюционный страх фактических оснований в послереволюционной истории России не имеет. Не стихийный народный, а целенаправленный, теоретически «обоснованный» террор левой диктатуры, поддерживаемой всеми либералами мира, уничтожил в годы строительства социализма вместе с нелевыми интеллигентами миллионы людей из народа. То, что затем террор перекинулся на самых левых интеллигентов, было логическим следствием диктатуры, а не каких-либо народных движений.

В наше время некоторые либералы, не понимая, что неподконтрольная разнонаправленная мирная самодетельность миллионов и есть демократия, называют хаосом и анархией даже то, что у других народов давно считается нормальной

жизнью. Эти люди фактически хотели бы в России автократии.

В современном мире автократия — режим деликатный, с образованной, либеральной, заботящейся о народе элитой и необразованным, не ставящим себя на один уровень с элитой, но сытым народом, — встречается все реже, исчезает. В России народ как раз образован, но не сыт, и если быть точным, то уже начиная примерно с 9 апреля 1905 года не ставит ни во что свою элиту. Альтернативой демократии в России будет не автократия, а опять тоталитарный режим. Выбор у нас небольшой. Поэтому всем, для кого тоталитаризм строго неприемлем, следовало бы сейчас объединиться и бороться за одно — за демократию.

Опыт говорит, что в современном мире на каждый пример диктаторского решения трудной проблемы можно указать контрпример демократического решения. Обсудим наиболее острые примеры.

Вы справедливо боитесь стремительного роста бандитизма, помноженного на коррупцию исполнительной власти. Но этого боится и подавляющее большинство. При его поддержке, когда другие средства не работают, можно явочным порядком организовать независимые от партий, КГБ, МВД и армии локальные вооруженные полицейские силы, выбираемые и оплачиваемые самим населением, на короткое для начала сроки, с ограниченной задачей охраны граждан от насильников. Вы скажете, что Россия не Америка, с ее свободой продажи оружия и выборными шерифами. Я отвечу, что советские пути вы, милые, уже прошли, а дореволюционная Россия была очень разной. Лежали револьверы в письменных столах, были сибирские мужики, без ружей не жившие, были казаки, которым иметь оружие так же обязательно, как во все времена мужчинам в Швейцарии. Как можно запрещать вооруженную самозащиту, если бандиты оружие всегда имели и будут иметь?

Это выглядит для вас хаосом и анархией лишь потому, что у вас сильно атрофирован инстинкт решать свои частные и местные проблемы прежде всего самостоятельно, только в последнюю очередь ища помощи властей, которая, кстати, никогда даром не проходит, ограничивая личную свободу. Вы скажете: таков наш зависимый российский, не американский — независимый — национальный характер. Я возражу,

что столь обобщающая оценка столь огромного и разнообразного сообщества людей не может быть точной. Самостоятельная, активная часть народа явно существует, и на нее вся надежда.

Другой пример. Без всякой гражданской войны развалилась система государственного снабжения продуктами и вещами. Говорят о хаосе и необходимости в этой связи сильной руки. Но это — психология пациентов сумасшедшего дома, которых кормят с ложки. В нормальном мире, как западном, так и восточном, тысячи лет существуют тысячи свободных частных торговцев, которые и выполняют роль переносчиков продукции с места на место. Это, можно сказать, кровавые шарики общества. Они закупают, где дешевле, и продают, где выгоднее, снабжая одних и стимулируя производство у других. Параноидального и малограмотного понятия «спекулянт» (я не говорю о ворах и мошенниках) не существует у нормальных народов. На перевозку, охрану, хранение, продажу, налог и страховку, на накопление средств для расширения и улучшения дела тратится гораздо больше, чем на саму закупку, и уже по одной этой причине цена продажи может значительно превышать цену закупки. Это вещи общеизвестные. Следовало бы объединиться умам и силам демократов и, отвлекшись на время от своих политических распрей, положить часть жизни на срочное создание как можно более многочисленного слоя торговцев, а также на разъяснение их пользы населению.

Сфера обслуживания, мелкий бизнес, инфраструктура вообще чудовищно неразвиты в СССР в результате 70 лет централизованной экономики; в развитых странах эта сфера поглощает половину рабочих рук. При правильной политике она могла бы в течение тяжелого периода перехода к рыночной экономике обеспечить работой огромное и все возрастающее число людей. Все сокращения военного бюджета и всю иностранную помощь следовало бы направить в частный бизнес сферы обслуживания и в смежные сферы. Но для этого надо, чтобы демократы, а не генералы выводили страну из кризиса.

Еще пример. Некоторые боятся, что Россия — Российская Федерация — может погрузиться в пучину национальных конфликтов и в конце концов развалиться. Не затрагивая

исторической динамики разъединений и объединений народов, обсудим пути предотвращения развала России. Существует имперское, репрессивное решение, опасно связанное в российский случае с возвращением к тоталитаризму. Потому что это не проблема каких-то заокеанских территорий, где можно проводить одну политику, жесткую, а дома — другую, демократическую; здесь не проведешь четкой границы между национальной и общей политикой. Существует и демократическое решение, состоящее, наоборот, в предельной децентрализации, когда индивидуальности дается максимум прав и возможностей: заработать, обеспечить семью, купить дом, землю, учить детей в школе частной или государственной, на том или ином языке, строить церковь угодной религии, самому вместе с соседями решать все местные дела, выбирать своего полицейского, своего судью, копить деньги на дальнейшее образование детей. Человек настолько вовлекается в конкретную локальную деятельность, от которой получает реальную отдачу, что более абстрактные проблемы становятся для него менее важными. Это и есть решение. Снова можно возразить: это типичная картина Америки, и то вне крупных городов, а в России все по-другому. Я думаю, однако, что политика Ельцина, направленная на максимальную децентрализацию, может оказаться как раз успешной с точки зрения сохранения Российской Федерации.

И, наконец, о проблеме Союза и центральной власти. Ситуация абсурдная. Всем ясно, что Союз сохранить без большой крови не удастся. Все европейские республики Союза — включая Россию — ощущают прежний союз как тюремные колодки; более того, они знают, что подчинение центру разрушит их экономически, потому что центр, заторможенный на социализме, блокирует реформы; старая, то есть социалистическая, система развалилась, и, значит, каждый должен на самом деле принимать собственное решение в своих конкретных условиях. Причем здравый смысл республиками не потерян, они начинают налаживать между собой новые экономические отношения более свободного типа, обходя центр. Получается, что центр им просто не нужен.

Но он нужен самому себе! А это люди, в руках которых колоссальная репрессивная и военно-промыш-

ленная машина, продолжающая производить танков, ракет, подводных лодок больше, чем США, имеющая 25 тысяч ядерных боеголовок (половина из которых стратегические), способных уничтожить все живое на Земле несколько раз. Все это требует очень дорогостоящей централизованной структуры управления. Это суперсверхдержава внутри страны, которая сегодня в ней не нуждается. Она высасывает все соки из экономики при отсутствии реальной опасности нападения извне в обозримом будущем; а в необозримом будущем все это военное могущество безнадежно устареет. Это сумасшедший дом. Представляется совершенно нелепым, что, зная все это, часть разумных людей тем не менее поддерживает идею «сильного центра», исходя из все той же боязни анархии. Лучше нелепый порядок, считают они, чем развал с непредсказуемыми последствиями.

Что касается закона, порядка и подчинения низших инстанций вышним, хочу обратить ваше внимание на то, что в демократической практике государств очевидный, казалось бы, принцип субординации претерпевает в последние десятилетия глубокие изменения. Например, по закону США солдат не должен выполнять приказ, если приказ преступен. Что касается президента страны, то его действия многократно перекрываются общественным контролем. В той ситуации, в которой оказался СССР, невозможно следовать принципу субординации. Если республики будут строго выполнять указы Президента, они себя экономически погубят. Любители сверхсильной центральной власти никак не осознают, что страна лежит в реанимации, что причина катастрофы прежде всего психологическая — деградация, апатия, то есть, в некотором смысле, нежелание жить.

Чтобы страна вышла из этого состояния, надо дать людям, районам, республикам максимум свободы деятельности, исключая насилие, и затем терпеливо пережить глупости и беспорядок постепенного выздоровления. Ведь все мы понимаем, что нужно по крайней мере одно поколение для оживания страны, но поколение, живущее при демократии, а не при диктатуре.

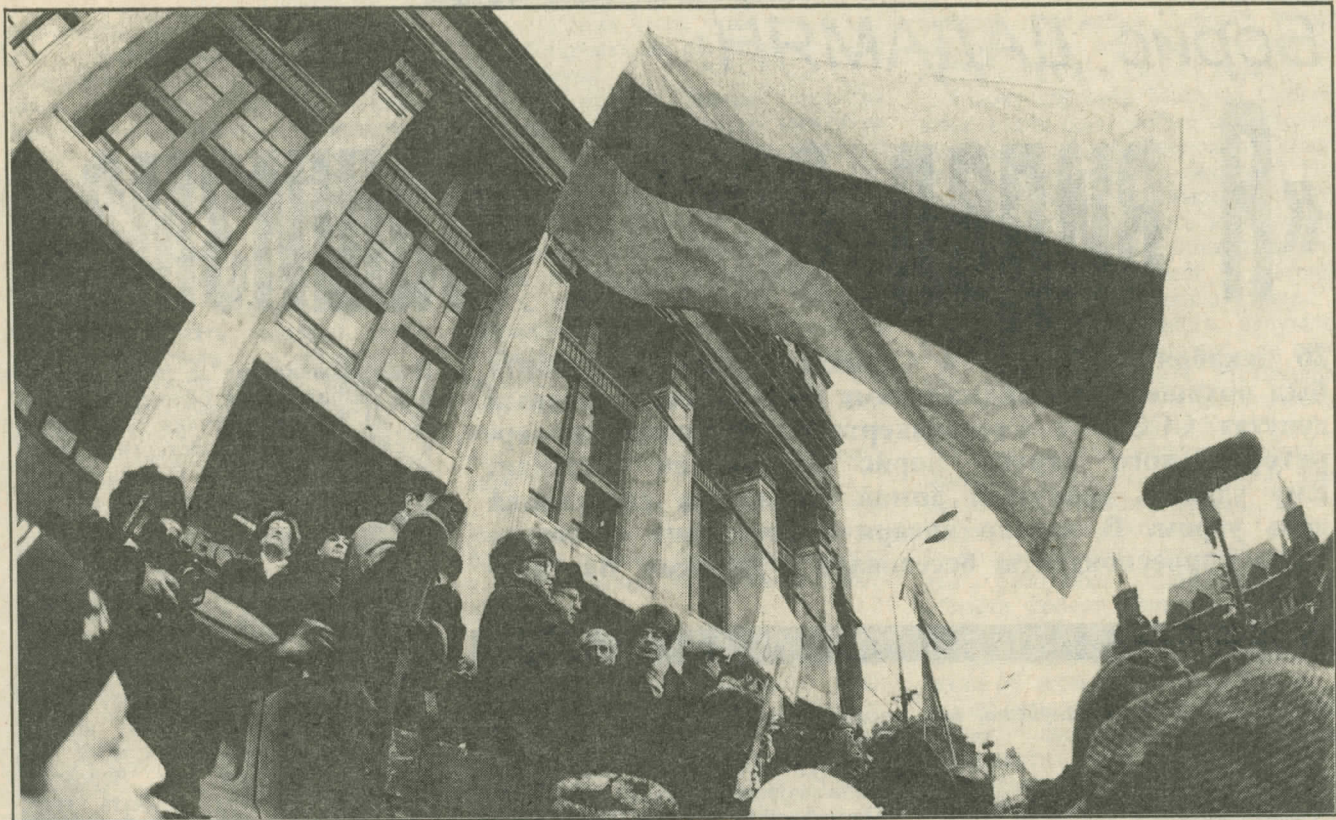
Вот насилие-то, говорят, и не будет никак исключено при таком хаосе, такой анархии и при отсутствии единого сильного центра; гражд-

данские войны в республиках и возможный «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», — вот что угрожает стране.

Приходится указать, что именно русско-го бунта (как и украинского, как и прибалтийского) пока не видно, и его не будет, если «сильный центр» его не спровоцирует. Нецивилизованность России преувеличивается. Забастовки и в России, и на Украине, например, проходят без всяких насилий со стороны бастующих (тогда как в США они все еще иногда сопровождаются стрельбой по штрейкбрехерам). О далеком русском прошлом с его бунтами тоже полезно заметить, что русские бунты, как и французские или немецкие, были беспощадны, но не были вовсе бессмысленны. Пушкин не знал, забыл или не посмел указать, что Пугачев специальным указом освободил крестьян, и в этом был смысл того восстания. Не было бессмысленным и восстание декабристов, и, победи они в 1825-м, не было бы, может быть, 1917-го.

Представления части советских граждан о том, что именно являются «хаосом» и «анархией», а что — нет, к сожалению, не соответствуют современным стандартам. Массовых демонстраций и сейчас гораздо больше в западных странах, чем в России. Громадные, длительные забастовки на Западе и сейчас не идут ни в какое сравнение с советскими. Местные выборные органы на Западе и сейчас обладают несравненно большими правами, чем в СССР. И никому, кроме самых крайних консерваторов, не придет там в голову, что это хаос, анархия или тем более бунт. Это полезные инструменты демократии, которая есть не гармония (идеально достижимая только при тоталитаризме), а ненасильственная борьба между различными интересами.

Продолжить движение к демократии в России в условиях, когда «центр» видит единственный смысл своего существования в борьбе за свою власть, можно, как я считаю, только отложив на время разногласия; и, с одной стороны, явочным порядком строить параллельные тоталитарным демократические структуры в политике и экономике, а с другой стороны — готовить массовый отпор (включая всеобщую политическую забастовку) во всем возможным в будущем попыткам применения военной силы против демократии.

Москва. Январь 1991 года.

Фото Э. Кудрявицкого

Борис ДАДАМЯН:

«Я видел оскал фашизма»

26 декабря 1990 года в Степанакертском аэропорту был похищен азербайджанскими омовцами народный депутат СССР от Степанакертского национально-территориального округа Борис Вартанович Дадамян. Ему удалось вернуться домой только на следующий день утром. В начале января в гостинице «Москва» наши корреспонденты беседовали с Борисом Вартановичем.

— *Расскажите, пожалуйста, как все случилось.*

— Около 12 часов дня я приехал в Степанакертский аэропорт, чтобы улететь в Ереван. Другого пути выбраться из Нагорного Карабаха нет. Блокада железной дороги со стороны Азербайджана продолжает-ся до сих пор.

У входа в зал меня окружили вооруженные автоматами Калашникова азербайджанские омовцы. Они сказали, что меня якобы вызывает к себе комендант аэропорта, и повели к нему. В комнате коменданта сидел майор милиции. Он стал настаивать, чтобы я поехал к коменданту соседнего Аскеранского района, тот, мол, хочет встретиться. Говорил еще, что меня задержали по просьбе и. о. коменданта области полковника Шевелева, который едет сейчас сюда. Но прибыл не Шевелев, а какой-то подполковник в полевой форме, русский. Когда он вошел, майор и омовцы вышли из помещения. Полковник этот проверил мое удостоверение депутата, паспорт. Он тоже предложил отправиться в Аскеранский район. Я отказался. Тогда полковник удалился, а в комнату вошел вооруженный омовец. Я пытался было пробраться к двери, автоматчик меня отталкивал, между нами произошла стычка. Ворвались человек десять омовцев. Опять усадили на стул,

подполковник приказал: «Не шуметь!»

Минут через десять семь автоматчиков-омовцев вывели меня... Как выяснилось позже, эти десять минут понадобились для того, чтобы очистить вокзал от пассажиров-армян. В нескольких метрах от взлетной полосы стоял УАЗ. Подполковник подал команду: «В машину его!» Запили руки, запихнули в кабину.

Подполковник сел за руль, рядом с ним расположился офицер в бушлате, по два автоматчика сели справа и слева от меня. Остальные перекрыли дорогу и, как выяснилось потом, полчаса задерживали все машины.

Когда проезжали через Аскеран — последний армянский населенный пункт перед въездом в Агdamский район Азербайджанской ССР, — то полковник приказал охранникам: «Будет шуметь — застрелить!» Потом обернулся к сидевшему рядом со мной омовцу: «Вынь нож...» Тот прижал штык-нож к моей груди, мне заткнули рот. Вероятно, опасались, что буду кричать, звать на помощь.

После Аскерана завязали глаза. Ехали, стояли, опять ехали... Наконец, машина остановилась, меня вытолкали с завязанными глазами, затаскивали в какой-то подвал, сняли повязку. Вместо подполковника и

Фото Э. Кудрявничкого

омоновцев я увидел гражданских лиц — азербайджанцев. Спустя полчаса они завели меня на второй этаж, это была веранда, в полу имелся люк. Приказали: «Лезь вовнутрь». Я оказался в холодном, сыром подполье. Мои тюремщики забрали паспорт и деньги (удостоверение у меня забрали еще раньше, в машине) и удалились. Я коченел от холода, обострился радикулит.

Наконец, в 4 часа утра вызвали на допрос. Опять завязали глаза, куда-то потащили... я оказался в комнате. Усадили за стол, развязали глаза, но приказали не оглядываться назад. Человек, который стоял за спиной, говорил, что таких, как он, насчитывается 20 тысяч, что они вооружены и скоро уничтожат всех армян. От меня потребовали подписать документ.

В документе этом было три пункта. Под одним из них я был готов расписаться всегда, без всякого к тому принуждения. Речь шла об обязательстве не заниматься разжиганием межнациональной розни.

Незачем меня было заставлять подписывать и второй пункт, где говорилось, что я обязуюсь не участвовать в обществе «Миацум», которое добивается воссоединения с Арменией. В нынешних условиях это требование может привести только к еще большему кровопролитию.

Третий пункт содержал гнусное обвинение в адрес армянского народа: он-де всегда ел хлеб азербайджанского народа и в итоге показал свою неблагодарность.

Угрожали: если не подпишу этот текст, то азербайджанские боевики не оставят от меня мокрого места.

Мне пришлось уступить — в надежде, что в любом цивилизованном обществе подписанный под дулом пистолета документ таковым не является.

Деньги вернули. Но не паспорт и не удостоверение депутата. Потом опять завязали глаза, вывели во двор, посадили в машину... Когда она остановилась, меня вытолкнули и сказали: «Мы сейчас уедем, ты развяжешь глаза и пойдешь, через двести метров будет военная комендатура. Если оглянешься назад, то получишь пулю в лоб».

Все оказалось так, как и говорили боевики... В комендатуре уже ждали. Через пять минут появился комендант, прикатил прогретый бронетранспортер с автоматчиками. Меня увезли в Степанакерт, где поджидал начальник Степанакертской милиции генерал Ковалев (и

это — в семь часов утра!).

— *Получили ли вы обратно свои документы?*

— 26 декабря генерал милиции Ковалев вызвал главного инженера Степанакертского производственного автотранспортного объединения (генеральным директором которого я являюсь) и вернул ему мой паспорт. Удостоверение же депутата я не получил до сих пор. Буквально через час Ковалев позвонил мне и изрек примерно следующее. Дескать, в милицию поступили два анонимных звонка, угрожали Дадамяну, что если будет давать интервью о случившемся, то его уничтожат. Считаю своим долгом проинформировать вас.

И это говорил генерал советской милиции! Вместо того чтобы позаботиться о моей безопасности, если уж такие звонки действительно имели место...

Впрочем, вполне возможно, что инициатива исходила не от генерала Ковалева. Видимо, он всего лишь выполнял волю тех, кто «наверху». Мне стало известно, что после моего похищения из милиции была дана шифровка в центр: депутат Дадамян схвачен омовцами и увезен в неизвестном направлении. Но спустя три часа генерал Ковалев (под чьим давлением — неизвестно) отправил новую шифровку. В ней говорилось, что в предыдущей надо вычеркнуть слово «омоновцы» и заменить его на «неизвестные».

И вот 26 декабря программа «Время» с подачи Азеринформа преподнесла всеобщей аудитории «версию», что меня-де увезли какие-то мои бывшие сотрудники для сведения счетов!

— *Каким образом вам все-таки удалось улететь в Москву?*

— Едва ли не до самого самолета меня сопровождали четыре офицера-армянина. В аэропорту между ними и азербайджанскими омовцами чуть было не началась драка, в это время я и проскочил к самолету, улетел сначала в Ереван, а оттуда — в Москву.

— *Из вашего рассказа видно, что в Нагорном Карабахе нет и намека на уважение прав человека и элементарных свобод...*

— Более того — ныне действующих советских законов! Еще II Съезд народных депутатов СССР принял постановление, в котором говорится о недопустимости экономической блокады в политических целях. А блокада со стороны Азербайджана продолжается до сих пор! Бывший комендант района чрезвычай-

чайного положения Сафонов прямо заявлял, что если будет указание Горбачева, то он снимет блокаду.

Я хочу спросить Михаила Сергеевича: какие еще особые полномочия нужны ему, чтобы положить конец этому глумлению над законом? Почему мы помним только о защите достоинства Президента и забываем о том, что президентская власть является гарантом чести и достоинства каждого гражданина страны, в том числе и народного депутата. Какие особые полномочия еще нужны, чтобы остановить вакханалию насилия, уголовного и политического террора в Нагорном Карабахе?

У нас не прекращаются зверские убийства, похищения людей. В день моего фактического ареста, 25 декабря, в Мир-Баширском районе были растерзаны озверелой толпой два работника судмедэкспертизы области Роберт Григорян и Сурхая Погосян. Почему программа «Время» и Азеринформ ничего не сообщили об этом ужасном факте?

Еще раньше, 7 декабря, был похищен слесарь нашего автопредприятия, отец четверых детей.

За два дня до моего похищения хотели проделать то же самое в отношении народного депутата СССР Зоря Балаяна. К счастью, он был не один, а с членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем ЦК Компартии Армении Степаном Погосяном. В его присутствии омовцы не посмели применить насилие, но опять-таки попытались их разъединить мнимым звонком коменданта района чрезвычайного положения Шевелева. Если бы Погосян улетел, а Балаян остался в аэропорту ожидать Шевелева, то его бы арестовали.

Кстати, это не первая попытка ареста — этого депутата. Недавно люди в пятнистой форме в три часа ночи ломались в дверь его квартиры. К сведению: в пятнистой форме щеголяют не только офицеры внутренних войск, но и сотрудники азербайджанской администрации — самозванного «оргбюро», посаженно-го здесь против воли народа Нагорного Карабаха.

Силы правопорядка — ОМОН — состоят из лиц азербайджанской национальности. Это более трехсот вооруженных автоматами Калашникова человек. А местная армянская милиция обезоружена. Она не может защитить граждан.

Армянское население Нагорного Карабаха оказалось практически изолированным в этом анклавном беззакония и насилия. Единственная

связующая ветка с внешним миром — воздушная трасса Степанакерт — Ереван оказалась под контролем азербайджанских омовцев. 27 декабря они зверски избили экипаж вертолета, который доставил новогодние подарки ереванцев нашим детям. Подарки выбросили, а сам вертолет отправили в Баку... Наивно полагать, что об этом произволе не знает командование внутренних войск или комендатура района чрезвычайного положения. Ведь были случаи, когда внутренние войска, чтобы помешать посадке ереванских самолетов, выкатывали на взлетную полосу бронетранспортер...

Налицо явный сговор властей разного ранга с целью растоптать национально-освободительное движение в Нагорном Карабахе. О наличии этого сговора свидетельствуют

и обстоятельства моего похищения. Ведь задержали меня, если можно так сказать, официальные структуры, а потом они передали своего пленника преступным, антигосударственным формированиям. Мне кажется, что в Нагорном Карабахе отработывается сценарий подавления демократии, установления в стране пиночетовского режима.

Никто в нашем регионе не может чувствовать себя в безопасности. Военные власти могут арестовать кого угодно и на какое угодно время, коменданту района чрезвычайного положения ничего не стоит приказать отключить телефон у советского гражданина. Не выходят газеты, не функционирует областной Совет. Но властям этого показалось мало, и они в последнее время стали на путь фактического

разгона неугодных им райисполкомов и райкомов КПСС в армянских районах. А на их месте под вывеской этих же организаций сажают своих лакеев.

Налицо явные признаки военного диктаторского режима, подавление гражданских прав и демократических свобод, унижение человеческого достоинства. И такой режим может быть установлен во всем Советском Союзе, если этому не помешают демократические силы.

Я уже видел однажды звериный оскал фашизма: когда подполковник небрежно бросил автоматчиком: «Если будет шуметь — застрелить!» Что будет, если эти люди от слов перейдут к делу?

Беседу вели А. МЕШКОВ,
А. КУДЯКОВ

ХРОНИКА БУНТОВ В СССР:

От XX съезда до смерти Брежнева

24—26 июля 1968 года — 7000 представителей турок-мехетинцев, выселенных из Грузии в 1944 году, съехались в Тбилиси и, собравшись у Дома правительства, потребовали решения вопроса о возвращении их народа в районы прежнего жительства. Турок окружили войска и милиция, пытались спровоцировать сопротивление. После двух дней пассивного ожидания их представителей принял первый секретарь ЦК КП Грузии Мжаванадзе. Он обещал принимать месхов в Грузию по 100 семей в год, однако в дальнейшем это обещание не было выполнено.

1968 год — межнациональные столкновения в Степанакерте. Судья-азербайджанец вынес мягкий приговор директору городской школы (тоже азербайджанцу), убившему девочку-армянку. Толпы армян, ждавшие исхода дела у здания суда и возмущенные мягким приговором убийце, сожгли машину, в которой находились преступник, судья и еще несколько человек.

21 апреля 1969 года — после ареста активиста движения турок-мехетинцев Энвера Одабашева месхи из разных селений Азербайджана собрались у райкома партии в селе Саатлы, где в отделении милиции содержался задержанный. Собравшиеся послали телеграммы Брежневу и первому секретарю ЦК КП Азербайджана Ахундову с требованием освободить их представителя. Глубокой ночью, по распоряжению

республиканских властей, Одабашев был освобожден.

Май 1969 года — погромы и антирусские манифестации узбекской молодежи в Ташкенте после футбольного матча с участием «Пахтакора». Задержано 150 человек.

Август 1971 года — 300 евреев-отказников в Тбилиси пришли к зданию ЦК КП Грузии. Около 100 из них прорвались во внутренние помещения и, добившись приема у министра внутренних дел республики, получили обещание о решении проблемы с отъездом.

18—19 мая 1972 года — похороны Ромаса Каланты, восемнадцатилетнего юноши из Каунаса, совершившего самоубийство в знак протеста против советской оккупации Литвы, переросли в масштабную манифестацию национального протеста. После попыток властей помешать собравшимся принять участие в похоронах молодые литовцы направились к месту самоубийства в центре города, скандируя «Свобода!», «Литва!» и др. Произошли столкновения с милицией. На следующий день манифестация возобновилась. В город вошли воинские части.

16—19 января 1973 года — тысячи ингушей съехались в Грозный, требуя от властей решения проблемы Пригородного района Северной Осетии. В заявлении, переданном властям, перечислялись факты дискриминации ингушского населения в Осетии, главным образом при приеме на работу. Ингуши просили обеспечить им на территории спорного района равные с осетинами права. Демонстрации и митинги продолжа-

(Окончание. Начало см. в № 4. 1991 г.)

лись несколько дней. Люди несли портреты Ленина и Брежнева, лозунги с высказываниями вождей об интернационализме и дружбе народов. Демонстранты организовали собственную «службу порядка» и не допускали «антисоветских высказываний». После прибытия Соломенцева было обещано рассмотреть вопрос и не подвергать репрессиям участников выступления.

28 августа 1976 года — демонстрация немцев-отказников, вышедших с транспарантами в центр Фрунзе, разогнана милицией. Несколько человек избиты и задержаны.

7 октября 1977 года — после победы «Жальгириса» над витебской «Двиной» несколько сот зрителей футбольного матча двинулись по улицам Вильнюса, выкрикивая: «Долой конституцию оккупантов!», «Свободу Литве!» и «Русские, убирайтесь вон!». Литовская молодежь срывает плакаты, вывешенные к 60-летию Октября, била витрины с наглядной агитацией. Было задержано 17 человек.

10 октября 1977 года — более 10 000 зрителей футбольного матча между «Жальгирисом» и смоленской «Искрой» направились в центр города, выкрикивая лозунги против советской оккупации. У моста Жялясис к ним присоединилось еще около 500 человек, включая русских. Демонстранты прорвали заслон милиции и внутренних войск и вышли на проспект Ленина. Второй, более мощный заслон остановил их движение. Были выбиты стекла в здании ЦК КПЛ, разбиты витрины с политическими плакатами. Несколько милиционеров госпитализированы. Задержано 44 человека. Прошли исключения студентов из вузов.

14 апреля 1978 года — демонстрация и митинг в Тбилиси с требованием сохранения в республиканской Конституции статьи о государственном статусе грузинского языка. Перед Домом правительства, окруженным войсками, собралось более 10 000 человек, в основном студенческая молодежь. Под давлением общественного мнения в середине дня чрезвычайная сессия Верховного Совета республики приняла решение оставить статью о языке «без изменений».

Весна 1978 года — митинги абхазского населения в различных населенных пунктах автономной республики с требованием придания государственного статуса абхазскому языку, прекращения миграции в республику грузин, отделения от Грузии и вхождения в состав РСФСР. В результате обсуждения в конституцию автономной республики было внесено положение о введении в Абхазии трех государственных языков: абхазского, русского и грузинского.

22 сентября 1978 года — 150 школьников-эстонцев собрались перед зданием горкома в Тарту, выкрикивая лозунги «Вон славян!», «Да здравствует Эстонская республика!» и «Больше образования — меньше политики!». Они разбили вывески на здании и были разогнаны милицией. С «зачинщиками» проведены беседы в отделениях милиции.

4 декабря 1978 года — около 50 немцев-отказников провели демонстрацию в Душанбе с требованием разрешить им покинуть страну. Демонстранты прошли от гостиницы «Таджикистан» до здания Верховного Совета с плакатом «Отпустите нас на родину». Перед собравшимися выступил первый секретарь горкома. В последующие месяцы число разрешений на выезд увеличилось.

16—19 июня 1979 года — манифестация казахского населения в Целинограде против решения Политбюро о создании в Казахстане «немецкой автономии». В Целинограде демонстранты (до 500 человек) трижды собирались на площади перед обкомом. Когда студенты в очередной раз пришли для получения ответа, первый секретарь обкома сообщил, что вопрос об автономии никогда не стоял, и посвятил остальное выступление подписанию Договора ОСВ-2.

22 сентября 1980 года — после отмены выступления молодежного поп-оркестра «Пропеллер», назначенного на таллинском стадионе после футбольного матча, около 1000 эстонских школьников вышли на улицы с протестом против этого решения. Концерт был отменен в связи с обнаружением в текстах песен «Пропеллера» «националистических мотивов». Демонстрация разогнана милицией, несколько старшеклассников исключены из школ. 1 и 3 октября 1980 года в четырех местах Таллинна были разогнаны демонстрации протеста против исключения старшеклассников с общим числом участников более 1000 человек. Демонстранты размахивали флажками независимой Эстонии, выкрикивали лозунги «Свободу Эстонии!», «Русские — вон из Эстонии!». 7 и 8 октября последовали новые демонстрации протеста в Таллинне (несколько сот участников), а 10 октября — молодежные демонстрации в Тарту, Пярну. 11 октября министр внутренних дел республики предупредил от продолжений выступлений.

30 марта 1981 года — митинг в Тбилиси перед зданием, где проходил республиканский съезд писателей. Демонстранты несли лозунги с требованием расширить курс грузинской истории в школах и институтах, охранить грузинский язык от вытеснения русским. Вышедшему на площадь Шеварднадзе вручили петиции, адресованные ему и Л.И. Брежневу.

12 октября 1981 года — митинг около храма в Мцхете 2000 грузинских студентов, протестующих против сокращения уроков грузинского языка в учебных заведениях Грузии. 5 участников митинга условно осуждены за «хулиганство».

24—26 октября 1981 года — волнения во время похорон в Орджоникидзе убитого ингушами таксиста-осетина. Участники похоронной процессии организовали митинг и захватили здание обкома. К вечеру порядок на площади был восстановлен силами курсантов военного училища. На следующий день более 10 000 человек вновь заполнили площадь перед обкомом. Митинг с участием прибывших из Москвы руководителей быстро вышел из-под контроля. Против осетин были брошены воинские части с бронетранспортерами и слезоточивым газом. Столкновения и рукопашные схватки продолжались до вечера, позднее беспорядки распространились по всему городу. Несмотря на прибытие частей специального назначения, столкновения с силами безопасности продолжались весь следующий день, и лишь к вечеру сопротивление было сломлено. За эти дни было задержано более 800 человек, 40 из них осуждены.

20 апреля 1982 года — первое выступление фашистов на Пушкинской площади в Москве в день рождения Гитлера. Участвовало более 100 человек. Милиция не вмешивалась и произвела задержание лишь после столкновений с болельщиками «Спартак».

АГЕНТСТВО «АЗИЯ»

Как нас теперь называть?

В любом уголке света мою страну зовут «Россией». На картах, конечно, значится полное, официальное название, но, во-первых, уж слишком оно длинно и высокопарно, а во-вторых, в нем отсутствует главный реквизит

— географическая либо этническая привязка. Попробуйте-ка назвать, вызвать из памяти другое государство, которое бы не определило в своем «заглавии», где именно оно находится или каким народом заселено.

ИСТОРИЯ БЕЗ ГЕОГРАФИИ

Мы до сих пор платим дань за экспансионистские устремления вождей «мировой революции», которые рассчитывали, что границы «Союза Советских Социалистических Республик» будут постоянно расширяться, пополняться за счет новых и новых «Советских Социалистических Республик», пока весь мир не станет одним СССР — с русским языком в качестве «средства интернационального общения». Тогда какая разница, где именно находится его первоначальное ядро, в какой части света? Вагрич Бахчанян как-то опубликовал (не у нас, разумеется, а в зарубежном издании) одну из своих зловещих шуток, в основу которой он положил список стран — членов ООН. И получилось: «...Австралийская Советская Социалистическая Республика», «Аргентинская Советская Социалистическая Республика» и так далее, вплоть до Японской ССР.

«Вы русский?» — спрашивали меня американцы, англичане, французы, немцы... Что толку было кому-то докладывать, что я украинец, причем по мужской линии мне досталась польская фамилия далекого предка. В глазах постороннего мира это всё маловажные подробности. Ведь в России живут русские, не так ли? Только шотландцу, упорно не желающему считать себя «англичанином», будут понятны эти страдания, и он ответит: «Нет, я не англичанин, я британец!» И нет в Чехо-Словакии человека, который назвал бы себя «чехословаком», ведь такой нации не существует. Или чех, или словак! И нет «югославов», но есть сербы,

хорваты, македонцы, черногорцы... Все они — «южные славяне», но в их стране так и не возникло единой нации, под одним названием. А у нас?

Десятилетиями убеждали нас, что такая нация есть — «советская социалистическая». Но у меня язык не поворачивался назвать себя «советским» в разговоре с людьми из других стран. Если я по национальности «советский социалистический», то тогда кто же мои собеседники — «конгрессовые капиталистические»? Американцы подумают (и правильно сделают), что я над собой смеюсь! Или англичане — «парламентские»? Или немцы — «бундестаговские»? Неужели нацию можно назвать «ландтаговской», «меджлисовой» или «великохуральской»? Если и не оскорбление, то по меньшей мере шутка!

Никогда еще в человеческой истории ни одна нация не называла себя «королевско-феодальной», «ареопаго-рабовладельческой», взяв за основу самоназвания принятый строй, порядок управления, идеологию. Не было «национал-социалистической» нации при Гитлере в Германии, «фашистско-диктаторской» при Муссолини в Италии. А если кто вообще против Советов, как ему называть себя, какой национальностью гордиться?

Гораздо большим политическим широкомыслием отличился однажды старый гуцул, с которым я добирался дребезжащим автобусом до его родного селения Космач, в Карпатах. «Много ли у вас теперь москалей?» — спросила его в пути пассажирка, давно не бывавшая в родных краях. (Для тех, кто не знает: москали — это русские.) Гуцул гордо распрямился: «Так теперь вы все — москали. Кроме меня: я-то

австрияк!» Ведь он родился еще во времена Австро-Венгерской монархии, был при рождении ее подданным...

И, памятуя о преподанном им уроке, я тоже всюду называл себя «русским», хотя и капли русской крови нет в моих жилах. Все мы теперь — русские!

...И НЕ ИГРАТЬ СЛОВАМИ

Неужели нет сегодня более важных вопросов для дискуссий, чем этот, может спросить меня кто-то из читателей. Как ни назови...

Я же считаю, что этот — из числа самых жгучих, определяющих наше будущее. Мы должны в конце концов разобраться хотя бы с тем, кто мы такие и чего хотим. Названия, самоназвания и должны определить, к чему мы стремимся, кем нам хочется быть.

В ходе «суверенизации» республик и автономий все меньшее их число желает закрепить понятие «социалистический» в своем названии.

Оно и понятно. Для одних наций социализм никогда не был предметом мечты, чаяний, их уровень жизни до поглощения Союзом Советских Социалистических Республик был куда выше нынешнего, а коммунистическая идеология никогда не имела там серьезного распространения. А другие склонялись некогда к меньшевизму, т. е. все-таки к социализму, но не имеющему ничего общего с нынешним его воплощением. Так что же сегодня должно значить это понятие в названии государства — шведский, скажем, вариант социализма, или же тоталитарный, барачный, казарменный, или брежневский, «развитой», или «зрелый», или «реальный»? Ведь в названии эти оттенки смысла не передашь, не говоря уж о полном разномыслии по этому поводу.

Говорилось об этом вполне определенно и на Съезде народных депутатов при обсуждении проекта Союзного договора. Повсеместное отталкивание от этого слова, утратившего по нынешним временам всякий конкретный смысл, налицо. Что и отразил предложенный М. С. Горбачевым проект Союзного договора, где в новом названии государства оно вообще отсутствует. То была серьезная уступка силам, действующим в центробежном направлении, или по меньшей мере тем, кто согласен остаться в СССР, но не приемлет примат коммунистической идеологии. Кстати, если обещанный коммунистами социализм оказался «недостроенным» (к сожалению или счастью?), то зачем вообще выдавать желаемое за действительность, вносить в название государства не реальность, а «светлую мечту». С таким же успехом можно было бы назвать себя «Союзом Советских Коммунистических Республик». Или же «...Царствия Небесного Республик»?

Но и этот, компромиссный, вариант, в котором слово «социализм» заменено (осторожно, дабы не менять в сумме название прежде — СССР) новым — «суверенитет», все равно не прошел. Коммунистическое большинство Съезда дружно проголосовало за возврат к прежнему толкованию и смыслу, республики остаются «социалистическими», пусть даже никто не в состоянии объяснить, что же имеется в виду. И чем это лучше (я имею в виду наш нынешний тоталитарный государственный капитализм) по сравнению с теми странами, где так много делается для блага бедных, а богатые составляют три четверти населения...

Впрочем, и понятие «суверенный», по-моему, тоже

едва ли удовлетворило бы тех, кто добивается суверенитета не в названии, не в качестве весьма отдаленной мечты, а на деле — и скоро.

Уж очень мы любим пользоваться словечками, почерпнутыми из обихода цивилизованных наций, вкладывая в них подчас противоположный, во всяком случае, иной смысл! «Правовое государство», «демократия» и «свобода», «права человека» (столько раз обруганные и охаянные, а теперь легко приспособленные к нашей «неправовой» реальности)... А теперь вот и «суверенитет» пригодился, чтобы назвать черное — белым. Как не бывает «осетрины второй свежести», так немислимы и неполные свобода, независимость, суверенитет одной нации, подчиненной другой, или хотя бы — некоей надгосударственной структуре, диктующей первой свои законы.

Какие тут могут быть иллюзии? «Ограниченный» суверенитет? Это что-то вроде «ограниченного контингента» советских войск, который растягивался по мере того, как терпел он все более решительные поражения в Афганистане. Как будет растягиваться эта «ограниченность» суверенитета в рамках Союза?

ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЕМ...

Но допустим, что мы бы все-таки нашли некий идеальный вариант названия. Пусть бы даже вышли при этом из Союза те республики, что добиваются неограниченного суверенитета, а остальные отказались — предположим и такое — от «социализма» в названии. И мы бы даже придумали четкую географическую привязку, без гегемонизма, например, «Союз Советских Республик Восточной Европы, Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока». Сокращенно — ССРВЕССАДВ. Будет ли такое название соответствовать истине?

Давайте по порядку. «Советский...» Есть ли в нем смысл? Думаю, что нет, это тоже — благая цель, мечта, мираж пока. Лозунг «Вся власть Советам!» никогда не был претворен в жизнь, как ныне это признано. Политолог Э. Баталов в статье, опубликованной «Известиями», насчитал семь центров силы в нашей стране, где Советы значатся лишь как одна из многих ветвей существующей власти. Наряду с армией и КГБ, КПСС и властью министерств, президентской и властью мафии! Что может сделать Совет, если то или иное отраслевое министерство против? Смешной вопрос! Что может сделать Верховный Совет республики, если против него само Министерство обороны СССР — и посылает «ограниченный контингент» своих войск в эту республику для отлова тех, кто, по его мнению, уклоняется от призыва? И так далее. Любое решение Совета может быть аннулировано! Так советские ли республики? Ничуть не лучше «суверенных», те же иллюзии.

Но ведь все-таки — «республики»? Это хотя бы понятие правильное? Да как сказать. С древних времен существует привычная дихотомия — «тирания» (или диктатура) — и «демократия» (республика). Диктаторские режимы могли себя называть в наше время как угодно, но дела это не меняло. Порой именно республиканская вывеска прикрывала практическую несменяемость власти, ее неподвластность народу, фиктивный характер народного представительства... До тех пор, пока у нас выборы президента (а теперь и вице-

президента) не будут прямыми, на основе правила «один человек — один голос» и без партийного фаворитизма, пока они будут проходить без альтернативного кандидата (кандидатов), пока не будут приняты законодательные гарантии против самой возможности установления диктатуры, ни о какой демократии или республиканизме не может идти речи. Это тоже пока — мираж, мечта.

И, наконец, «Союз».

Когда я читаю о «воссоединении» различных частей Российской империи, да еще «добровольном», вспоминаю всегда бессмертную картину Сурикова — о покорении Сибири Ермаком. Ту, что висит на видном месте в Русском музее в Ленинграде, но почему-то теперь редко воспроизводится в виде репродукций. А там есть на что посмотреть! Кто противостоит храбрым, мужественным и гордым казакам, вооруженным новейшим огнестрельным оружием того времени, упоенным своей исторической миссией «добровольного воссоединения»? Дикая толпа раскосых, злых, коварных, стоящих на самой низкой стадии исторического развития озверелых варваров, недочеловеков, не знающих даже, что такое оружие... Что это, если не расизм?

Была ли императорская Россия «союзом» захваченных ею народов и территорий? Кстати, ведь в ее полном названии фигурировали эти «приращения», включая и Финляндию, и Польшу, и Прибалтику... Нет, до таких пределов глумления над историей и здравым смыслом цари дойти не могли.

Стала ли страна Советов Депутатов Трудящихся таким «союзом»? Что, собственно, изменилось в результате повторных завоеваний, силами Красной Армии, все тех же колоний? Разве что империя отчасти ужалась, не до всего смогла дотянуться загребущие руки: завоевали, с оружием в руках, независимость Польша, Финляндия и три прибалтийских государства, до поры до времени, пока Сталин не занял их снова, с благословения Гитлера. Зато на Финляндии зубы сломал...

Конечно, если в результате референдума народы захотят «воссоединиться» (как будто они прежде добровольно «соединялись»!) в одном государстве, то это создало бы юридические основания для новой трактовки государства — как союза. Но не раньше и не позже этого акта народного волеизъявления. Пока и это — тот же мираж, благая цель, но не юридический факт.

С НАЗВАНЬЕМ КРАТКИМ...

Снова и снова я перечитываю стенограмму IV Съезда народных депутатов СССР. В самом деле, почему так скрестились копыя (без огнестрельного оружия, как в случае с Ермаком, все-таки обошлось) при обсуждении названия государства?

Вот «**примирительная**» точка зрения:

«Депутат Каримов из Таджикистана спрашивает: «В названии нашей страны — СССР — заменено или упущено слово «Социалистических». Что это, указание на смегу природы нашего общества либо расчет на то, чтобы не отталкивать от Союза ряд республик?»

Ни о какой смене природы нашего общества речи не идет. Если внимательно вчитаться, то весь проект «дышит» гуманным демократическим социализмом.

Второе. Это правовой, а не партийный документ. Поэтому составители, обсуждая этот вопрос в первона-

чальном варианте и обмениваясь мнениями, считали, что, может быть, следует освободить данный правовой документ от идеологической «засоренности».

Третье. Вполне можно записать в преамбуле или в одной из статей, если это сочтут необходимым все полномочные делегации республик, что мы строим общество социалистической ориентации. Препград этому нет, ведь это проект».

Это — из выступления депутата Р. Нишанова, Председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

Вот голос «здравого смысла»:

«...Уши выше головы не бывают, что всем известно. Не может республика, как бы ни пыжилась, быть выше Союза Советских Социалистических Республик. Это надо всем понять и строго выполнять союзные законы. И не надо смешить мир.

Предлагаю решить следующее. Во-первых, сохранить в неприкосновенности название нашего государства — Союз Советских Социалистических Республик. Слово «суверенитет» поглощается словом «союз». Масло масляным не бывает.

Во-вторых, законы СССР, указы Президента СССР действуют на всей территории СССР и исполняются неукоснительно всеми органами Советской власти и гражданами СССР. За уклонение от исполнения законов должностные лица, в том числе и выборных органов — нижестоящих Советов, от занимаемых постов освобождаются Указом Президента СССР...» (депутат В. Носов).

Вот голос человека, для которого суверенитет — «**дорога, ведущая к храму**»; поглощаться это слово ничем не может:

«Рушится последняя в истории империя, и логику истории никому не дано отменить. Говорят, пушки — последний довод королей, и очень бы не хотелось, чтобы последним доводом Горбачева стал Язов.

На Украине есть силы, стремящиеся последовательно провести ее деколонизацию. Это те люди, которые считают: никто, кроме господ бога и народа Украины, не вправе решать ее судьбу. Это те люди, для которых государственная независимость Украины — цель и смысл жизни. Это те люди, которые избавились от комплекса малороссов... Съезд отказался включить в повестку дня вопрос о признании деклараций о суверенитете республик. Это еще раз меня убедило в том, что депутатским корпусом, сидящим в этом зале, не может быть принято ни одно жизненно важное для народа решение».

Это — из выступления депутата В. Черняка.

Нет смысла комментировать эти выступления, в них все ясно. Неясно лишь, как нам всем теперь называться, при этой сумятице... Неужели все останется как прежде?

Утешает лишь то, что для остального мира это не есть проблема. Как мы были всегда для них «Россией» и «русскими», так и останемся. По крайней мере, до тех пор, пока существует «Союз нерушимый республик свободных», который «сплотила навеки Великая Русь». Если и в самом деле **навек**, то тогда и вопросов, повторяю, нет.

Ну а если «свободных»? Если слово «суверенитет» не поглощается словом «союз»? Если «последняя в истории империя» прикажет долго жить? Что же, тогда и вовсе будут все основания назвать ее остатки честно и без лицемерия — Россией. Лучшего никто не придумает.

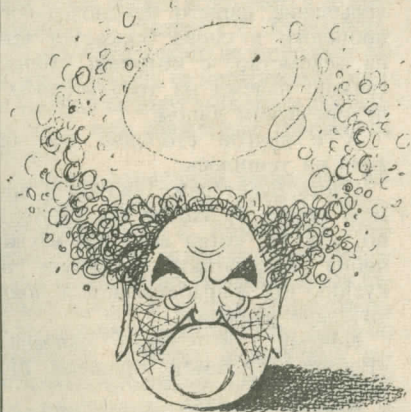
Александр Иванов

ПОЛИТИКИ НЕ БЕЗ КРИТИКИ

Марк ЗАХАРОВ

Ему, как депутату, то неловко,
То зависть вдруг его туманит взор:
Какой идет спектакль! Что за массовка!
Какой великий ставит режиссер!

Давид КУГУЛЬТИНОВ

Держит речь — как читает сонет,
То пророк, то оракул, то критик...
Он в парламенте нашем — поэт,
А в парламенте нужен политик.

Валентин РАСПУТИН

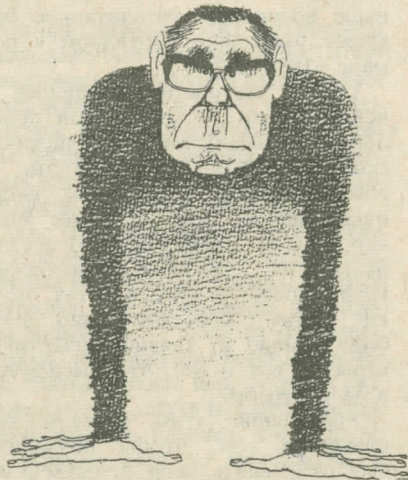
Судьба сложилась бесподобно,
Всем добрым молодцам урок...
Быть «наверху» весьма удобно.
Дай Бог, чтоб не «Последний срок»!

Валентин

Иван ПОЛОЗКОВ

А вот возьми да и спроси я:
Россия, нищая Россия,
Неужто после Ильича
Нам не хватало Кузьмича?!

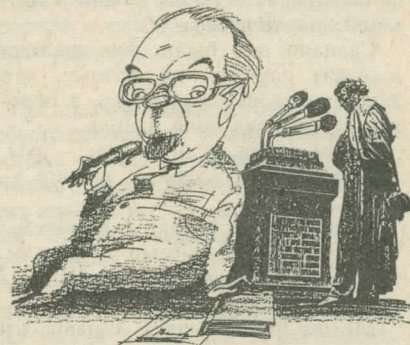
Юрий ВЛАСОВ

Штангу в столько-то кг
Подымал он — эге-ге!
Но позволил вдруг себе
Штангу весом с КГБ...

Николай ШМЕЛЕВ

В научных поисках неистов
И в прозе оставляет след.
У нас среди экономистов
Писателей известней нет.

Дружеские шаржи
Константина Валова.

Юрий БОГОМОЛОВ

А с другой стороны...

Наконец-то, Гостелерадио от слов перешло к делу. И по всем каналам ЦТ с Нового года потекли полноводные потоки художественных программ, тесня и просто поглощая публицистику и общественно-политическую риторику. И это правильно.

Только-только телекомпания «АТВ» самоопределилась в эфире, заинтриговала телезрителей, дала некоторые авансы по части обновления телеязыка и стала работать по понедельникам в жанре видеоканала... Только-только стало вырисовываться нечто вроде здоровой конкуренции в эфире между АТВ и ВИДом, как новая метла, председатель Гостелерадио Кравченко Л. П. взял и отменил понедельники для АТВ, а заодно и пятницы для «Взгляда».

Сделано это было, как водится в таких случаях, не потому, что так захотелось начальнику, а потому, что такова воля народа.

Народ устал от политики — раз. Народ хочет хлеба и зрелищ — два.

И если со жратвой — проблемы и почти непреодолимые трудности, то с пищей для души и интеллекта как-то легче.

Мигом разрешилась казавшаяся еще совершенно неразрешимой проблема показа на телеэкранах кинофильмов. В Новый год шла лента «Человек с бульвара Капуцинов», после Нового года — «Слуга» — обе картины непривычно свежие для телеэкрана. А к этому надо добавить гирлянду старых советских и американских картин. И грозди многочисленных шоу — от «Рождественских встреч» Аллы Пугачевой до капитал-шоу «Поле чудес». И советско-канадский хоккей, и профессионально-фигурное катание... Зрелища. Зрелища...

Зрелища вместо хлеба или, по

крайней мере, разговоров о нем — такова в самой схематичной форме суть политики Л. П. Кравченко, объявившего через газеты, что он «пришел исполнить волю Президента».

Конечно, согласно этой схеме, «Поле чудес» гораздо предпочтительнее «Взгляда». Вся страна по пятницам, простите, теперь по вторникам может облизываться на товары народного потребления в импортном исполнении, отгадывая слово из пяти и более букв.

Буратино-таки отыскал страну дураков: сидим у телевизоров и живо представляем, как само собой растет деревце с купюрами вместо листьев и призами в качестве плодов.

Все это мне что-то напоминает. Не то чтобы наше отдаленное тоталитарное прошлое, но, пожалуй, наше возможное тоталитарное будущее, описанное Оруэллом в романе «1984».

Там, в частности, говорилось о неких пролах — социальной прослойке в Английской Социалистической Республике. «В сущности, — говорится там, — о пролах знали очень мало». Тем не менее кое-что было известно. Известно было, что «тяжелый физический труд, заботы о доме и детях, мелкие свары с соседями, кино, футбол, и пиво и, главное, азартные игры — вот и все, что вмещается в их кругозор».

Управление этим классом состояло в том, чтобы позволить ему отправлять свои естественные надобности. И здесь либерализм

режима не знал предела: пролам позволялось злоупотребление алкоголем, наркомания, проституция, порнография. Им бы и религия была разрешена, полагает Оруэлл, если бы они проявили к ней склонность.

Им бы и высокое искусство предложили — это мое предположение, — кабы они заинтересовались.

В конце концов, какая разница, что используется в качестве кляпа — клип или фуга. И если предпочтение отдается первому, то потому, что он как материал гораздо эффективнее — более звуконепроницаем.

Вот что надо осознать: и самый последовательный тоталитаризм должен иметь либеральный отстойник. Чтобы массу отстранить от истории и из истории, необязательно ее приобщать к партийной идеологии.

Идеологический универсализм нашего тоталитарного прошлого — смешная амбиция.

Петрушенко в качестве Сулова, надеюсь, будет умнее Сулова. Он позволит одним пролам азартные игры, другим — художественные впечатления. Понятно, что искусство небезобидно. Мало того, что разбивает иллюзии, так оно еще и потчует аллюзиями.

Сделал председатель добро пролам умственного труда — показал «Слугу», а там столько двусмысленных намеков на сегодняшний день и на самого председателя.

Разрешил выход на экраны «Николая Вавилова», а там опять оплевывание нашего неоднозначного прошлого и снова бросается тень на ведомство, с которым столько связано надежд на тоталитаризм с человеческим лицом.

А с другой стороны, чем бы дитя ни тешилось...

Пусть будет даже «КВН» в прямом эфире. И это не так крамольно, как то, когда всем без исключения предлагают заглянуть на кухню, где вырабатываются политические решения.

Почему и был запрещен «Взгляд» с темой отставки Шеварднадзе.

И вот почему художественные склонности нынешнего Гостелерадио как-то мало радуют. Они с подтекстом. Они с умыслом. Примерно с тем же, когда известный мультипликационный персонаж вешал пейзаж в доме: надо прикрыть дырку на обоях.

ПРОФЕССОР — СМУТЬЯН

не дает покоя руководству Московского текстильного института им. А. Н. Косыгина

«Во всем мире осталось только два оплота социализма — это Куба и мы» — так говорят, шутя, о своем вузе преподаватели МТИ.

С недавнего времени Московский текстильный институт стал восприниматься многими эдаким административным оазисом на демократичном островке Октябрьского района Москвы. Похоже, здесь нашли способ без излишнего шума «выживать» смутьянов. В их числе оказался нынешний председатель Октябрьского райсовета Илья Заславский — бывший сотрудник кафедры, возглавляемой профессором Г.Е. Кричевским. Теперь, наверное, пришла очередь и самого Кричевского.

Но если вы подумаете, что в институте в открытую идут словесные дуэли, кипят страсти, то ошибетесь. Внешне жизнь течет без особых потрясений. А многие студенты, уверена, и не подозревают о подспудных брожениях среди преподавателей. «Мне всегда казалось, что руководству института нет дела до студентов, у каждого свои дела». Эта фраза одной выпускницы института почти дословно совпала с тем, что мне говорили те, кто заполняет его аудитории сегодня.

— В институте такой принцип: социализм — это прежде всего учет, а не производство, — говорит Г.Е. Кричевский. — В ректорате никого не интересует содержание лекции, ее методическая основа, но, если ты вдруг выбьешься из общего строя, тебя обязательно поставят на место.

Кафедра химической технологии волоконных материалов (ХТВМ), которую возглавляет Г.Е. Кричевский, стремится, чтобы все ее исследования внедрялись в производство. Недавно Герман Евсеевич вместе с другим сотрудником, О.М. Анисимовой, организовал центр по испытанию качества окрашенных текстильных материалов. Он обслуживает все текстильные фабрики Москвы и области, действует на принципах самокупаемости. Сотрудники центра работают на уникальных приборах западногерманского производства. Планов у Кричевского много. Например, он хочет превратить в самостоятельное предприятие малый текстильный комбинат, соз-

данный при МТИ, чтобы студенты и аспиранты могли не только постигать науку, но и зарабатывать деньги. Надо ли доказывать, что в преддверии рыночной экономики таких творческих людей, как Кричевский, надо бы еще поискать.

Но, по всем канонам содраматургии, именно творческая натура стала неудобной тем, кто привык к тихой, спокойной жизни. Кричевский ругает за упрямые научно-исследовательской части института (НИЧ) — за её ненадобность. Он считает, что исследовательской деятельностью должны заниматься сами кафедры. Многие сотрудники этого самого НИЧа входят в Ученый совет, а последний принимает разгромное постановление по деятельности кафедры.

Постановлению предшествовала работа комиссии. Деятельность кафедры изучали долго и скрупулезно. Надо полагать, во исключение контраргументов результаты этой проверки сотрудникам были объявлены устно. По их мнению, они все же были объективны и не так страшны, как это было представлено уже на самом Ученом совете. Если верить постановлению совета, то получается, что за последние пять лет на кафедре из рук вон плохо готовят специалистов для народного хозяйства. А вот что касается науки, то здесь все о'кей: добились «опережающего развития фундаментальных и поисковых научных исследований в наиболее перспективных направлениях...»

Но один перечень этих исследований показывает, что кафедра ХТВМ в использовании экологически чистых технологий играет у нас в стране роль первопроходца. Ее работа получила признание и за рубежом. Не случайно Г.Е. Кричевский совсем недавно избран членом Европейской ассоциации химиков.

Даже студентов удивило мнение ректора по научной работе доктора технических наук В.П. Щербакова, который утверждал, что исследования, проводимые кафедрой, — вовсе не фундаментальные, ибо ультрафиолетовое излучение, плазма и лазер, мол, открыты уже давно. По этой логике выходит, говорил мне аспирант А. Разуваев, что «если не мы открыли воду, то исследования в области применения водной технологии

тоже не могут быть фундаментальными».

Обвинения типа «не готовят, как следует, специалистов» тоже не выдерживают критики. Все дело в том, что кафедра и руководство института разошлись во мнении, как понимать это «как следует». Г.Е. Кричевский, например, разработал собственную программу переустройства МТИ в текстильный университет, о чем здесь пока и не помышляют. Наука в таком вузе, по его мнению, должна опережать учебный процесс, быть одновременно нацеленной на фундаментальную, прикладную и коммерческую функции.

Надо, чтобы у студентов было право альтернативного образования, возможность выбирать разные формы обучения, научного руководителя и т.д. На смену плану приема и распределения должна прийти система контрактов перед поступлением в вуз, во время и после учебы. Пора подумать и о создании банка данных по потребностям в инженерах-текстильщиках. А иначе как еще решить проблему с недобором студентов на некоторые факультеты?

Прежде по выполнению этого старого доброго показателя — плана набора и выпуска — МТИ был одним из ведущих в Москве, доперестроечные десять лет подряд занимал первые места с переходящим Красным Знаменем ЦК КПСС и Госкомобраза. На этот показатель вуз ориентирован и ныне. Однако время изменилось: институт вытягивает теперь план набора в основном за счет таких престижных факультетов, как, например, факультет прикладного искусства. Вдвое снизилось число студентов, командированных предприятиями. По распределению уезжает всего половина выпускников...

Казалось, в этих условиях рекламой института могло бы стать то новое, передовое, над чем, собственно, и работают кафедра ХТВМ и ее руководитель. Ректор И.А. Мартынов, наоборот, считает главным для института «определение целевого заказа на специалистов». Надо,

мол, «выходить» на каждое предприятие, не ограничиваясь, подобно кафедре Кричевского, письмами-приглашениями.

Разные они люди — зав. кафедрой и ректор. Первый — ученый, с головой ушедший в науку, пишет учебники для студентов, но не отрывается при этом и от жизни вуза. У второго же развита прежде всего административно-хозяйственная жилка. Благодаря его стараниям возведены учебные корпуса, общежития, профилакторий, создана спортивно-оздоровительная база. «Новые корпуса и 25 процентов студентов в Ученом совете — это что, не демократия?» — любит повторять Иван Антонович. Открыты новые кафедры, стали преподавать новые дисциплины. На этом, правда, новшества для студентов заканчиваются. Как, впрочем, для системы вузовского образования в целом, которая пока что делает ставку на финансово-экономическую и административную самостоятельность, забывая о демократизации управления высшей школой.

МТИ, как и прежде, остается в числе

самых законопослушных вузов, чутко реагирующих на все постановления Госкомобраза. И, конечно же, критическое отношение профессора Кричевского к указу президента о высшей школе идет вразрез с общей установкой руководства института. А каково И.А. Мартынову, который за 40 лет работы в МТИ прошел все ступени иерархической лестницы — аспирант, секретарь комитета ВЛКСМ, секретарь парткома, декан, проректор, ректор, — воспринимать, что в его отнюдь не многопартийном институте уважаемый всеми профессор, заведующий кафедрой, вдруг выходит из КПСС! В глазах Ивана Антоновича это выглядело не иначе как святотатство. А тут еще смутьян-профессор, опередив других претендентов — преподавателей МТИ, одержал победу на выборах в народные депутаты Октябрьского райсовета.

Нынешние студенты делают МТИ на «институт» и «кафедру». Институт для них — это «обязаловка», какой-нибудь очередной эксперимент наробраза, рупор

вузовского радио, строго запрещающий курить, «насквозь партийная многотиражка» да комитет комсомола, которому некоторые студенты «шутя» не платят взносов уже больше года. А кафедра — живая, интересная работа. В ее лабораториях можно и «похимичить», и вместе с учеными учебник написать...

Но и этому «раздолью» скоро, похоже, придет конец. Недавнее заседание Ученого совета МТИ по поводу подоспевшего конкурса на должность заведующего кафедрой ХТБМ укрепило среди коллектива этой кафедры уверенность в том, что место Кричевского скоро займет другой. Сотрудники заявляют, что поддерживают своего руководителя, но не забывают между делом подыскивать себе новое место работы...

Мы живем в удивительное время. «Наверху» может быть и многопартийность, и новый председатель райсовета — радикал неумолимый, но подножке административной системы стоит незыблемо. Там в чести такие же тихие, серые и послушные, как и раньше. Система как кушала творческих людей, так и продолжает их кушать. Г. ЕМЕЛЬЯНОВА

ПИСЬМА

ПОЗВЯКИВАЯ УТЫЛКАМИ...

*Председателю Мосгорисполкома
Лужкову Ю. М.
от депутата Моссовета
В. В. Паринова
Копия — в редакцию
«Столицы».*

Возросла залоговая стоимость стеклопосуды. Соответственно увеличилась очередь в пункты приема стеклотары. Приемщики посуды, однако, стали работать не быстрее, а гораздо медленнее. Каждую бутылку они изучают чуть ли не с микроскопом. Разумеется, они готовы принять ее без очереди и без такого подробного исследования. Но по цене — 30 копеек.

Единственный приемный пункт, удобный для меня по пути на работу, — в Козицком переулке. Вот уже пятый день я ношу с собою в портфеле пять бутылок, так как натыкаюсь на очередь в 15—20 человек. Как и у Вас, у меня нет времени стоять в ней 40—60 минут.

Мой рабочий стол нахо-

дится в том же здании, что и Ваш кабинет. Возможно, выходом из этой тупиковой ситуации будет Ваше поручение моему секретарю о приеме посуды в приемной для всех сотрудников, работающих в здании Моссовета. Секретарь будет нам возвращать залоговую стоимость посуды, а начальник Главмосторга — вывозить ее затем из здания Моссовета.

При положительном решении вопроса обязуюсь ежедневно сдавать Вашему секретарю по пять бутылок (больше в портфеле не помещается).

**ПАРИНОВ В. В.,
депутат Моссовета**

НА ЗОЛОТЫХ КОЛЕСАХ

Если покупатель увидит в магазине стоящий на полке товар и захочет приобрести его по обозначенной государством цене, а продавец потребует в 5—10 раз больше, то его сочтут сумасшедшим или преступником. Когда же речь идет о таксистах, ра-

ботающих на государственных машинах, — они могут назначать любую цену. Все только разводят руками — от простых людей до работников правоохранительных органов и высших руководителей транспорта в СССР.

Пока же спекулянты за рулем государственных машин попирают все человеческие нормы. Так, недавно я забирая свою жену после операции. Целая куча такси стояла вокруг, но никто не согласился ехать в Кунцево меньше чем за 30 рублей (это моя недельная пенсия). Они прекрасно видели, что перед ними пожилые люди, что жена моя только из больницы.

Не так давно стал известен случай, когда группа преступников ворвалась в таксопарк, убила таксиста. Ужасно, что и говорить. Но что характерно, таксисты сразу же заперли на государственных машинах весь центр города, требуя от Моссовета помощи и защиты. А кто от них самих защитит москвичей? У них свой закон и мораль. Государство само наделяет их персональным транспортом,

оставляя методы использования на полное их усмотрение.

Таксисты любят ссылаться на низкие тарифы. Но они вовсе не низки при нашей зарплате. В США тариф — от 70 центов до 1 доллара за километр. Средняя зарплата же — 2,5 тысячи долларов в месяц. У нас — 20 копеек при примерно 240 рублях. Соотношение — в два раза выше не в пользу нашего пассажира. Реально же таксисты требуют рубль за километр.

А ведь бороться с этим злом можно. У каждого таксиста есть фамилия, а у его машины номер, которые он и не думает скрывать. Можно провести ряд целевых проверок. И наказание должно быть серьезное: на первый раз — крупный штраф, на второй — увольнение без права в течение какого-то времени работать на общественном транспорте. Власти и возможностей для этого достаточно.

Москва **А. СМЕРНОВ,
ветеран Великой
Отечественной войны**

**«В ЭСКОРТЕ
ЗВЕЗД!»**

963 МГц
**РАДИО
NOSTALGIE
МОСКВА**

Каролина Верди, Патриция Каас и другие звезды французской эстрады сопровождают ВАШУ РЕКЛАМУ на волнах

«РАДИО НОСТАЛЬЖИ-МОСКВА»

ежедневно с 11.00 до 16.00 на средней волне 312 м (963 кГц)

Москва, 113226, Пятницкая, 25
233-68-49
233-63-90
Телекс 411 136 SU

**ВНИМАНИЮ РУКОВОДИТЕЛЕЙ
ПРЕДПРИЯТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ, ОТДЕЛОВ
ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ И НАРОДНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ, АССОЦИАЦИЙ И ФОНДОВ,
КООПЕРАТИВОВ И ХОЗРАСЧЕТНЫХ
ЦЕНТРОВ, ДИРЕКТОРОВ ШКОЛ И
АВТОШКОЛ, ВОДИТЕЛЕЙ И РОДИТЕЛЕЙ**

ОСТОРОЖНО, ТРАНСПОРТНЫЕ «ЛОВУШКИ»!

В ВОСЕМЬ РАЗ БОЛЬШЕ, ЧЕМ В ЯПОНИИ, ПОЧТИ 5600 ДЕТЕЙ ЕЖЕГОДНО ПОГИБАЮТ В НАШЕЙ СТРАНЕ ПОД КОЛЕСАМИ АВТОМОБИЛЕЙ ИЗ-ЗА НЕУМЕНИЯ ВОДИТЕЛЕЙ И ДЕТЕЙ РАСПОЗНАВАТЬ 30 ОБМАНЧИВЫХ ДОРОЖНЫХ СИТУАЦИЙ — «ЛОВУШЕК».

ХОТИТЕ ЛИ ВЫ, ВОДИТЕЛЬ, ИЗБЕЖАТЬ НАЕЗДА НА РЕБЕНКА?

ХОТИТЕ ЛИ ВЫ, РОДИТЕЛЬ, НАУЧИТЬ СВОЕГО РЕБЕНКА ПРЕДВИДЕТЬ РАЗВИТИЕ СИТУАЦИЙ И ИЗБЕГАТЬ ПОПАДАНИЯ В ТРАНСПОРТНЫЕ «ЛОВУШКИ»?

ХОТИТЕ ЛИ ВЫ ПОМОЧЬ ПРОГРАММЕ СНИЖЕНИЯ ДЕТСКОГО ДОРОЖНОГО ТРАВМАТИЗМА В МОСКВЕ?

ПРИБОРАЙТЕ ДЛЯ СЕБЯ, ДЛЯ СВОЕГО КОЛЛЕКТИВА, ДЛЯ ДЕТСКИХ САДОВ, ШКОЛ КОМПЛЕКТЫ СИТУАЦИОННЫХ ПЛАКАТОВ «КАК УБЕРЕЧЬ ДЕТЕЙ ОТ ОПАСНОСТИ ПРИ ПЕРЕХОДЕ УЛИЦЫ?», ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ЦЕНТРОМ «СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ» ФИРМЫ «СОЦИННОВАЦИЯ» И ВЫХОДЯЩИЕ ИЗ ПЕЧАТИ В ОКТЯБРЕ 1990 Г.

1 СЕРИЯ. ДЛЯ ДЕТЕЙ, РОДИТЕЛЕЙ И ВОДИТЕЛЕЙ.

ПОЧЕМУ ДЕТИ ПОПАДАЮТ ПОД МАШИНУ?

2 СЕРИЯ. ДЛЯ ДЕТЕЙ.

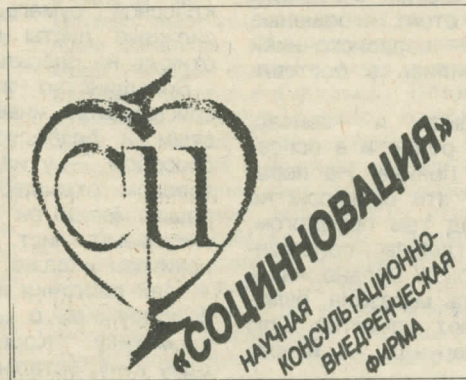
КАК РАЗГАДАТЬ ДОРОЖНУЮ ЗАГАДКУ И НЕ ПОПАСТЬ В ДОРОЖНУЮ «ЛОВУШКУ»?

3 СЕРИЯ. ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ.

КАК НАУЧИТЬ РЕБЕНКА НЕ ПОПАДАТЬ В ТИПИЧНЫЕ ДОРОЖНЫЕ «ЛОВУШКИ»?

4 СЕРИЯ. ДЛЯ ВОДИТЕЛЕЙ.

КАК ИЗБЕЖАТЬ НАЕЗДА НА РЕБЕНКА?

Для родителей

**4. ПОМОГИТЕ ДЕТЯМ
ПОНЯТЬ,
ЧТО ОБХОДИТЬ
АВТОБУС СЗАДИ
ТОЖЕ ОПАСНО!**

Автобус нельзя обходить ни спереди, ни сзади! Ребенок сам должен в этом убедиться.

Покажите ему, каким опасностям подвергается пешеход; если он решил перейти улицу возле остановки, от которой еще не отошел автобус.

В таких ситуациях попадают под машину почти 6 процентов детей, получающих травмы в дорожно-транспортных происшествиях.

**ПОМНИТЕ, БЕДУ МОЖНО ПРЕДОТВРАТИТЬ, ЕСЛИ ДЕТИ
И ВОДИТЕЛИ БУДУТ ГОТОВЫ К ТРАНСПОРТНЫМ «ЛОВУШКАМ»!**

СНОВА ОХОТА НА ВЕДЬМ, или Не сжигайте Горбачева

Опыт по уничтожению неугодных книг у человечества накоплен огромный. Еще в средние века пачками швырялись в костры пергаменты с крамольными мыслями и едкими памфлетами с политическим уклоном. А проштрафившемуся автору, если повезет, приходилось пускаться в бега, дабы избежать виселицы или костра.

В нашем веке этот кошунственный процесс пошел стремительнее, и современники уже не удивлялись, когда из магазинов и библиотек исчезали целые перечни книг, включающих в себя тысячи названий. Библио-

графической редкостью стали произведения Хрущева, Брежнева, Суслова... Сочинения Троцкого, Бухарина, Сталина в букинистических магазинах ныне стоят бешеные деньги — первоисточники превратились в бестселлеры.

Сжигают и сейчас, правда, редко и в основном — Ленина. На переработку эти брошюры не идут под тем предлогом, что, отлежав положенный срок в чулане какого-нибудь магазина, бумага теряет качество. Это явная ерунда — я сам

Генеральный директор "Москнига"
Горбунов А.В.
1990 года.

СПИСОК № 121

литературы издательства ПОЛИТИЗДАТ, подшефной списанию в книготорговой сети

1. Материалы XXII съезда КПСС. Сборник. 1986, 1987
2. Материалы Пленума ЦК КПСС. 16 июня 1986 года. 1986
3. Резолюция XIX Всесоюзной конференции КПСС. О ходе реализации решений XXII съезда КПСС и задачах по ускорению перестройки. 1988
4. Горбачев М.С. Политический доклад ЦК КПСС XXII съезду КПСС. 25 февраля 1986 г. 1986
5. Рыков Н.И. Об основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986-1990 годы и на период до 2000 года. 1986
6. Горбачев М.С. Активно действовать, не теряя времени. 1985
7. Горбачев М.С. Бессмертный подвиг советского народа. 1985
8. Горбачев М.С. Быстрее перестраиваться, действовать по-новому. (Речь на встрече с трудящимися г. Тольятти). 1986

По указанным в списке названиям списываются все издания предыдущих годов выпуска.

держал в руках новехонькие книжки «Государство и революция», отпечатанные на первоклассной бумаге, белоснежные листы которых отнюдь не рассыпались.

Большинство же книг списывается иным, простым и безболезненным способом — у издания с треском отрываются корешок (если он есть) и титульный лист. Работа нехитрая и даже веселая — рви листочки и болтай с подружкой о ценах на косметику. Корешки в одну кучу, остальное — в другую. Потом подписывается акт, приезжает грузовик, и автор вместе со своим детищем исчезает с глаз читателей надолго, а может, и навсегда.

И вот настала очередь нашего ныне здравствующего Президента. В конце сентября «Москнига» разослала по торговым точкам документ, подписанный ее директором А. В. Горбуновым, выдержку из которого мы и воспроизводим. Не хочется вдаваться в пространный комментарий — список достаточно красноречив, но задать несколько вопросов все же надо.

На каком основании и кем было принято это решение? Не становимся ли мы свидетелями поспеш-

ного замалевывания политических ошибок и негласного уничтожения их следов?

Когда закончится малодушная подгонка исторических фактов под сегодняшней, сиюминутный момент? Результаты насильственного умерщвления мыслей, идущих вразрез со временем, мы испытываем сейчас особенно остро. В конце концов надо перестать стыдливо смотреться в зеркало, обнаруживая там не прекрасный лик, а некий затуманенный образ.

И наконец, уверенно ли чувствует себя политик, лишенный своего вчерашнего дня?

...А пока, любители раритетов, торопитесь — возможно, еще не везде успели порвать все программные статьи и речи здравствующего Президента по 1988 год включительно. Вдруг вам повезет и вы станете обладателем книжечек, официально признанных абсолютно никому не нужными. Или, страшно сказать, вредными?

Михаил МАСЛОВ

Фото Ю. Штукина

СЛ-70, или СЕКРЕТНЫЙ ЗАКАЗ К 100-ЛЕТИЮ ИЛЬИЧА

В связи с переходом на рыночную экономику, учитывая тенденции ослабления роли коммунистической партии, а может быть, просто из страха перед расклатой некоторые деятели культуры в СССР начали каяться. Пришла пора сделать это и мне. Строго говоря, к деятелям совкультуры я не принадлежу. Из Московского комитета художников-графиков изгнан бесповоротно — в 1987 году.

Я — лицо без определенных занятий, проживающее неизвестным образом более полутора лет на Западе. Вроде нет необходимости бить себя в грудь и перед кем-то извиняться. Но внутренний голос твердит: расскажи, расскажи о постыдной странице своей биографии. И вот я рассказываю. Может быть, пригодится историкам будущей настоящей ленинаны.

В самом начале 1970 года бригаде макетчиков во Всесоюзном Художественном Комбинате* дали важное правительственное задание. Оно было настолько секретным, что нам даже не объяснили, что мы будем делать. В своей бригаде я был рядовым макетчиком. Бригадир Олежек, опытный битый волк, работавший в свое время с такими личностями, как Иофан, Вучетич и другие сов. корифеи, не показал нам общий чертеж, по которому мы должны были делать это.

Секрет, впрочем, открылся очень быстро. Несмотря на строгий запрет *разглашать*, на следующий день весь комбинат приходил к нам посмотреть, как в специально выделенном помещении мы делаем гроб. Точнее сказать — не гроб, а саркофаг Ленина и даже не сам саркофаг, а его модель в натуральную величину. Меня не посвящали в детали — может быть, потому, что уже тогда не верили. Тем не менее я сравнительно легко узнал, что почетное задание нам необходимо выполнить к февралю, поскольку потом модель нужно будет воплотить в стекле и бронзе. Каждому макетчику по самодельному чертежу предстояло делать часть общей работы. Примерно через неделю после начала работы издательство начало приобретать очертания. На постаменте, грубо сколоченном из досок, стояла нижняя часть саркофага и отдельно — крышка. Длинной гроб был около 2,5 метров. Меня удивила толщина стенок — они были не менее 50 миллиметров. Когда модель саркофага была сделана, бригадир Олежек с несколькими умельцами приступил к изготовлению *лепнины* — то есть

украшений в виде всевозможных символов: целого герба СССР, отдельно — солнца с лучами, серпа, молота, звезды, венков из дубовых листьев с желудями, лавровых листьев и еще чего-то, что я сейчас не могу вспомнить. Бригадир *не порол отсебятину* — все лепные украшения были изображены вначале в мастерской Н. В. Томского. Того самого, чей веселый Гоголь стоит сейчас на Гоголевском бульваре. Символика делалась из пластилина. Несколько раз Николай Васильевич (скульптор) приезжал на комбинат и дрожащей от старческих недугов рукой подправлял желудди, листья, лучи солнца. Авторская правка была очень недолгой, поскольку бригадир Олежек делал все правильно. Он уже много лет, еще при Сталине, а потом при Хрущеве и Леониде Ильиче, знал, как надо делать, чтобы было правильно. Все эти украшения наши умельцы отлили в гипсе и приклеили в изголовье и в ногах... Потом приезжали какие-то чисто одетые люди из Министерства культуры, о чем-то говорили с бригадиром, выставив нас предварительно из помещения. Готовый саркофаг исчез как-то незаметно, и мы забыли о нем. Однако, когда прошло пышное столетие со дня рождения Основателя, отгремела тарбарщина, отзвучали на торжественных заседаниях неперемные завывания партийного гимна «Интернационал», саркофаг вдруг напомнил о себе. Всю бригаду вызвали к началу работы. Директор Косарев (через пять лет он будет выгонять меня за «модернизм», за участие в выставке неофициальных художников) размашисто, по-рабочему пожал всем руки и вручил по грамоте.

Там было сказано, что за выполнение специального правительственного задания «СЛ-70» я награждаюсь этой грамотой. Внизу стояла подпись Фурцевой. Аббревиатуру я расшифровал сам — «Саркофаг Ленина, 1970 год». В тот же день нам выдали по 30 рублей. Бригадир Олега Олежека с утра на работе не было. Он приехал к вечеру, когда ребята уже сходили в магазин и купили все, что надо, чтобы обмыть премию. Олежек был очень возбужден. Он показал нам орден (кажется, «Знак Почета») и, узнав, что мы получили деньги, в сердцах сказал, что сейчас же поменял бы орден на премию. На это я заметил, что очень странно слышать из уст коммуниста, удостоившегося правительственной награды, такие речи, тем более, что он, бригадир, постоянно заявляет, что я

враг и антисоветчик.

Потом мы все хорошо выпили и закусили. Бригадир Олежек расчувствовался и рассказал, где он был утром. Его вызвали в Кремль. Провели в какое-то большое подвальное помещение. Там он увидел оригинал нашего саркофага. Два оригинала. Один стоял на пьедестале, а второй был прислонен к стене. Оригинал был сделан из 50-миллиметрового бронестекла, отлитого на Ленинградском спецзаводе. Желуди, звезды, серпы и пр. были отлиты в бронзе на Мытищинском литейном заводе и прикреплены к оригиналу.

Подвал наполнился людьми в форме и в штатском. Бригадир Олежек сказал, что узнал кого-то из Политбюро, но фамилию не назвал. Была там Фурцева, еще какие-то министры, скульптор Н. В. Томский, а также командант Кремля, командант Мавзолея и совсем уж законспирированные люди ученого облика.

Один из военных подвел его ко второму, прислоненному, саркофагу. Бригадир увидел, что его поверхность покрыта мелкими сбоями, следами автоматных пуль и, возможно, взрывов. Саркофаг был цел.

Потом бригадиру вручили орден, а скульптору Томскому присвоили еще и какое-то почетное звание.

Я, к сожалению, так и не видел издательство СЛ-70 в оригинале. В Мавзолея я был всего два раза в жизни — один раз еще при Сталине, когда Ленин лежал в одиночестве, и второй раз — когда Ленин и Сталин лежали рядом.

Я мог бы сказать в свое оправдание, что был всего лишь рабочим, который выполнял задание. Но перед кем я оправдываюсь? Меня вроде бы никто не обвиняет, а в КГБ считают врагом. Видимо, многие из нас когда-то делали то, за что сегодня неловко и, может быть, стыдно. Я не исключение. Единственное, что меня успокаивает, так это то, что вечерами, придя с работы, я рисовал, рисовал, рисовал. Я делал это за десять лет до СЛ-70 и через десять лет, делаю и сейчас. Как раз к столетию вождя я сделал один из альбомов, посвященных ему. Какое счастье, что через восемь лет КГБ не нашел его у меня на облыске! Мне не пришлось бы каяться...

В. СЫСОЕВ

Берлин. 1990 год.

* Профсоюзная ул., 76 (или 78)

Валерий ИРБИС

Ловушка для шпиона

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ШПИОНАЖ ПЯВИЛСЯ И У НАС. И СРАЗУ СТАЛ ЗАНЯТИЕМ ОЧЕНЬ ОПАСНЫМ: ОКАЗАЛОСЬ, ЧТО У НАС ЕСТЬ ЛЮДИ, ЗАНИМАЮЩИЕСЯ КОНТРАШПИОНАЖЕМ.

Из сейфа председателя одного из московских кооперативов исчез пакет технологий. Конкретно — по производству строительных блоков из глиносодержащих грунтов, — но это не суть важно. Важно, что на их разработку кооператив потратил полтора года исследований и около пяти сот тысяч рублей. У похитителей было две возможности продать документы: внутри СССР или за границу. Второй вариант безопаснее и выгоднее...

Преступники были задержаны через два дня — не милицией. Операцию по их задержанию с поличным в номере интуристовской гостиницы в момент передачи документов австрийскому бизнесмену успешно провела служба охраны кооператива. А всю предварительную аналитическую работу проделала Елена Яковлева.

Ее облик противоречит классическим штампам о контрразведке. Она не супермен, никогда в жизни не держала в руках оружия, с дедукцией Шерлока Холмса знакома только по романам. Как пользоваться магнитной отмычкой — знает, но лишь теоретически...

Впрочем, и то, чем она занимается, далеко от наших представлений о контрразведке.

— Лена, перед вами на столе — финансовые документы. Если не секрет, зачем они? Ведь вы не бухгалтер, а аналитик?

— С одной стороны, жаль, что не бухгалтер, — она вздыхает весьма горестно. — Было бы намного легче изучить бухгалтерию, финансы и кредит раньше, еще в институте, чем тратить драгоценное для фирмы время сейчас.

Согласно советским законам, каждое предприятие обязано сдать балансовый отчет в банк, для проверки его финансовой деятельности. Но

никто раньше не задумывался над тем, что любой финансовый документ содержит коммерческую информацию, утечка которой может повлечь убытки. Сводный документ — тем более. К сожалению, финансовые органы и сам банк, проверяя нашу отчетность, не заботятся о чужих интересах — они в этом не заинтересованы. В случае небрежного обращения с коммерческой тайной пострадавшее предприятие по закону не в состоянии привлечь банк к ответственности по возмещению ущерба. Поэтому мне приходится редактировать финансовые документы в свете моей специальности.

— Я был твердо убежден, что специалистов по защите коммерческой информации в СССР просто нет. Неужели их все-таки кто-то готовит?

— По коммерческой информации — вы правы, их и в самом деле нет. В моем дипломе записано «инженер-

организатор защиты информации». Таких специалистов совсем недавно стал готовить Московский государственный историко-архивный институт — но по защите государственных (а не коммерческих) секретов. И я писала диплом по этой специальности, но с элементами защиты коммерческих тайн. А теперь вместе со своими единомышленниками работаю в малом предприятии, зарегистрированном при одном из райисполкомов Москвы.

— Мы с вами находимся сейчас в филиале СП «Стикс» (СССР, ФРГ, Швеция). Оно заплатило значительные деньги, чтобы пригласить специалиста по коммерческой тайне — за что? Какую работу вы здесь выполняете?

— Я лично занимаюсь аналитической обработкой коммерческой информации и прогнозированием возможных каналов ее утечки. Другой мой коллега, например, обеспечивает безопасность проведения совещаний, переговоров, презентаций, выставок — но уже техническими средствами. Есть у нас и отличный специалист-компьютерщик, чья задача — защита информации на стадии автоматизированной обработки и в коммуникационных сетях. Есть и оперативные работники, им приходится контактировать с нашими условными «противниками». Пока что работаем, несмотря на часто возникающие трудности, довольно успешно: утечек нет.

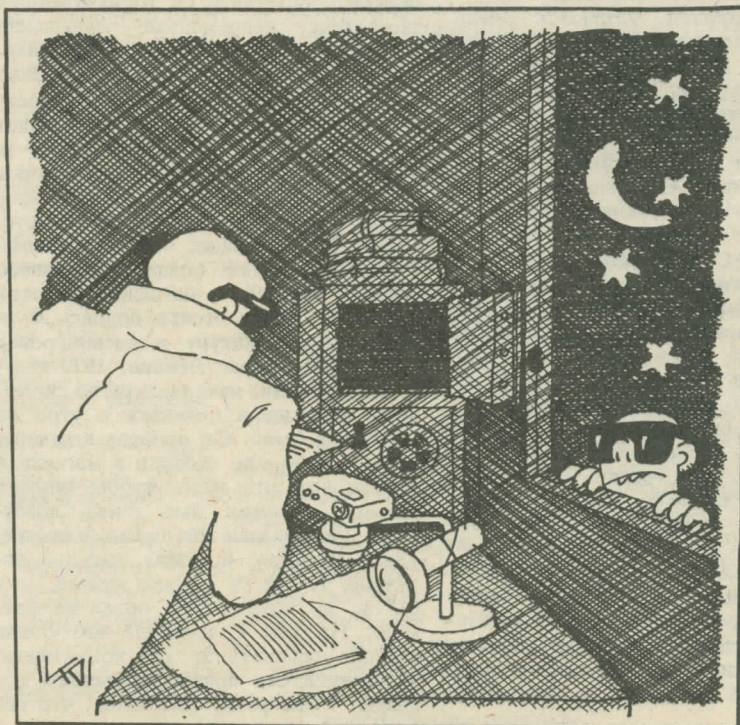

Рис. А. Казачкова

— А трудности есть?

— Да, они вызваны, как правило, обыкновенной человеческой глупостью. «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится». Пока не украл — зачем сторожить? Это ведь никому не нужно... Не понимают главного: финалом беспечности зачастую оказывается экономическая пропасть, из которой уже можно и не выбраться.

— Это одна сторона медали. Другая: люди внемлют нашим советам, но считают, что из-за двух случайно оброненных слов ничего страшного произойти не может.

— Но самая главная трудность заключается в негибкости и нечеткости экономического законодательства страны, по которому коммерческий ущерб, вызванный разглашением тайны фирмы, никак не возмещается лицом, действия которого повлекли этот ущерб.

— Ваша организация — единственная в своем роде или уже есть конкуренты?

— Существует несколько частных

и полугосударственных детективных агентств, в уставах которых зафиксирована деятельность по тем же проблемам, что и у нас. Но, заявляя своей работой, мы пришли к выводу, что фактически эти агентства являются нашими потенциальными противниками, а не конкурентами. Они занимаются сбором и продажей информации своим клиентам! Подобная деятельность — нечто стоящее посередине между промышленным шпионажем и частным сыском. Я не хочу никого обидеть, но Бюро частного сыска при Фонде молодежной инициативы при Фрунзенском райкоме ВЛКСМ (видите, какая «навороченная крыша») несколько раз «засветило» себя именно подобной деятельностью. Что касается действительных конкурентов, то их немного, да и поле деятельности у нас разное. Торгово-промышленная палата занимается защитой коммерческих тайн, но на государственном уровне. Да и КГБ пока еще никто не отменял.

— И все же — вы уверены, что ваша работа жизненно необходима

предприятиям, организациям, всем предпринимателям?

— Мечта каждого: СССР — правовое государство. А в правовом государстве, как известно, никто никому и ничью волю навязывать не будет. Если кто-то убежден, что его личные меры защиты эффективнее предлагаемых нами, то может к нам не обращаться. Все строится на взаимном уважении и взаимной выгоде. Но чаще всего народная мудрость не врет: скупой платит дважды. А лично мое мнение — дурак платит трижды.

К стати, о той, неудавшейся попытке промышленного шпионажа. Справедливости ради нужно отметить, что гражданин Австрии (которому пытались продать пакет документов) был введен в заблуждение — он не знал, что технология краденая. С него запросили двадцать пять тысяч долларов, и он, проконсультировавшись со специалистами, согласился, так как на Западе за подобную технологию пришлось бы заплатить раз в тридцать дороже.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

НЕ СОГЛАСНЫ!

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

Мы, слушатели Военной академии имени М. В. Фрунзе, с большим недоумением прочитали опубликованное за подписью «группа слушателей 2-го курса...» письмо «Генерал на страже» (№ 5 за 1990 г).

Считаем, что факты, изложенные в нем, не соответствуют действительности. Люди, о которых идет речь, никому и никогда не давали повода для подобных бездоказательных и бесцеремонных обвинений. В частности, мы возмущены подтасовкой фактов, связанных с деятельностью генерал-лейтенанта Ю. Д. Зайцева. Глубоко уважая этого человека, заявляем, что данная в письме характеристика его деятельности в академии — вымысел и клевета. К тбилисским же событиям он вообще не имеет никакого отношения.

Для того чтобы бросить тень на частных людей и на академию в целом, анонимные авторы используют застарелый, но, к сожалению, еще действенный прием навешивания ярлыков. Их нисколько не смущает то обстоятельство, что

объективную оценку роли армии в тбилисских событиях еще предстоит дать истории, что преднамеренное противопоставление генералов офицерам, а офицеров — рядовому составу надуманно и носит провокационный характер.

Оценивая же морально-нравственную атмосферу в академии, составители письма идут на прямой подлог. Понятно, у нас немало нерешенных проблем учебы, службы и быта. Но нельзя не видеть и того, что все мы — и воспитатели, и воспитуемые — стоим на единых позициях конструктивных перемен в армии и стране. Да, по некоторым вопросам мы критически относимся к деятельности органов государственной власти, но это мнение формируется не «с высоких трибун генералами», как сказано в письме, а тем, что мы видим в реальной жизни. К тому же народные депутаты, общественные деятели, известные ученые — нередкие гости в слушательской аудитории. Поэтому у нас обсуждаются различные точки зрения, но руководствуемся при этом мы, прежде всего, интересами защиты Родины.

В этой связи мы заявляем, что подобные публикации наносят нашему обществу только вред. Пользу же может принести только открытый и честный диалог. Слушатели академии к нему готовы.

По поручению слушателей 2-х курсов
Военной академии имени
М. В. ФРУНЗЕ

Майор **ГУШИН С. Н.**,
Майор **СУРИН А. А.**,
Майор **БАНДУРКО А. В.**
(Всего 272 подписи)

ОТ РЕДАКЦИИ. Что касается встречи со слушателями академии им. Фрунзе для открытого диалога, то, по предварительной договоренности, она состоится в феврале. Пока же хочется сказать, что в опубликованном письме (а авторы его не анонимны, редакции их фамилии известны), на наш взгляд, нет попытки противопоставить, например, генералов и офицеров, офицеров и рядовых. Не сказано там ничего и об участии генерала Зайцева в тбилисских событиях. Мы вполне допускаем, что слушатели академии могут по-разному оценивать ситуацию в своем вузе. О чем мы и надеемся поговорить в феврале.

ПЕРЕСТРОЙКА ПЕРЕСТРОЙКИ

Общение граждан с властями — осталось прежним — в нем преобладают просительные интонации. Зато отношение властей к населению стало несколько иным — внешне сочувственным, а по сути — еще более непробиваемо надменным...

Жалуется гражданка С. из Ленинградского района Москвы на тесноту. Живут — она, муж, двое детей (мальчик и девочка) и свекровь в смежных комнатах. На человека приходится чуть больше четырех квадратных метров. По закону семья должна быть поставлена в очередь на новую квартиру. Ее ставят. Это произошло еще до перестройки. Но дело в том, что вот уже и перестройка всту-

пила в свою следующую стадию — в перестройку перестройки, а невидимая очередь ни с места. Семья на грани распада, в отчаянии пишет гражданка С. И ее можно понять: за годы перестройки маленькие дети подросли — девочке двенадцать, мальчику шесть, от их любопытства не спрятаться...

Редакция квартир не предоставляет. Редакция лишь может воззвать к владельцам и всеильным распределителям «жилого фонда»: помогите семье! Вскоре в редакцию приходит официальный ответ № С-4-12/14539-0. Читательница не обманула: у нее (год рождения) действительно есть муж (год рождения), двое детей (девочке двенадцать, мальчику шесть) и свекровь зного года рождения. В квартире смежные комнаты. На каждого приходится чуть больше четырех квадратных метров. Вот только, оказывается, дочь не от нынешнего мужа, а от первого. Официальное письмо испещрено цифрами: годы рождения, квадратные метры, номера исполкомовских решений...

А зачем нам знать, от какого брака дочь? Надо думать, заместитель начальника Главмосжилучета т. Клоничкий по старой привычке вложил в эту строчку намек: дескать, ах! «заявительница» не первый раз замужем. К улучшению жилищных условий семьи подробности интимной жизни С. не имеют ни малейшего отношения! Да хоть от десятого брака та дочь — т. Клоничкому-то что до этого? Редакции этот факт биографии гражданки в высшей степени безразличен. И в законе об этом ни слова. Видимо, автор официального ответа хотел этим подчеркнуть, что сам он еще ни разу не целовался.

Все ответы из Главмосжилучета такого сорта. Начинаются с подробностей личной жизни «заявителей» (не помнится ни одной «чистой» биографии), а заканчиваются и вовсе за упокой. Вот так: «В соответствии с решением исполкома Моссовета № 636 от 27.03.90 г. в план 1990 г. по обеспечению очередников районов жилой площадью включены граждане, принятые на учет по категории «об-

Рис. А. Казачкова

щие основания» в 1980 г. Поэтому эта семья (поставленная на учет в 1984 году. — Ред.) не включена в лимит 1990 г.».

Но есть новое. Это два словечка — «к сожалению»: «Исполком Ленинградского райсовета не может, к сожалению, предоставить гр. С. жилую площадь в текущем году». «К сожалению» — это перестройка, такого раньше не было. В официальном отказе, то есть в ответе, о «заявителях» приходилось читать такие грязные подробности их личной жизни, о которых по письму в редакцию догадаться было просто невозможно. Как только Главмосжилучет до чужого интима докапывался! Однако вот соболезнования, да почти искреннего, прежде не встречалось...

Перестроился Главмосжилучет, сотрудников которого народ не выбирал, — сам бог велел перестроиться выборным Советам. Признаться, прежде редакции туда письма читателей посылали редко: толку не было никакого. Советы были самыми бюрократическими учреждениями с прилепленными к тамашним стульям сотрудниками. Теперь же на самое, казалось бы, обычное письмо в редакцию вдруг пришел пространный официальный ответ — и не на бланке даже. На простой писчей бумаге. Вот это демократия. Но тоже какая-то чудная...

Елена Федоровна Болдина из Зеленограда, пожилая одинокая женщина, узнала, что дом, в котором она живет, предназначили на слом. Ее взволновало грядущее: на покупку новой квартиры денег у нее, разумеется, нет, а перевезать в коммуналку не хочется. Может быть, писала она, ей позволят дожить спокойно в ее квартире, а дом сломают после ее смерти?..

Заместитель председателя исполкома Зеленоградского горсовета М. Тихонов написал свое письмо на компьютере. Знай наших! С предисловием на отдельной странице: «Направляю Вам копию ответа на письмо гр. Болдиной Е. Ф. (прилагается). Полагал бы целесообразным на страницах журнала «Столица» вести разговор о порядке проведения реформы жилищного хозяйства г. Москвы». Затем с компьютером вдруг что-то случилось и он отпечатал: «*Line-139 Col-2 SELBST Insert WW-off».

А потом пошло письмо: «Уважаемая Елена Федоровна! В своем письме Вы поднимаете важный государственный вопрос о порядке приватизации жилья и о судьбе пенсионеров, проживающих в старых, нуждающихся в ремонте домах. До принятия окончательных ре-

шений по данному вопросу Моссове- том или Верховным Советом Респу- блики здесь действительно возникает много обоснованных вопросов».

Следует подробное изложение вопро- сов, ответов, какие-то полулогиче- ские измышления, домыслы...

«Если учесть, что большинство жи- телей своими многолетними налогами *Line-15 Col-2 SELBST Insert WW-off уже фактически выплатили государ- ству стоимость их домов, то хозяином всякого дома следует признать кол- лектив его жильцов. Но здесь возник- ает новая трудность. Коллектива-то жильцов чаще всего просто не суще- ствует. Какой уж тут коллектив, если сосед с соседом не знаком».

Следуют новые домыслы на том же «бытовом» уровне, иногда тем не менее уносящие заместителя председа- теля исполкома горсовета в заоблач- ные выси, но в самом интересном ме- сте перебиваемые компьютерными, тоже, должно быть, возвышенными мыслями:

«Современное состояние хозяй- ственного права в стране не позволя- ет сразу же приступить к реализации подобных проектов, поскольку неза- щи*Line-62 Col-2 SELBST Insert WW- offщенным окажется сам «хозяин». Он окажется незащищенным как от недобросовестных жильцов, так и от многочисленных органов и организа- ций... Поэтому ближайший шаг, кото- рый можно сделать сегодня... Ведь может случиться так... Еще раз под- черкну, что судьбу всех вышеприве- денных рассуждений... Разумеется, на- чало этой большой работы привнесет в нее много новых проблем — жизнь всегда оказывается богаче любых ло-

гических схем. Но ведь без преодоле- ния трудностей не бывает движения вперед. *Line-86 Col-2 SELBST Insert WW-off. Еще раз хочу поблагодарить Вас, уважаемая Елена Федоровна, за интересные вопросы и неравнодушие к происходящему в нашем обществе. Поздравляю Вас с наступающим праздником Великого Октября — с днем рождения нашего государства и желаю добра и удачи во всем! *Line-110 Col-2 SELBST Insert WW-off».

Бедная Елена Фёдоровна, как она названа в одном месте офици- ального послания № 6—1171! Она, конечно, неравнодушна к своей собственной тихой судьбе, которой угрожает бурное вторжение пере- стройки перестройки. Но с чего бы это вдруг заместитель председателя исполкома Зеленоградского Совета счел ее, перепуганную пенсионерку, борцом за правое дело узкозелено- градского и всего советского обще- ства, обращается к ней, как к сорево- люционерке, и не сказал простого и главного: дадут ей спокойно дожить в своей квартирке или все-таки пустят дом на слом, а ее — по миру?..

В компьютерном ответе т. Тихоно- ва, призвавшем редакцию «Столицы» «повести разговор» на любимую им тему, непонятно только то, почему Col у него всегда равняется 2, а Line все время разное? В остальном его пись- мо в «новом духе» — это, конечно, демагогия. Правда, чуть другая, чем в «старорежимном» ответе т. Клоничко- го. Но ведь результат разных демаго- гий поразительно схож: не пожить, видно, в ближайшее время гражданам по-человечески — тихо и спокойно.

Отдел социально-бытовых проблем

Рис. А. Казачкова

КОНЦЕРТ ДЛЯ ПИШУЩЕЙ МАШИНКИ

Признаться, первый открытый конкурс машинисток редакция «Столицы» затеяла ради рекламы журнала. А вышло еще лучше: создали рекламу самому конкурсу...

До сих пор Советский Союз участвовал в международных состязаниях машинисток как бы секретно: даже сами машинистки ничего не знали толком о тех, кто выезжал на такие турниры за границу и возвращался, не заняв там призовых мест. Читателей и телезрителей о международных турнирах почему-то тоже не информировали, словно бы их вовсе нет. Между тем они проводятся регулярно и собирают массы болельщиков. Организовать конкурс в Москве оказалось совсем не сложно. Странно, почему этого не было сделано раньше.

Спонсоров мы нашли в два дня. Не больше недели ушло на публикацию объявлений о начале конкурса в «Вечерке» и «Московской правде». И тут вдруг в редакции раздались тревожные звонки:

— А что, надо будет раздеваться? — совершенно серьезно спрашивали неизвестные женщины.

Мы их разуверяли, но, знаете, стало немного тревожно и нам: как бы звонившие не передумали прислать заявку. А получить письменную заявку было нужно обязательно. Согласно международным правилам, участники конкурса машинисток ни в коем случае не должны выступать под своим именем. Поэтому, получив письменную заявку, в которой содержались самые необходимые сведения об отважных претендентках (полное имя и обратный адрес), редакция скрывала их за псевдонимом — так называемым «девизом». На международных турнирах машинистки соревнуются под номерами. Мы решили присвоить им имена на

букву «А» — первую в алфавите. Так на 1-м открытом Московском конкурсе машинисток появились античные цари и боги, герои романов и даже названия цветов: Адонис, Аврора, Акесо, Акрисона, Август, Амата, Амфитрита, Астра, Алтея, Алкмена, Андромаха, Акции, Андромеда... На конкурс записались и двое мужчин, один из которых, к сожалению, дальше первого тура не пошел, а другой вовсе не явился. На международных конкурсах, говорят, нередко занимают первые места именно мужчины.

На первом, как и предполагалось, из игры выбыло большинство участников (из ста осталось всего 17). Жюри отсеивало тех, кто не достиг минимальной международной нормы — 360 ударов в минуту. А вот несколько дней спустя на второй тур редакция пригласила телевидение, и тур провела не в тесноте и при массовом стечении народа, а на просторной сцене Дома культуры имени И. В. Русакова. Получился настоящий спектакль. Хотя, должны сказать, что особая красота конкурса машинисток как раз в большом собрании печатающих. Это незабываемое зрелище! Да-да, увлекательное зрелище, за которым зрители во всем мире следят, затаив дыхание. Хотя конкурс машинисток приравнен к спортивному состязанию, но в работе на пишущей машинке очень ярко проявляется характер человека. На беговой дорожке или в бассейне от спортсмена требуются другие свойства.

Нужно сказать, что «игра на пишущей машинке» — своего рода искусство. У нас его ценить давно перестали. Профессия машинистки стала очень распространенной. Если девочка учится в школе средне, ее отправляют в машинистки. Платят там вроде бы немного, зато всегда будет при деле. Однако это широко

распространившееся заблуждение. Женщин, окончивших курсы машинистки, действительно много, но настоящих машинисток мало. Профессия отбирает самых образованных, усидчивых, скромных и спокойных женщин. В умении печатать на машинке сохранилась какая-то тайна. Носительницы ее первыми узнают все газетные новости, первыми печатают романы, о которых потом станут спорить серьезные литературоведы. Даже учрежденческая машинистка — это сотрудник, который об увольнении и премиях узнает первым. Машинистка — и опасная профессия: многие подверглись обидам, когда искали «запрещенную» литературу. Среди машинисток есть немало героинь, которые спасли для потомства рукопись опального писателя...

Семейным положением наших конкурсанток «Столица», естественно, не интересовалась. Лишь под конец второго тура, когда были вручены награды, вдруг оказалось, что иным победительницам, мастерством которых публика только что восторгалась, некому было донести до дому подарки. Тут требовались мужские руки. Дело в том, что трем «Лучшим машинисткам Москвы 1990 года», которые показали высший класс в «игре» на механической, электрической и электронной пишущих машинках, — Аэлите, Атею и Антуанетте (Светлане Николаевне Усовой, Ольге Владимировне Шмыгиной и Елене Николаевне Фетисовой), подарили по компактной электронной пишущей машинке. Спонсор конкурса ПО «Счетмаш» из Курска прислал свои изделия в коробках, которые слабым женщинам унести было все-таки не под силу. А тут еще цветы, большой диплом в кожаном переплете, сумочка...

Четырем победительницам, занявшим вторые и третьи места, ПО

Победительницы конкурса машинисток (слева направо): Светлана Усова (Антуанетта), Ольга Шмыгина (Атей), Елена Фетисова (Аэлитта).
Фото Ю. Штукина

«Счетмаш» вручил по портативной электрической пишущей машинке «Ивица», которая в магазине большая редкость. Ее должны были вручить еще двум участницам, но зыскательное жюри так уж распорядилось, что с первого тура у Светланы Николаевны Усовой (Аэлиты) соперников в классе механических машинок не оказалось. Кстати, по нашим наблюдениям, только ей красивый и полезный в доме электронный приз заботливо помогли донести до «Жигулей». Она шла рядом смущенно: дома не подозревали, что она лучшая машинистка города. А вот другая победительница, Атей, просто не знала, как ей быть: она стояла в вестибюле, нагруженная подарками ПО «Счетмаш» и редакции газеты «Московская правда», и говорила:

— Я не дойду до троллейбуса, не дойду, правда...

Атей вскоре увидят во всем мире — на рекламных календарях и проспектах ПО «Счетмаш», как, впро-

чем, и Антуанетту — лучшую в классе электронных пишущих машин.

Оказалось, что первые газетные объявления «Столицы» заметили представители Интерстено, международной организации, проводящей всемирные конкурсы машинисток. На другой день после окончания турнира в редакцию пришла Зоя Ивановна Мороз из недавно созданной советской группы Интерстено и старательно переписала домашние адреса участниц второго тура. Они будут приглашены на первый Всесоюзный конкурс машинисток, который Интерстено намерена провести в СССР в начале 1991 года. А вот уже победители Всесоюзного соревнования отправятся на международный конкурс в Брюссель. Их имена, думается, станут известны не только в узком кругу машинисток...

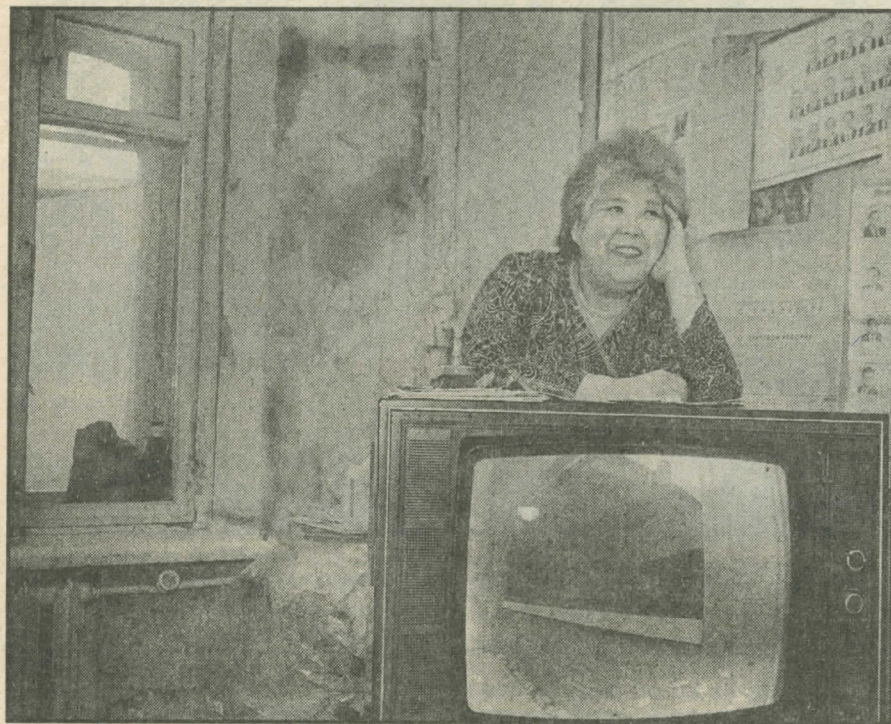
1-й открытый Московский конкурс машинисток удалось устроить потому, что в Москве его словно бы ждали. Редакция выражает благодарность руководителям Министер-

ства электротехнической промышленности и приборостроения СССР, ПО «Счетмаш» и МПО «Союз», Московского городского комитета по народному образованию и Главного управления профтехобразования этого комитета, директорам Высшего технического лицея № 1 и Дома культуры имени И. В. Русакова, Педагогическому обществу РСФСР, членам жюри — специалистам по машинописи, корректорам из «Литературной газеты», а также редакциям «Вечерней Москвы», «Московской правды», радиостанции «Ностальжи Москва» и Главной редакции телепрограмм для Москвы, работникам переплетной мастерской № 7 комбината «Мосгорбыттреклама» и — само собой — всем машинисткам и машинистам, которые в наше время, не располагаящее к праздникам, остались верны своему «инструменту» — пишущей машинке.

ОТДЕЛ СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫХ ПРОБЛЕМ

Галина МЫЛЬНИКОВА

О ЛЮБВИ МАСТЕРА И КЛИЕНТА В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ДЖУНГЛЯХ

Знакомьтесь: Люба Капина. Родилась в многодетной казахской семье. В 1965-м приехала по лимиту в Москву строить ударный объект тех лет — гостиницу «Россия». Через пять лет, лишившись здоровья, получила постоянную московскую прописку. Еще через пять — комнату в коммунальной квартире, за которую должна была догробовой доски работать в ЖЭКе. В 1980-м крепостной дворник Капина получила от ЖЭКа вольную и перешла на другую работу. Мастер педикюра с десятилетним стажем. Работает в салоне № 134 на Олимпийском проспекте. Личная жизнь — прочерк. Любила Горбачева, Рыжкова, Попова, Собчака, Ельцина. Сегодня симпатии остались только к двум последним...

Пятнадцать лет живет Люба в комнатухе, признанной СЭС непригодной для жилья. Фото Э. Кудрявицкого)

— Люба, для начала удовлетворим любопытство мужчин: что такое педикюр?

— Мужчины прекрасно знают, что это такое и без терминов. Ухоженные, со сверкающим лаком на каждом пальчике ноги, весь этот лоск — лишь часть нашей работы. Ноги наших женщин изуродованы обувью из грубой кожи, с варварскими колодками, изуродованы ежедневными перегрузками на работе, стояниями в очередях. И каждый день я делаю мини-операции, чтобы хоть чуть-чуть облегчить их страдания.

— Но клиенты приезжают к тебе за десятки километров из Кунцева, Черемушек не только для того, чтобы покрыть ногти лаком или удалить мозоль. Ты,

как социальный терапевт, выслушиваешь их исповеди о неурядицах в семье, на работе, даешь дельные советы, так?

— Насчет терапевта — это слишком. Просто мы все — обыкновенные люди, живущие от зарплаты до зарплаты, — оказались по уши в дерьме, нищие, голые, босые. И пока наверху идет борьба за власть, мы вынуждены, чтобы выжить, самозащитаться.

Скажем, тебе нужен хороший врач, а не «бюллетеневыдаватель» в белом халате. Я ишу среди своих клиентов и их знакомых. В обмен на услугу ты помогаешь тем, чем можешь, например достаешь унитаз...

— Но есть клиенты, которые ничего, кроме мозгов, не имеют, в этих народных бартерных сделках не участвуют, и, тем не ме-

нее, у вас взаимная любовь и привязанность?

— Именно так. Потому что общение с ними доставляет мне удовольствие, обогащает меня как личность, понимаешь? Я знаю: они меня ценят за то, что, считаясь с их обстоятельствами — болезнь, неожиданная командировка, — я могу приехать к ним домой и лечить их ноги, морально поддерживать, если у человека беда. И потом срабатывает тот же принцип самозащиты: сегодня я к ней приехала, завтра она, бросив все, поможет мне.

— На мой взгляд дилетанта, парикмахерская — одно из самых загадочных учреждений. Демократичное — тебя могут обслужить мгновенно — и одновременно элитарное — могут облить холодом отказом.

— Да, загадок хоть отбавляй, и

почувствовала я это с первых дней работы. В салон меня привел знакомый — прекрасный дамский мастер, который здесь работал. Начинала уборщицей.

Сначала я никак не могла понять, почему у нас постоянно висело объявление «требуется уборщица», а когда люди приходили, им отказывали. Не в лоб, конечно; а так, между прочим, запугивали обилием грязи, волос. По штатному расписанию положено восемь уборщиц — дневные (по две в смену) и ночные. А работало вдвое меньше. Куда сэкономленная часть фонда зарплаты уходит, неизвестно. Но ясно, что текучесть кадров, вакансии выгодны администрации. Своими сомнениями я, понятно, ни с кем не делилась. Кто я такая? Пришла в ватном пальто, провинциалка.

Скоро мне здорово подфартило: направили учиться на четырехмесячные курсы при нашем комбинате парикмахерских услуг № 1, куда попасть очень трудно. Причем бесплатно.

— А сколько платили другие?

— Чтобы выучиться на дамского мастера — от 300 до 400 рублей. По тем временам — начало восьмидесятых — большие деньги. Огляделась: боже, куда попала! На курсах было только три «белые вороны» — Татьяна, Надя — у одной муж погиб, другая тоже с двумя детьми еле концы с концами сводила — и я. Плохо одетые, полуголодные. Бывало, сидим на занятиях и пирожок на троих делим. А основной контингент учеников — приезжали на собственных автомобилях, «упакованные» — в коже, в бриллиантах. Когда в перерыве доставали из сумочек бутерброды, такой запах шел от салами, что у нас головы кружились. Многие из «упакованных» имели высшее образование, хотя на курсы принимали только со средним. На занятиях они бывали от случая к случаю.

Потом уже кое-что до меня дошло. Например, что курсы готовили кадры для заграничной работы. Неофициально, конечно, о чем в МИДе не догадывались. На Западе обучение дамского мастера, педикюрши дорого стоит. А тут получали корочки задешево и вскоре с семьями уезжали за «бугор».

Кому нужно, тот вывеску учебного заведения знает. Тем, кто искусственно создает дефицит и на нем же обогащается, реклама не нужна. Работала, да и сейчас не

отмерла, отлаженная, хорошо продуманная система, где нет ничего случайного, со своими правилами, традициями. Например, по праздникам всей группой скидывались по червонцу на подарок мастеру производственной практики. Марья Ивановна у нас была такая, незаметная старушка, двух слов связать не могла, но сидела крепко. Так вот у нее было два дня рождения.

— ?!

— Да, в зависимости от времени года, когда набирали поток учеников. Если осенний поток — день рождения отмечали осенью, если весенний — сбрасывались по червонцу, как только набухали почки.

Дальше — больше. В салоне, куда я пришла работать, не было никакого учёта сдаваемой выручки. Мы ежедневно расписывались в книге кассира в том, что сдали такую-то сумму, но квитанций, подтверждающих этот факт, взамен не получали. Что об этом толковать теперь? Прошло немало лет, из них пять — перестраиваемся. Что изменилось в нашей системе? Почти ничего. Разве что поменялось несколько заведующих.

Недавно пришел очередной. Зачем он нам, не пойму. Материал для работы достаем сами. От него слышим одно и то же: «На складе ничего нет». Зато у спекулянтов все имеется. Фены мастера покупают у них за 200 рублей, ножницы для стрижки — за 250—300. Спрашивается: зачем нам заведующий, комбинат парикмахерских услуг, Мосбыт, министерство, если мы фактически сами себя обеспечиваем всем необходимым, и не только материалами? Путевки в дома отдыха, продуктовые заказы не заведующий добывает в поте лица, а наши клиенты. Не все, конечно, а те, кто имеет возможность, — торгаши, дамы со связями. Для них бережем то, что с таким трудом и переплатой достаем, — качественную краску, лак и прочее. А человек с улицы — подождет или вовсе не дождет положенной ему услуги.

Вот она, элитарность, о которой ты говоришь, живет и здравствует, и не только у нас, а во всех салонах без исключения. Почему? Потому что государственная система ПЭУ (парикмахерских услуг) создана для того, чтобы прежде всего кормить саму себя — чиновников, от заведующего до министра. Мастер и клиент для нее — рабы.

— Так возьмите салон в кол-

лективную собственность, к чему призывает и Моссовет. Что вам мешает?

— Говорили об этом, и неоднократно, но нет единого мнения. И потом не забывай: в коллективе еще остались люди, которым и тогда хорошо жилось, и теперь. Они против системы не пойдут. Но меня, например, тревожит даже не то, что палки в колеса будут вставлять.

— А что же?

— Обстановка в городе и вообще в стране. Вспомни, два года назад, когда мы с тобой познакомились на Пушкинской, когда разгоняли Демократический Союз, Новодворскую на глазах тащили за волосы к милиционерскому «уазику», и в прошлом году... С каким воодушевлением мы шли на митинги! Не пожравши... И что же? Я понимаю, наших лидеров поставили в условия экономического и политического саботажа, чтобы подорвать доверие к демократической власти. Но все ли данные им избирателями полномочия они сами используют? Сомневаюсь. Каждый вторник включаю телевизор, чтобы пообщаться с Поповым и Станкевичем. И слышу призывы: «Идите в свои райсоветы и решайте вопросы на местах».

Пятнадцать лет живу в комнатухе, признанной СЭС непригодной для жилья, — в сырости, в холоде и слышу одно и то же: «жилья нет», в том числе и от нового председателя райсовета. Как это нет? Почему ежемесячно сдавая государству в течение многих лет семьдесят шесть процентов от выручки, я ночую у своих клиентов, как, извини, бездомная собака? А в это время все проститутки и сутенеры Москвы покупают квартиры!

Старая власть ждала от меня взятки. Не секрет: все, кто давал, давно получили квартиры. Чего же ждет от нас новая власть?

Некоторые, например таксисты, уже решили свои проблемы. Утром, днем, вечером, ночью, когда общественный транспорт работает через пень колоду — я езжу с Пушкинской и знаю, что такое полчаса ждать троллейбуса, — таксисты дерут с нас, пассажиров, три шкуры. Значит, я тоже должна три шкуры драть со своих клиентов, чтобы оплатить поездку в такси, фены, ножницы. А клиенты, в свою очередь, на своих рабочих местах отыграются на мне, тебе и других?!

ГОЛОВНАЯ БОЛЬ ЗУБНОГО ВРАЧА

С 1986 года в московской стоматологической поликлинике № 23 Киевского района производят имплантацию.

Стоматологическая имплантация — это хирургическое вживление титановых опор, «на основе которых осуществляется затем надежное протезирование. При этом в челюсть вставляется пластина, прорастающая впоследствии тканью. На головку пластины опирается будущий зубной протез.

У нас есть пациенты, у которых не было своих зубов, им приходилось имплантировать целиком челюсти. Такие больные пользуются несъемным протезом уже больше двух лет.

Но случаются и неудачи. Это когда имплантат оказывается подвижен. Тогда нам приходится его удалять. Из ста двадцати наших операций семь оказались неудачными. Осложнения зависят от многих, порой чисто индивидуальных причин. Должны быть строгие медицинские показания к применению этого метода.

Однако, помимо ограничений такого рода, существуют гораздо более обидные: нехватка специально-го инструмента, самих импланта-

тов, низкое качество того и другого. Не все зависит от мастерства врача. Если грубо сделан протез, то он перегрузит имплантат, раздражит ткани — вот вам и осложнения.

Оснащение для таких операций выпускают разные предприятия, и качество изделий очень разное. Медикам приходится самим доставать это оснащение.

Но даже энтузиазм всех проблем уже не решает. Обеспечение инструментом, эстетичными материалами для протезов — вопрос настолько серьезный, что врачам его не решить. Они должны или вставлять больным зубы, или превратиться в доставал. Нужна организация, которая целенаправленно занималась бы пополнением материальной базы нового и важного для стоматологии дела.

В начале 1990 года Главное управление здравоохранения Москвы вроде бы собралось создать на базе 23-й стоматологической поликлиники центр по имплантологии. В Москве в практическом здравоохранении только в 23-й поликлинике можно организовать этот центр! Только тут есть врачи, которые специализируются на имплантологии в течение четырех

лет. Как вдруг стало известно, что порыв Главздрави быстро иссяк только потому, что в Москве с помощью Министерства РСФСР сейчас создается (еще лишь создается!) центр для республики и поэтому в Московском центре якобы нет необходимости.

Администрация 23-й поликлиники готова создать у себя межрайонный центр — на три-четыре района — при условии, если эти районы вложат средства для дальнейшего развития и оснащения имплантологического центра Москвы.

Думается, что организация межрайонного центра в Москве, особенно совместно с кафедрой хирургической стоматологии стоматологического института, обеспечит ту необходимую помощь жителям Москвы по вживлению имплантатов и по протезированию полости рта, которой москвичам недостаёт десятки лет. Кто же поможет сохранить 23-ю поликлинику? Неужели опять во имя светлого будущего, не построив его, разрушат то, что уже есть?

Л. ГУРФИНКЕЛЬ,
врач-имплантолог,
Л. САПФИРОВ,
главный врач 23-й поликлиники

«АВТОМАТЫ» ВМЕСТО МАСЛА

Когда-то это был самый переполненный и грязный отдел универсального магазина № 55 — вино-водочный. Потом вышел указ о борьбе с пьянством, и отдел надолго закрыли. А когда открыли, то торговали чем-то, что тогда было, а сейчас исчезло (кажется, кондитерскими изделиями). Потом он закрылся вновь. После этого на его прилавках заблестела яркая кооперативная мишура — заколки, значки, цепочки, браслеты. Это было очень красиво. Жаль только, что тем же самым в изобилии торговали все окрестные ларьки. Казалось бы — достаточно перемен в судьбе одного отдела за неполные пять лет. Как вдруг он закрылся опять.

Когда его двери распахнулись,

что бы вы думали, за ними оказалось? Зал игровых автоматов! Но не тех детских, к которым мы привыкли в парках культуры и фойе кинотеатров. Здесь играют на деньги.

Думаю, этот сверкающий огнями зал приносит доход не меньше, чем весь огромный магазин, где изредка продают кефир или брынзу. Так, может быть, и остальные залы закрыть, прилавки ликвидировать, поставить вместо них железные коробки и без особых усилий зарабатывать деньги? Когда-то был девиз «Пушки вместо масла». Теперь его можно переименовать — «Автоматы вместо масла». Хорошо хоть — в этом случае — не настоящие.

И для покупателей такая затея имеет смысл. Ты пришел отова-

рить свои деньги. Купить в универсаме нечего. Куда девать «деревянные рубли»? А тут проблема решена — их просто можно проиграть. И заодно несколько минут наслаждаться пребыванием в почти западном, мире.

В журнале «Крокодил» недавно была опубликована заметка про одну из улиц города Праги. Всякий раз, когда ситуация в стране менялась, ее переименовывали в честь очередного политического деятеля. В конце концов в народе ее стали называть просто «Улица политических ошибок». Этот несчастный отдел в универсаме № 55 можно назвать «Отделом экономических ошибок». Интересно, что там будет через год?..

Е. ГОНЧАРЕНКО

Дошколята, вышедшие на прогулку, удивлены — какую игру затеяли взрослые дяди в неподходящем для этого месте?

Преступник оказался весьма опытным, и справиться с ним стоило немалого труда. Ловко сбросив куртку, он попытался выскользнуть, но цепкие руки милиционеров держали его «мертвой» хваткой. Сопротивление бесполезно. Поняв, что от милиции не уйти, парень немного охладил свой пыл и сдался на милость победителей.

Разбитые в кровь нос и губы — свидетельство строптивого характера юного грабителя. Кому же хочется оказаться на жестких нарах в камере предварительного заключения?

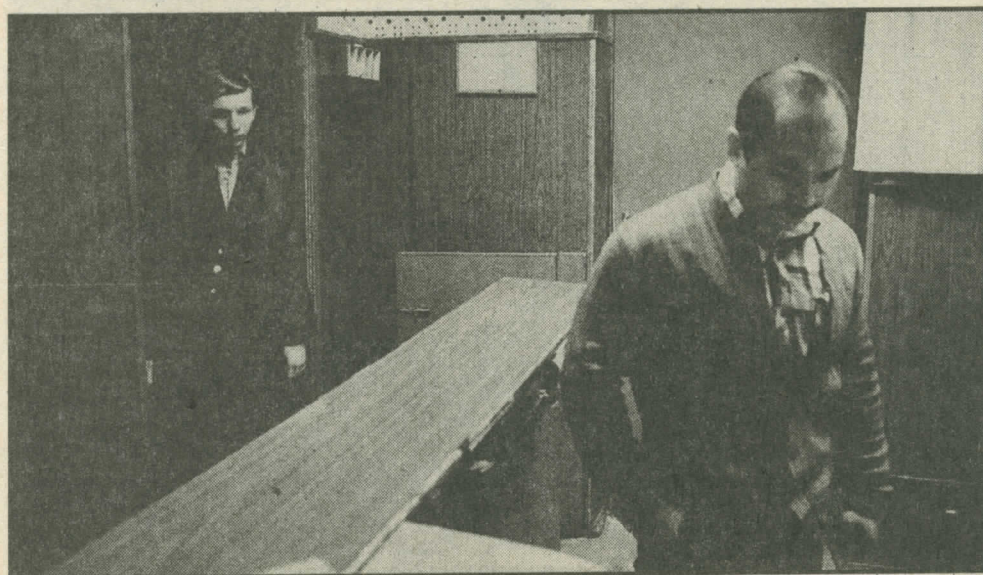
Лишь оказавшись за решеткой, грабитель начинает давать показания. Сейчас очень важный момент — по горячим следам раскрыть дерзкое преступление. Допрос начинается: «Фамилия? Имя? Отчество?»

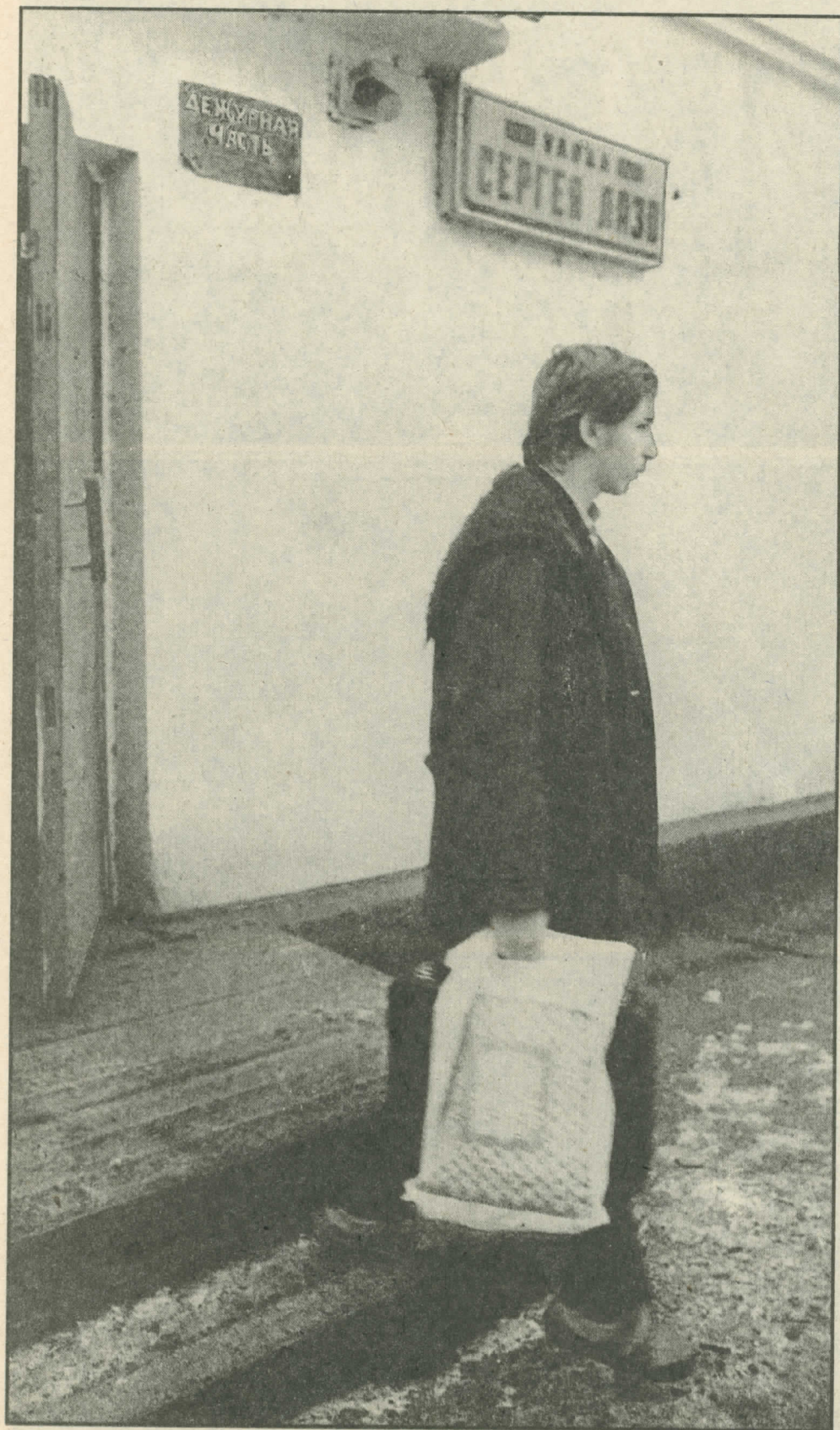

«Слушай, что-то здесь не сходится. И свидетели его не опознают. Может, это не он? Тогда кто же?»

Следователь явно огорчен промашкой. Где теперь искать преступника? А с этим что делать? Извиниться и отпустить домой. А извиняться, ой, как не хочется...

Целый и почти невредимый несостоявшийся грабитель выходит на волю. Этот «урок» он запомнит на всю жизнь и, вероятно, проникнется еще большим уважением к уголовному кодексу. Даже непонятно, что ему пожелать на прощание: то ли побольше сидеть дома, то ли при виде милиционера быстрее переходить на другую сторону улицы. Жизнь...

Репортаж о задержании
вели
Ю. ШТУКИН (фото)
и М. МАСЛОВ

Андрей ГАВРИЛОВ

ПОМИНКИ ПО САМИЗДАТУ?

Я помню, где-то в середине семидесятых мне рассказывали историю, красивую, как индийская мелодрама, — о Юлиусе Телесине, «Шуршащем Юлиусе» — так его называли из-за того, что все карманы у него были набиты самиздатом, напечатанным на папиросной бумаге. Рассказчик (а возможно, и автор истории) уверял, что, когда Телесин в итоге вынужден был уехать за рубеж, он попросил только, чтобы ему вернули конфискованную пишущую машинку, и что — вот он, советский романтизм! — голубоглазый и розовощекий гебист, занимавшийся «Шуршащим Юлиусом», привез-таки машинку в аэропорт и вручил ее Телесину буквально за несколько минут до вылета.

Думаю, в этой легенде нет ни слова правды. Но это и неважно. Важно другое: было время, когда самиздат настолько прочно и глубоко вошел в нашу жизнь, в наше сознание, что о нем стали слагать легенды, анекдоты, песни.

Сокрушительный удар по самиздату был нанесен практически одновременно с двух сторон: с полицейско-политической и с технологически-коммерческой.

Во-первых, репрессии привели к арестам, ссылкам и высылкам активных диссидентов и распространителей самиздата. Эта страница нашего недавнего прошлого если и недостаточно изучена, то все равно хорошо известна.

А во-вторых, появились

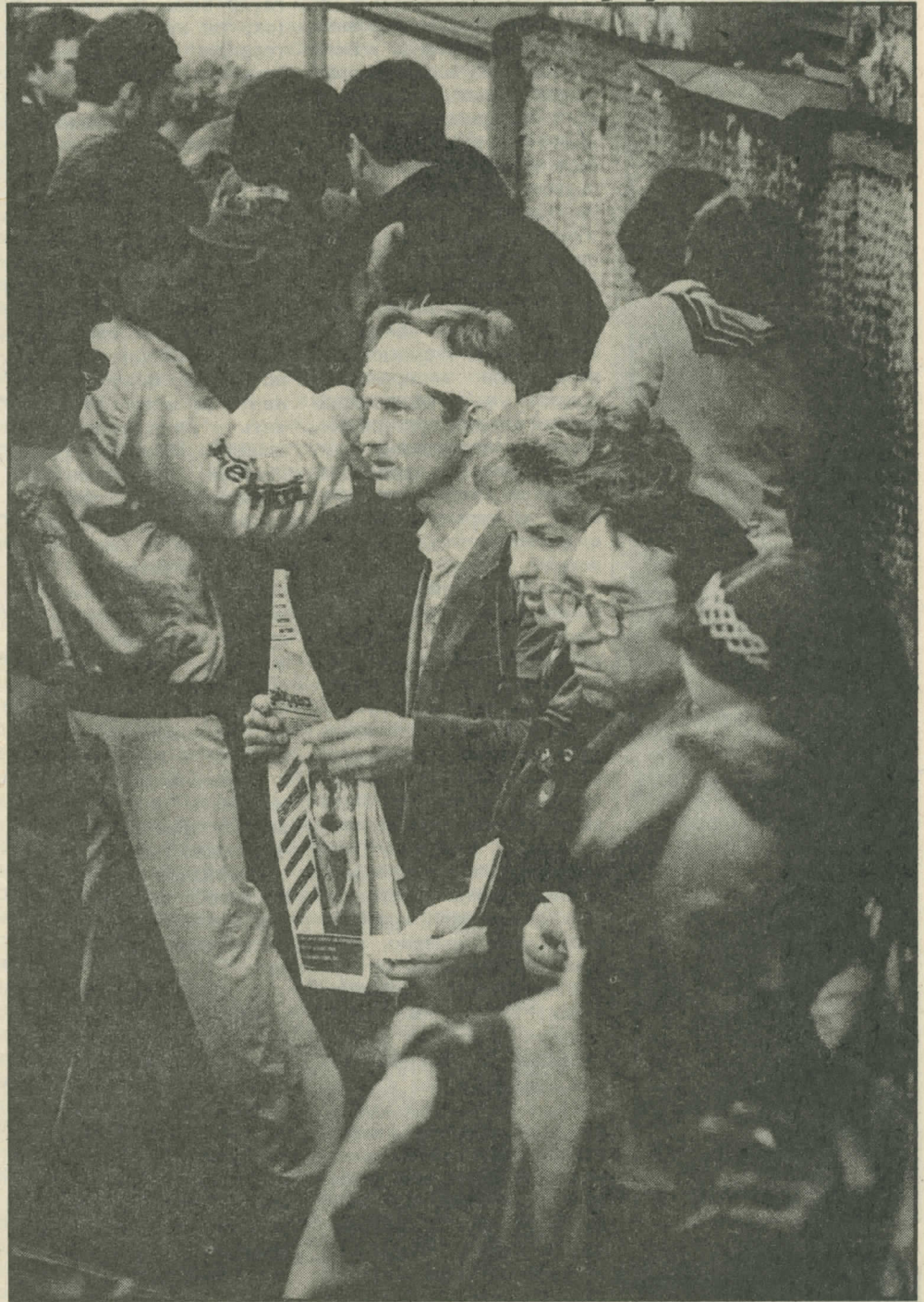

фото Ю. Штуккина

— и относительно широко распространились — ксероксы. И это был удар не менее серьезный, чем акции репрессивного аппарата, ибо к делу подключилась коммерция. На тиражирование, скажем, «Крутого маршрута» или «Ракового корпуса» могло вполне хватить дня, а риск с лихвой окупался прибылью, получаемой от продажи ксерокопированных экземпляров. Бесплатный и бесребреннический некогда самиздат стал выгодным делом. С одной стороны, в этом был несомненный плюс — подпольные тиражи Солженицына, Сахарова, Гинзбурга, Синявского, Даниэля, равно как и Ахматовой, Цветаевой, Пастернака, Мандельштама, выросли в тысячи раз. Появились свои, «верные» переплетчики, которые из толстых кип ксерокопий делали вполне пристойные томики, постепенно выстраивавшиеся дома в неплохую, хотя, как правило, и скрытую от посторонних глаз, библиотеку.

Но, с другой стороны, широкое распространение множительной техники, сделавшее доступной запрещенную литературу, одновременно стало крахом для самиздатовской публицистики. Тиражировать самиздат на государственных ксероксах было еще опаснее, чем на собственных пишущих машинках. И потому, берясь распечатывать запрещенную литературу, ксерокописты, как правило, наотрез отказывались от более «стрёмной» публицистики. К тому же либеральная советская интеллигенция, не забывая, что она советская, но и стремясь остаться либеральной, предпочитала иметь ксерокс Набокова, а не неизмеримо более опасную для хранения дома публицистику о положении в стране. Выполненные на хорошем ксероксе исторические статьи Роя

Медведева, например, были намного более «социально близкими», чем «Хроника текущих событий». Самиздат, когда-то питавший западные русскоязычные издательства, стал вторичен по отношению к ним.

Причем дело не в приоритетах. Самиздат знака копирайта не имел. И глупо было бы гордиться (ох, уж эта национальная гордость великороссов!) тем, что какое-то сочинение сначала расходилось на машинке тиражом в сто экземпляров, а уже потом выпускалось книгой на Западе тиражом в несколько тысяч. Речь о том, что самиздат потерял одну из важнейших своих функций — он перестал служить одним огромным средством массовой коммуникации. Потерял именно в тот момент, когда ничто не могло его заменить — ни успешно заглушаемые западные радиостанции, ни «тамиздат», попадавший к нам все-таки с немалым опозданием. Честь и хвала авторам, составителям и распространителям уже упоминавшейся «Хроники текущих событий», но их журнал был все-таки сборником фактов и документов, а не публицистики. Возможность узнавать новости о происходившем в стране осталась, а возможность прочитать их комментарий исчезла почти полностью.

Очевидно, именно тогда прежний вид самиздата как явления общественной жизни перестал существовать.

В одном из рассказов Брэдбери описано, как под воздействием солнечной радиации люди стали жить в некоем безумном ритме. Они рождались, взрослели, рожали детей и умирали за 9—10 дней. Так и у нас сейчас. Процессы, некогда занимавшие годы, теперь протекают буквально за считанные недели. В этих новых условиях появилoсь

и новый самиздат, мгновенно заявивший о себе сотнями новых изданий — машинописных, ксероксных или отпечатанных на принтере (технология не стоит на месте). Многие из них искать уже бесполезно. Зарождение и исчезновение новых газет и журналов происходят столь стремительно, что вы можете еще только дочитать первый номер, когда выясняется, что второго уже не будет.

Трудно дать единое определение всем этим разномастным изданиям — что общего, например, у «Экспресс-хроники» и «Пресс-бюллетеня общественного комитета поддержки К. В. Осташвили»? (Есть, правда, один всеобъемлющий термин, выкованный, очевидно, где-то в недрах известного ведомства: «неформальная пресса»). Так и видишь, как, сидя под портретом Дзержинского, генерал с добрыми стальными глазами говорит — уж не знаю, кому он может говорить по их иерархии, — но с холодной головой и чистыми ногами: «А вы, Иван Иванович, перебрасываетесь на прессу... ну, эту... неформальную». Поразительно, кстати, как наш «великий и могучий» абсолютно пасует при определении самых, казалось бы, естественных явлений общественной жизни и культуры, прибегая либо к прямому калькированию, либо к чудовищным новоязовским образованиям типа «автор-исполнитель» или «неформальная пресса».)

Тем не менее поначалу, когда речь заходила о неофициальной прессе, все понимали, что имеется в виду. Это то, что нельзя купить в киосках «Союзпечати», то, на чем не стоит номер Главлита, то, продавцов чего гоняет милиция, и т. д. Сейчас эти негативные определения уже не срабатывают. Ведь главное, наверное, все-таки не способ изгото-

вления («Атмода», например, с первого номера печатается в типографии), не тип распространения (при известной настойчивости подписаться сейчас можно практически на все что угодно), не тираж (вполне массовый, скажем, у «Ласкового мая»).

Происходит, кажется, забавная вещь. Если еще недавно «свободная», «независимая», «неформальная» пресса называлась так по своему отношению к советской системе, то теперь эти термины обозначают ее некоторую маргинальность по отношению к общепринятым взглядам, морали, настроениям общества. Она выражает точку зрения меньшинств — национальных, культурных, политических, сексуальных, профессиональных — или тех, кто считает себя меньшинством по отношению к обществу в целом. Причем выражает эту точку зрения не так, как хотелось бы большинству, а так, как того желает само меньшинство. И становится понятной разница между, например, «Советиш геймланд» и «Коль Цион», «Советской музыкой» и «Заразой», «Советской Литвой» и «Согласием», «Советской культурой» и «РИО». Разница — в том месте, которое занимает в обществе каждое из этих изданий.

Еще одна главная отличительная особенность самиздата нашего времени — он перестал быть почти равномерно-левым. Конечно, и раньше, в прежнюю историческую эпоху, он был не совсем уж одинаков. Попадали в самиздат — иногда помимо воли авторов — работы, например, Медведых и Скурлатова, давая некоторое представление о разнице во мнениях. Но общая эйфория 60-х делала самиздат преимущественно антиистеблишментским, и голоса тех, кто критиковал систему

— даже если с разных позиций, — сливались, в общем, в один хор.

Сейчас единый хор совершенно очевидно разделился на несколько. Нравится это кому-то или нет, но с этим надо считаться: практически любая группа людей, помимо каких-то более или менее официальных изданий, имеет, как правило, и более радикальную, «неофициальную» газету или журнал.

Это привело еще к одному резкому отличию современного самиздата от самиздата 60-х — начала 70-х годов. Разделившись на «направления», альтернативная печать перестала быть средством коммуникации личностей, а стала средством полемики групп и группировок. Личность в самиздате явно отошла на второй план.

Такая новая его функция намного привлекательнее и приемлемее для советского общества, еще даже не начавшего по капле выдавливать из себя коллективизм. Поэтому, наверное, как только сойдет налет определенной экзотичности с организаций и движений, стоящих за тем или иным изданием, общество будет готово принять самиздат — может быть, без особого восторга, но принять. То есть растворить в себе. Плюс к этому — открывшаяся возможность зарегистрировать журнал или газету, «легализоваться». Выйти из подполья, вместо того чтобы выйти из-под контроля, — мало кто сможет, или захочет, или сочтет нужным противиться такому соблазну (как мы все хотим быть вместе!).

Хотя, судя по всему, речь идет не только об искушении. Тех, кто не регистрируется, ждут довольно строгие меры — изъятие тиражей, конфискация технических средств, денежные штра-

фы. В этой связи регистрация приобретает несколько зловещий оттенок. Как отец, который, играя в домашнюю демократию, говорит отпрыску: «Скажи сам, когда придешь домой, но чтобы не вздумал опаздывать, а то шкуру спущу!»

Все это, очевидно, приведет к постепенному исчезновению и этой разновидности самиздата.

Наверное, это естественно и неизбежно. Но мне жаль. Жаль потому, что самиздат давал возможность даже тем, кто не верит в собственные силы и не стремится становиться главным редактором, попробовать, рискнуть выразить свои мысли. Жаль потому, что тот непрофессионализм, в котором мэтры журналистики так часто обвиняют альтернативную печать, нередко делал издания непрофессионалов свежими, дерзко-озорными, что редко получается даже у молодежных (и по идее — менее закрепощенных) выпусков привычных нам газет и журналов. Жаль потому, что самиздат учил нас свободе. А будущий инкорпорированный в общество, он сам эту свободу теряет. Мы не умеем пока быть свободными в обществе — только вне его. Наверно, этому тоже надо учиться — и на протяжении жизни не одного поколения.

Кто знает, может быть, те, кто придет после нас, овладеют этим искусством?

P.S. Но пока самиздат еще существует, мы намерены в текущем году знакомить наших читателей с основными его направлениями, наиболее интересными, неожиданными его публикациями. Поэтому мы обращаемся ко всем издателям, авторам и редакторам альтернативной печати — присылайте нам свои издания, чтобы нам не пропустить случайно что-нибудь любопытное.

А.Г.

ТАЙНЫ ЦИНКОВЫХ ГРОБОВ

Савик ШУСТЕР

Мучительный вопрос: почему матерям и отцам погибших в Афганистане строго-настрого запрещено было открывать прибывшие на родину цинковые гробы с телами их сыновей?

Все эти годы в поисках ответа я впадал в метафизические крайности и, отчаяваясь, возвращался в привычную плоскость советологии. Было в этом запрете столько иррационального и одновременно вполне рационального, такая смесь расчета и мистики, что в попытке понять ментальность функционеров новой цивилизации я доставал с книжной полки и Фрейда, и Фадеева. Я пытался объяснить этот запрет бюрократизмом военной верхушки, которая пренебрегает даже солдатами живыми: что для нее тогда погибшие? Разве можно предположить, что в руководящих кабинетах Министерства обороны СССР во время войны испытывали гуманитарную необходимость создания эффективной службы для установления без вести пропавших, для опознания тел погибших, чтобы семьи их получали в гробах хотя бы именно своих сыновей? Что к этому делу генералы могли бы привлечь лучших специалистов страны?

А именно так было в Америке во время вьетнамской войны. На Гавайских островах находился этот армейский центр — Центральная лаборатория по опознанию и установлению личностей погибших солдат. В алюминиевых гробах из пекла Сайгона туда, на райские острова в Тихом океане, доставлялись обугленные, обезображенные тела. И ни одно из них не покидало лабораторию вплоть до адекватного опознания. Иногда это длилось месяцами. В 1986 году в США вышел роман-триллер Майкла Хастингса (это псевдоним Майкла Бар-Захара) под названием «Неизвестный солдат». История в своей простоте захваты-

вает. Весной 84-го года глава лаборатории на Гавайских островах Уолт Мередит получает приказ от президента США прекратить работу по опознанию последнего из погибших во Вьетнаме. Государству необходим солдат неизвестный, чтобы с почестями предать его земле и символически покончить с войной. Между тем — что предусмотрено в сюжете — сын самого Уолта Мередита уже давно находится в списках пропавших без вести во Вьетнаме. Получив приказ президента, Мередит подает в отставку. Распроцавшись с Пентагоном, он становится частным детективом в поисках собственного сына. Через сотни страниц напряженного текста оказывается, что запланированный Неизвестный солдат и есть его пропавший сын.

Можно ли себе представить такую лабораторию, такую книгу под советским небом? Конвейер по доставке солдатских тел родителям работал так же, как любое другое производство в Советском Союзе. Что только не перевозилось в афганских цинковых гробах: от анонимных частей тела и кусков солдатского «х/б» до песка пустыни, наркотиков и драгоценностей. 20 декабря 1983 года агентство Франс Пресс сообщило о смертном приговоре, вынесенном трем советским офицерам, возглавившим в Афганистане преступную сеть, специализирующуюся на перевозке в СССР в цинковых гробах западных товаров. В дальнейшем подобные сообщения стали поступать регулярно. Гробы эти запрещалось открывать, чтобы скрыть от мира истинное лицо «непобедимой и легендарной». Это очевидно. И все же, все же: какой человеческой логикой можно объяснить такой приказ, такой запрет?

Я сам отец. Если мой сын, который под стол пешком еще ходит, должен будет погибнуть на войне во имя чистых идеалов под флагом любимой страны, то я, по крайней мере, хотел бы иметь право взглянуть ему в лицо перед тем, как пре-

дать тело земле. Это право всех отцов и матерей в этом мире.

Говорили, что по пути из Афганистана тела разлагаются. Мне пришлось беседовать с вьетнамскими ветеранами — военными врачами американской армии. «Что? — воскликнул один из собеседников, армейский врач из Далласа Престон Дарби. — Запретить?! В Америке вообще ничего нельзя запретить, а уж открывать гробы погибших за эту страну во Вьетнаме — тем более!» «Можно было, — добавил Престон, — посоветовать родителям не открывать, если тело было слишком изувеченным. Но решение принадлежало им, и только им».

Недavno мне попала — после десятков прочитанных — еще одна книга о вьетнамской войне. Американский бестселлер, который многое расставил по своим местам. Называется «Friendly Fire» — в вольном переводе «Артиллерия бьет по своим». Автор — известный американский романист Кортланд Диксон Барнс Брайан. Речь, однако, не о художественной литературе, а о литературе факта, о журналистском расследовании, написанном с вдохновением и талантом незаурядного писателя.

В городке Ла Порт Сити, штат Айова — это сердце Америки, — одна среднестатистическая семья Муллонов 21 февраля 1970 года получила похоронку. Майкл Муллен, 25-летний старший сын Пег и Джина, ушел на войну во Вьетнаме 4 сентября 1969 года, был убит 18 февраля 1970-го, а уже через пару недель, 1 марта, серо-серебряный гроб под «звездно-полосатым» был доставлен домой. В похоронке Майкл был обозначен рядовым, на самом деле был он сержантом. И хотя было очевидно, что это рутинная ошибка небрежной администрации, бюрократическая безличность, с которой армия США отнеслась к смерти сына, привела его родителей в ярость. Они знали только, что Майкл погиб под артобстрелом противника. Местная газета сообщала о

гибели во Вьетнаме каждого уроженца штата Айова, и новость о смерти Майкла попала в газету еще до возвращения тела.

Пег и Джин стали получать письма сострадания от других семей штата, потерявших сыновей во Вьетнаме. Одно было от женщины из соседнего городка. Она писала, что, несмотря на жуткое ранение сына в голову, она благодарит судьбу, что смогла узнать своего сына. «Вид сына было трудно выдержать», — писала женщина, — «однако я знаю матерей, которым еще трудней: они не уверены, что похоронили именно своих сыновей».

Тело Майкла все не возвращалось. Муллени послали в армейский морг четыре телеграммы. Наконец, им было сказано, что тело готово к пересылке, ожидается только прибытие сопровождающего гроб солдата, а это должен быть человек, знавший Майкла. Муллени жили в мучительном ожидании и страхе перед неизвестностью — в каком состоянии вернется тело сына? Они были уверены, что тело Майкла разорвано на куски...

Безнадежно Джин Муллен сделал еще один шаг. Открытый гроб с телом его сына стоял в дальнем углу похоронного дома. Джин заставил себя взглянуть в лицо убитого и сразу же отвел взгляд. Да, это был он — Майкл. Отец притронулся к холодным рукам своего сына, осмотрел армейскую форму, сияющие пуговицы и пехотные знаки отличия, черный галстук, накрахмаленный воротничок рубашки цвета хаки, горло, подбородок, синие губы, усы... Усы? Отец удивился.

Когда он успел их отпустить? Но даже не усы на лице сына встретили отца, а нечто другое. Сначала он не понимал, что именно. Потом осознал. На сыне не было ни одного следа смертельного ранения. Кроме армейской формы, не было никаких признаков, что сын был на войне. «Я хочу знать, как умер мой сын, как он был убит!» — гневно вскричал Джин. Мать в тот первый день не нашла в себе сил пойти посмотреть на тело сына. Когда отец вернулся домой, она задала только один вопрос: «Это Майкл?» А увидев тело сама, разрыдалась. «Я не хотела видеть его целым. Почему его не разорвало на куски, чтобы я могла поверить, что он погиб на войне?»

С этого момента для Пег и Джин Мулленив начался поиск истинной причины смерти Майкла. «Погиб вне боевой ситуации», — было написано в свидетельстве о смерти. Однако после бесед с командирами и сослуживцами сына родителям удалось установить, что он погиб во время боевой операции, но — под обстрелом своей артиллерии. И вот через два месяца после гибели Майкла Муллени за свои деньги поместили в местной газете «Реджистер» объявление — обращение к отцам и матерям штата Айова: «На протяжении девяти лет мы умирали во Вьетнаме на необъявленной войне. Сколько еще жизней вы готовы принести в жертву молча?» Рядом со словом «молча» черный крестик и эпитафия: «Сержант Майкл Муллен убит огнем своей артиллерии». И черные кресты внизу: пятнадцать рядов, всего 714. Столько парней из

Айовы ко дню выхода газеты погибло во Вьетнаме.

Мать сержанта Пег Муллен вступила в движение против войны во Вьетнаме и вскоре стала одним из его лидеров. Вот что может получиться, если власти предержавшие разрешают родителям открывать гробы сыновей, павших на необъявленных войнах. Пусть и частично, я ответил на вопрос, который мучал во время афганской войны.

Но сразу возник следующий. За что с такой сверхчеловеческой жестокостью были наказаны законопослушные в целом советские родители? Разве получить похоронку, предать земле холодный, металлический, геометрически правильный предмет, таящий неизвестно что, а потом еще долго томиться надеждой, что внутри него был чужой сын, а твой еще где-нибудь жив, — разве это не есть тот самый бич Божий? Система претендовала на Божье место в душе человека, пробиваясь в нее на горючей смеси церковной ортодоксальности и восточного деспотизма. Будучи неуверенной в себе, Система наказывала с уважительной жестокостью непокорных и глумливо издевалась над покорными. Система наказывала матерей рожающих, кара ла матерей, решивших не рожать, издевалась над матерями, отдавшими ей своих сыновей. Система надругалась над жизнью и смертью.

И вот последнее, что мне приходит на рассвете гнусного — и в Мюнхене — ноябрьского дня. Как можно все это перестраивать и обу-страивать, если на руинах осталась только ненависть?

Фото
С. Подлесного

РАЗГРОМ СОВЕТСКИХ ВОЙСК ПОД МОСКВОЙ

Несколько недель назад, когда отмечалась 49-я годовщина разгрома немецких войск под Москвой, в редакцию «Столицы» пришел читатель, который принес материал, полный горьких упреков нашему беспамятельству и нашим историкам.

Из опубликованных данных до сих пор точно нельзя установить, сколько же советских солдат, офицеров и добровольцев погибло при обороне Москвы. Цифра пропавших без вести, раненых и убитых колеблется от нескольких сот тысяч до миллиона. Александр Михайлович Портнов считает, что «подмосковная мясорубка» для наших войск была одной из самых массовых человеческих трагедий в истории войн.

Автор статьи не имеет специального исторического образования. Поэтому его раздумья и подсчеты «серьезным» историкам могут показаться слишком упрощенными и ненаучными. Что ж, предлагаем им продолжить разговор на эту тему на страницах нашего еженедельника. Высказать свои доводы, изложить свою версию. Хотелось бы узнать мнение по этому поводу и работников архива Министерства обороны СССР.

А ПОКА — СЛОВО АЛЕКСАНДРУ ПОРТНОВУ

Созданная под звуки бравурных маршей, советская военная история сверкает, как хорошо начищенные солдатские сапоги. И лишь в последнее время из-под ваксы стали проступать лохмотья — страшная правда о цене наших побед.

Шоком для общественности оказались данные о потерях нашей авиации: 80 немецких пилотов сбили 24 тысячи советских боевых самолетов! Фашистский ас Эрих Хармани сбил 352 самолета, из них советских — 347, в том числе — 260 истребителей. Первопричинами таких страшных потерь, длительное время тщательно скрывавшихся от советского народа, были массовые расстрелы чекистами ведущих авиаинженеров, а также исключительно низкое качество подготовки пилотов: 400 учебных часов налета у немецких и 8 — у советских летчиков...

Послевоенные историки, писатели, журналисты десятилетиями тянули хвалебную песнь, не скупясь на славословия то гению Сталина, то мудрости Ставки, которая, умело маневрируя, перегруппирова-

ла... обескровила... истощила... а затем разбила, разгромила, прорвала, захватила, освободила! О просчетах генералов — ни слова, о потерях — тоже. Теряли только немцы, причем особенно рьяно их уничтожали на бумаге: из безопасного подземелья станции метро «Маяковская» 6 ноября 1941 года Сталин сообщил, что за 4 месяца войны мы потеряли убитыми 350 тысяч и пропавшими без вести — 378 тысяч.

Немцы за это время, оказывается, потеряли убитыми, ранеными и пленными 4,5 миллиона! Как говорится, чего их, басурманов, жалеть!

Между тем реальные потери немцев к 7 ноября составили лишь 145 тысяч убитыми и около 29 тысяч — пропавшими без вести. А вот число одних только советских военнопленных к этому времени составляло более трёх миллионов! Они шли сплошным потоком из гигантских «котлов» под Белостоком, Минском, Смоленском, Уманью, Киевом, Харьковом, Брянском, Вязьмой...

Битва под Москвой (октябрь 1941 — январь 1942) считается одной из величайших в Отечественной войне. Так оно и есть в действительности, особенно если учесть драматизм ситуации и тщательно скрываемое до сих пор количество жертв с нашей стороны. Наши историки старательно подчистили прошлое, замазав правду о жуткой трагедии, разыгравшейся под Москвой осенью 1941 года, и о том, какой ценой была достигнута победа.

Когда читаешь славословия нашему генералитету в изданиях БСЭ, то создается впечатление, что Битва под Москвой состоялась в соответствии с планами Ставки. И словно бы не было катастрофы, разыгравшейся мгновенно, в период с 30 сентября до 8 октября, когда за неделю практически исчезла огромная оборонительная группировка, мощный кулак из семи (!) наших армий, защищавших на трех фронтах дальние подступы к Москве. За их спиной Сталин, Молотов, Берия чувствовали себя в безопасности и, как в добрые старые времена, продолжали пытаться и расстреливать «врагов народа», в том числе и из высшего состава Красной Армии.

В первых числах октября 2-я немецкая танковая армия, поддержанная танковой группой Гудериана, нанесла мощные глубокие удары, которые рассекли оборону Брянского, Западного и Резервного фронтов. К 8 октября немцы завершили окружение Брянского и Вяземского «котлов». В Брянском «котле» погибали части 3-й и 13-й армий, а в Вяземском — агонизировала гигантская группировка из 5 армий — 16-й, 19-й, 20-й, 24-й, 32-й. Сюда, в эту «черную дыру», были брошены тыщи ополченцев набранных из школьников, парикмахеров, рабочих и служащих, уцелевших от всеобщей мобилизации. Безоружные и необученные, они погибли где-то в лесах под Вязьмой.

К своим, через линию фронта из всей этой массы людей пробились лишь 85 тысяч... Судьба остальных — гибель или плен. История войн почти не знает аналогов таких ужасных потерь, как в Битве под Москвой. Наша гордость — Сталинградский «котел» (330 тысяч окруженных немцев) — мелочь по сравнению с Брянском и Вязьмой. Но и этого «котла» было достаточно, чтобы надломить Германию, где солдаты ценились и «пушечное мясо» не разбрасывалось, как мусор. Для Сталина же армии, дивизии, полки и отдельные люди были только фишками.

Полная секретность, когда речь шла о поражениях, произвол Ставки, абсолютное отсутствие даже намеков на критическую оценку действий бездарного командования — все это было типично для сталинского тоталитарного общества. Но добро, если бы все это осталось в прошлом. Нет! И сейчас, перелистывая новые работы, слышишь, как с их страниц тянется знакомый мотив: «...Нас от победы к победе веде-е-е-от!»

Существует мнение, что фиксировать внимание общества на как бы поражениях не следует, поскольку они все равно как бы составная часть последующих славных исторических побед. Народу нужны только победы!

Неверно это! В свое время разгром русского флота в Цусимском проливе буквально всколыхнул русское общество, по нему пронесся очистительный шквал, вылившийся затем в революцию 1905 года. Консерватизм армейских порядков был изменен. Россия резко усилила темпы развития.

А в советское время?.. Разве обсуждались открыто причины наших чудовищных — применительно к масштабам конфликта — потерь в советско-финской войне 1939—1940 гг.? А ведь был бы отличный урок перед Отечественной войной — если бы тогда была гласность.

А что мы можем сказать о горьких уроках Отечественной войны? Материал для размышлений на эту тему скуден. Вот одна из последних публикаций В. Карпова: «Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира» («Знамя», 1989, №№ 10—12). Жуков, постоянный член Ставки, начальник Генштаба. Сквозь призму этой личности действительно можно объективно проследить исторические веки

войны...

Читаем: «28 июня... клещи гитлеровских механизированных частей сошлись в районе Минска, и столица Белоруссии была взята. Западнее Минска в окружении оставалась крупная группировка советских войск». Далее на той же странице: «10 и 11 июля войска Гудериана форсировали Днепр и устремились к Смоленску... Подвижные войска противника... окружили наши войска в районе Могилева, захватили Оршу, Ельню и Кричев. Танковая группа Гота овладела Витебском. Остались в окружении 19-я, 16-я и 20-я советские армии». И все.

В той же тональности летописца автор сообщает далее, что 15 сентября «в районе Лохвицы соединились немецкие части 2-й танковой группы, наступавшей с севера, и 1-й танковой группы, прорвавшейся с кременчугского плацдарма. Кольцо вокруг 5-й, 21-й, 26-й, 37-й и части сил 38-й армии замкнулось».

Согласно В. Карпову, большинство просчетов и поражений связано с безграмотной деятельностью Сталина. Он доказывает это фрагментами телеграмм, воспоминаниями и др. Но ведь помимо Сталина стратегическим руководством занимались десятки людей, в том числе и сам Г.К. Жуков. Какова доля его вины за поражения? Или он действительно только и делал, что исправлял бесконечные ошибки членов Политбюро?

После разгрома наших войск под Вязьмой комиссия под руководством Мехлиса приговорила к расстрелу командующего Западным фронтом генерала армии Павлова, начальника штаба Западного фронта генерала Климовских, командующего 4-й армией генерала Коробкова и других генералов и офицеров. Видимо, расстрел грозил и будущему маршалу Коневу, которого Сталин считал виновником катастрофы. Жуков спас его, сделав своим заместителем. Но кто был действительным виновником, отчего грозная оборонительная группировка рассыпалась, как карточный домик? Откуда эти «чудеса» войны?

Вероятно, всему этому имеются вполне рациональные объяснения среди архивных документов МО СССР.

В русской армии офицер, не жалевший солдат и посылавший их на уничтожение в безнадежной атаке, часто был вынужден застрелиться — его презирали товарищи.

Наш принцип — победа любой ценой. Не потому ли, например, был возможен позор лобовых бессмысленных атак на Нарву в 1943—44 гг., где небольшой немецкий гарнизон уничтожил более 150 тысяч советских солдат! И сколько их было, этих Нарв...

Так сколько же стоит победа?.. В. Карпов приводит расчет, показывающий, что лишь за первые девять месяцев войны мы потеряли убитыми — 1 миллион, ранеными — 4 миллиона, пленными — 4 миллиона. Итого 9 миллионов. Начальника германского генштаба Франц Гальдер за те же девять месяцев общие потери сухопутных войск оценивает (без больных) в 1107830 человек. Иначе говоря, 1,1 млн. чел. у немцев против 9,0 — у нас. За одну немецкую голову наши маршалы и главнокомандующие разменивали восемь наших!

Вы скажете — это начало войны, дальше все изменилось? Если бы так... Но косвенные подсчеты, которые уже неоднократно проводились разными объективными исследователями, неизменно показывают, что это соотношение и в дальнейшем уменьшилось ненамного. Можно сказать, что гробовой счет был всегда в нашу пользу... «Мы за ценой не постоим» — не менее 5—6 советских солдат погибало «в обмен» на одного немца! Надо честно признать: немецкие генералы о своих солдатах заботились несоизмеримо лучше, чем наши победоносные маршалы. Видимо, поэтому отсутствуют данные о потерях наших войск — стыдно!

По данным Гальдера, за время «битвы под Москвой» немцы потеряли на всех фронтах убитыми и пропавшими без вести — 79 тысяч человек. Если даже допустить, что под Москвой погибла половина этого количества, назвать такие потери катастрофическими нельзя. Поэтому слова «разгром немецких войск под Москвой» должны остаться на совести тех, кто их придумал. Дорогой ценой бралась победа. И маршал Жуков не является исключением. Большая кровь, жестокость, бессмысленные потери стоят за этими победами.

И когда мы очередной раз отмечаем дату мясорубки, закончившейся поражением немецких войск под Москвой, еще раз вспомним об ужасе войны, о том, что доверие между странами и народами создается обдуманными действиями, в течение многих лет, но может быть уничтожено мгновенно...

ДАЙДЖЕСТ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРЕССЫ

АЛЛО, МНЕ БЫ БИЛЕТ В КОСМОС...

По сообщению итальянской газеты «Стампа», в США проводится самая необычная лотерея из всех когда-либо замысливавшихся. Она называется «Невероятное приключение». Действительно, победитель (или победительница) получит фантастический приз: полет в космос и пребывание на орбите в течение недели на борту советской космической станции. Если счастливчик не в состоянии будет по своим физическим данным совершить подобный полет или же ему «не хватит смелости», его ждет «компенсация» в размере полутора миллионов долларов.

Проводит лотерею советско-американская компания, которая продает американским предприятиям советские «космические услуги» по самым низким ценам. Как заявил ее президент Дэвид Майер, лотерея, которая завершится к 31 декабря 1991 года, в общем-то похожа на множество других инициатив подобного рода, служащих для рекламы различных товаров и услуг и предлагающих в качестве вознаграждения деньги и автомобили, поездку на Гавайи или острова Карибского моря.

«Мы предлагаем, — заявил Майер, — самое невероятное из возмож-

ных в этом веке приключений: полет в космос на советском космическом корабле и стыковку с орбитальным комплексом «Мир». Возвращение на Землю произойдет с помощью обычной системы — капсула с парашютом, — которая уже давно и широко используется. «Призовой» полет должен состояться в конце 1992 — начале 1993 года.

Лотерейные билеты приобретаются исключительно по телефону в тот самый момент, когда набирается нужный номер, и оплачиваются в конце месяца — как счет за разговор. Билетов можно приобрести сколько угодно; стоимость одного — 2 доллара 99 центов.

Итальянский журналист выразил надежду, что «последние драматические события в Москве не приведут к ухудшению международных отношений с СССР». Но даже в этом случае победителя ждет утешение в виде полутора миллионов долларов. Фирма гарантирует...

СЕКС? ЭТО ЛИШЬ ИГРА ДЛЯ СПЕРМАТОЗОИДОВ

Об интересных подробностях жизни сперматозоидов рассказывает новозеландская газета «Нью-Зилэнд геральд».

Сперма напоминает, согласно новой теории, команду регбистов-камикдзе. Лишь одному из ста сперматозоидов удастся со своим набором генов добраться до яйцеклетки и оплодотворить

ее. Остальные 99 процентов «команды» погибают: либо во время нападения, либо позже — выполняя оборонительные функции. Задача «нападающих» — найти и уничтожить сперматозоиды, которые могут остаться от предыдущих половых контактов. Британские исследователи полагают, что сперматозоиды, идущие в арьергарде, перекрывают путь новичкам, которые являются их соперниками. Таким образом, конкурентная борьба начинается именно в этой среде и лишь потом проникает в остальные сферы жизни.

Теория о сперматозоидах-камикдзе с различными функциями частично объясняет также невероятное их разнообразие и количество — ведь при каждой эякуляции выделяется более 100 миллионов сперматозоидов примерно тринадцати различных видов.

ХОЛОДНО, ГОЛОДНО, НО... ПОЛЕЗНО

Интересные выводы американских ученых, работающих над проблемой продления человеческой жизни, опубликовала израильская газета «Наша страна». Оказывается, в эти дни мы с вами живем в наиболее благоприятных условиях — и голодно, и холодно.

«Мы должны есть меньше, употреблять в день не 2800 калорий, как

считают некоторые специалисты, а не более 1600. Этим мы продлеваем свою жизнь», — утверждает известный профессор Рональд Харт. Правда, проверено это пока только на братьях наших меньших.

В лаборатории Рональда Харта живет 3000 подопытных крыс. Половина этой экспериментальной группы получает с пищей только 40 процентов калорий, «представители» второй половины питаются «нормально». Как показывают результаты «издевательства» над животными, «жертвы», т. е. «недоедающие», живут около 60 месяцев, в то время как их счастливые собратья — 30!

Во время исследований, проводимых в университете им. Рокфеллера, врачи-гериатры выяснили также, что люди, живущие в жарких странах, старятся гораздо быстрее, чем те, кто живет в условиях холода. Доктор Роберт Аллен подтвердил эту теорию на мухах, которые при 18 градусах жили в два раза дольше, чем при 28 градусах.

Все это, конечно, несколько прибавляет нам оптимизма. Но одновременно возникает подозрение: уж не стали ли мы жертвами глобального и продолжительного эксперимента? Если так, остается надеяться, что полученные данные помогут остальному человечеству. А потом человечество может нам.

Фирма XEROX®

не сразу строилась

На пороге 1990-х годов семейство компаний «Ксерокс» представляет собой мощную группу с многомиллиардными оборотами, постоянно растущими прибылями, огромными научно-техническим и производственным потенциалами. Семейство включает компании «Ксерокс Корпорейшн», США, «Рэнк Ксерокс», Великобритания, «Фуджи Ксерокс», Япония и «Моди Ксерокс», Индия.

А началось все с очень не приметного события пятьдесят лет тому назад...

Когда талантливый американский изобретатель-самоучка Честер Карлсон зачарованно смотрел на полученную им первую в мире ксерокопию, он даже в самых смелых своих мечтах не мог предположить, что через пять десятилетий каждый день в мире будут получать до четырех миллиардов копий. (Половину копий получают на машинах фирмы «Ксерокс».)

Карлсон ознакомил со своим изобретением 20 самых крупных изготовителей оргтехники в США и в течение шести лет он встречал, по его словам, только «воодушевленное отсутствие заинтересованности». В 1947 г. компания «Халлоид» купила лицензию на внедрение изобретения. Компания рисковала необычайно: при ее незначительных ресурсах она ставила все на идею, от которой после тщательного анализа отказались даже такие гиганты как ИБМ.

Несомненным героем в борьбе за промышленную ксерографию был Джо Уилсон, молодой глава фирмы. Составился идеальный тандем из гения-изобретателя и гения-организатора. Уилсон обладал смелостью, интуицией и азартом игрока; он мог заразить своим энтузиазмом весь коллектив небольшой фирмы, собрать его волю в кулак и направить ее на решение задач, которые оказались не по зубам многим крупным фирмам.

Первый копировальный аппарат (модель 914) сразу же приобрел фантастическую популярность на рынке, хотя по нынешним понятиям это было довольно примитивное устройство.

После триумфа модели 914 фирма сменила свое название на «Халлоид Ксерокс» (1958 г.) и затем на «Ксерокс» (1961 г.). Далее, в 1956 г. была создана компания «Рэнк Ксерокс», как совместное предприятие «Ксерокс Корпорейшн» и британской фирмы «Рэнк Организейшн». Новая компания стала заниматься рынками восточного полушария.

Фирма «Ксерокс» (так для простоты мы будем далее называть это семейство) производит самую широкую номенклатуру оборудования для создания, редактирования, передачи и копирования документов. Эта номенклатура включает копировально-множительное оборудование, лазерные принтеры, телефаксы, электронные пишущие машинки, компьютеры и локальные сети, настольные издательские си-

стемы и большое количество продуктов матобеспечения.

Фирма «Ксерокс» отметила 50-летие гениального изобретения своего сотрудника, выпустив серию 50, созвездие копировальных машин, которое пользуется сейчас огромной популярностью во всем мире.

Пятидесятилетняя традиция «Ксерокс» — это не традиция почивания на лаврах, а традиция неустанного поиска. Не все, возможно, знают, что фирма изобрела лазерный принтер, телефакс, компьютерную сеть Етернет (совместно с «Диджитал Корпорейшн» и «Интел Корпорейшн»), компьютерный манипулятор «мышь», иконы и окна в матобеспечении. Фирма вкладывает в НИОКР более миллиарда долларов в год. Своим врагом №1 фирма считает инерцию мышления. Дух искательства и здорового научного авантюризма, заложенный еще Честером Карлсоном и Джо Уилсоном, привлекает в исследовательские центры «Ксерокс» множество талантливых изобретателей, ученых и бизнесменов.

Каким образом фирме удается оставаться лидером среди 200 изготовителей копировального оборудования и сотен изготовителей других видов оргтехники? С помощью... конкуренции внутри фирмы. Технические задания на очередную модель того или иного оборудования обычно рассылаются в мощные исследовательские и конструкторские центры «Ксерокс» в США, Европе и Японии, представляющие

нескожие школы конструкторской мысли. После самой строгой оценки опытных образцов центр-победитель получает право доработать свою модель до требований рынка, теперь уже опираясь на огромный потенциал всей группы «Ксерокс».

Но даже идеальные конструкторские разработки могут быть сведены на нет на стадии изготовления. Здесь на передний план выходит организация производства и контроля качества. Производственной стратегией фирмы является «Лидерство Через Качество» и тактикой «Тотальный Контроль Качества». Наилучшие показатели (125 дефектных деталей на миллион) были достигнуты на «Фуджи Ксерокс» в 1988 г., сейчас вся группа превзошла этот необычайно высокий показатель. Центр тяжести сейчас переместился с контроля качества изделий на контроль процессов, с устранения дефектов на их предотвращение.

...И вот наша отлично спроектированная и изготовленная машина поступает «в объятия» специалистов по маркетингу и сбыту, основным девизом которых является «Удовлетворение Заказчика». Фирма располагает отличной сетью по продаже и обслуживанию своей продукции, о чем свидетельствуют призы.

Каждому советскому человеку — личный ксерокс!

— Е.А. Евтушенко

Из выступления на Съезде народных депутатов.

Отношения фирмы «Рэнк Ксерокс» с Советским Союзом имеют 25-летнюю историю. В 1964 г. в Политехническом Музее состоялся первый семинар фирмы в СССР.

Начались поставки оборудования в страну, их объемы продолжают расти. В настоящее время фирма пользуется репутацией самого крупного и надежного поставщика оргтехники на советском рынке. В СССР сейчас работают десятки тысяч копировальных машин «Ксерокс». О их надежности говорит то обстоятельство, что многие из этих машин уже в несколько раз перекрыли свой номинальный срок службы. Знаменательно, что в русском языке название фирмы стало синонимом слова «копировальная машина».

В 1989 г.:

Президент Буш вручил фирме «Ксерокс» национальный приз за качество Malcolm Baldrige National Award

Фирма «Рэнк Ксерокс» получила британский сертификат качества Quality Assurance Certification

Журнал Sales & Marketing Management признал службу маркетинга, сбыта и техобслуживания фирмы «Ксерокс» лучшими в отрасли

Фирма чрезвычайно ответственно подходит к выпуску на советский рынок новых моделей копировального оборудования, телефаксов, и т.д. Как правило, они проходят апробацию на западных рынках. Затем фирма показывает оборудование на одной из крупных выставок в Москве, переводит на русский язык всю техническую документацию и сообщения на дисплеях машин, и начинает поставки на советский рынок. Одновременно фирма начинает подготовку специалистов по обслуживанию данной модели в учебном центре в Москве.

В условиях перестройки фирме пришлось менять стиль своей работы. Раньше Представительством фирмы имело дело с профессионалами из МВТ, кото-

рые отлично знают мировой рынок копировального оборудования. Проводимые ими маркетинговые исследования неизменно отдавали пальму первенства фирме «Рэнк Ксерокс». МВЭС продолжает оставаться нашим крупным клиентом, но сейчас множество предприятий получило право выхода на международный рынок. Не обладая опытом, они часто реагируют на более агрессивную рекламу наших конкурентов, часто с плачевными результатами.

Кроме надежности, выносливости и ремонтпригодности наших машин, следует учитывать (что всегда делало МВТ) самую низкую стоимость наших расходуемых материалов (а следовательно и цену одной копии), очень низкую плату за доставку (3,1% от цены FOB), наличие склада в Москве, с которого можно получать машины сразу же после оплаты контракта.

Мне приходится много ездить по стране с семинарами и выставками. Собираемая в поездках информация говорит о том, что с трудом заработанная валюта иной раз тратится советскими предприятиями на копировальное оборудование, не имеющее достаточной надежности, с дорогими расходуемыми материалами и т.д.

До сих пор фирма не уделяла достаточного внимания рекламе своей продукции в СССР. Эта ошибка характерна для лидеров рынка (нас и так знают!). Приходится перестраиваться.

Сотрудничество фирмы с СССР многогранно. Так фирма неоднократно являлась спонсором различных культурных мероприятий и курсов по подготовке советских менеджеров.

В июне 1990 г. в Киеве проходила большая выставка «Дни

Великобритании в СССР», одним из основных спонсоров которой была фирма «Рэнк Ксерокс». Проведение выставки совпало с открытием в Киеве представительства и демонстрационного зала фирмы.

Огромный потенциал советского рынка и происходящие в стране грандиозные перемены заставляют фирму постоянно искать новые формы работы. Фирма продает свое оборудование за конвертируемую валюту и за индийские рупии, поскольку у фирмы в Индии имеется сборочный завод, построенный не в последнюю очередь с учетом поставок на советский рынок. Сознавая, что в стране пока ощущается нехватка твердой валюты, и стремясь помочь советским заказчикам в приобретении так необходимой им оргтехники, фирма идет на рассмотрение бартерных предложений, хотя бартерная торговля сопряжена с известным риском и потерями.

Последовательно придерживаясь своего принципа «Удовлетворение Заказчика», фирма делает все от нее зависящее в довольно трудных условиях советского рынка для расширения и улучшения послепродажного обслуживания оборудования и поставок запчастей и расходных материалов советским заказчикам.

Представительство фирмы «Рэнк Ксерокс» в Москве (4-й Добрынинский пер., 6/9; Тел. 237-68-42 или 237-68-52) представляет собой смешанный совет-

ско-британский коллектив, состоящий из высококвалифицированных специалистов. Сотрудники Представительства продают оборудование и дают консультации, участвуют в выставках, занимаются рекламой, проводят переговоры.

Говорит глава Представительства фирмы «Рэнк Ксерокс» в Москве Грант Сатерланд:

«Сейчас работа в московском Представительстве фирмы становится все более привлекательной для энергичных, честолюбивых молодых сотрудников фирмы. Это связано с тем, что наступившее десятилетие открывает для фирмы в СССР новые перспективы. С приходом гласности советское общество с особой силой ощутило нехватку копировального оборудования. Так, на один миллион населения на Западе приходится 3 тыс копировальных машин, а в СССР только 40.

По-видимому, 1990-е годы будут отмечены ростом продаж оборудования фирмы в СССР. На это указывают хотя бы наши показатели за 1989 г., за который мы продали нашего

оборудования на 60 млн долларов, по сравнению с обычными 16 миллионами.

В течение двух лет фирма планирует инвестировать 10 млн фунтов стерлингов в расширение операций в СССР.

Будет расширяться научно-техническое сотрудничество «Рэнк Ксерокс» с советскими организациями.»

Можно также надеяться, что если будет реализован совместный проект в Серпухове, то советские пользователи машин «Рэнк Ксерокс» не будут ощущать недостатка ксерографической бумаги. Часть собираемого в СССР оборудования будет продаваться за рубли.

Основное свое внимание фирма уделяет расширению и улучшению сервиса по всей территории Советского Союза. Предполагается в каждом областном городе создать агентскую организацию, которая осуществляла бы обслуживание и продажу оборудования фирмы, опираясь на региональные консигнационные склады запчастей и расходных материалов. Начало осуществления этой грандиозной схемы положено в Москве, где фирма создала сервисное СП «ОКО».

Представительство фирмы расположено в Москве. На предприятиях города работают тысячи машин «Рэнк Ксерокс», московские издательства оснащаются настольными издательскими системами фирмы. В городе и области созданы и продолжают создаваться совместные предприятия. Им будет посвящена другая статья в журнале *Столица*.

А.П. Репьев

сотрудник Представительства фирмы «Рэнк Ксерокс» в Москве

Виктория ТУБЕЛЬСКАЯ

А В ПАРИЖЕ ЧИСТО И СВЕТЛО...

(ЗАПИСКИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА)

Связь Москвы со столицами других стран не прерывается ни на минуту. Те немногие из нас, кто выезжает в европейские столицы и возвращается домой, стараются реже сидеть в гостях и, наоборот, часто бродят по улицам, все хорошенько

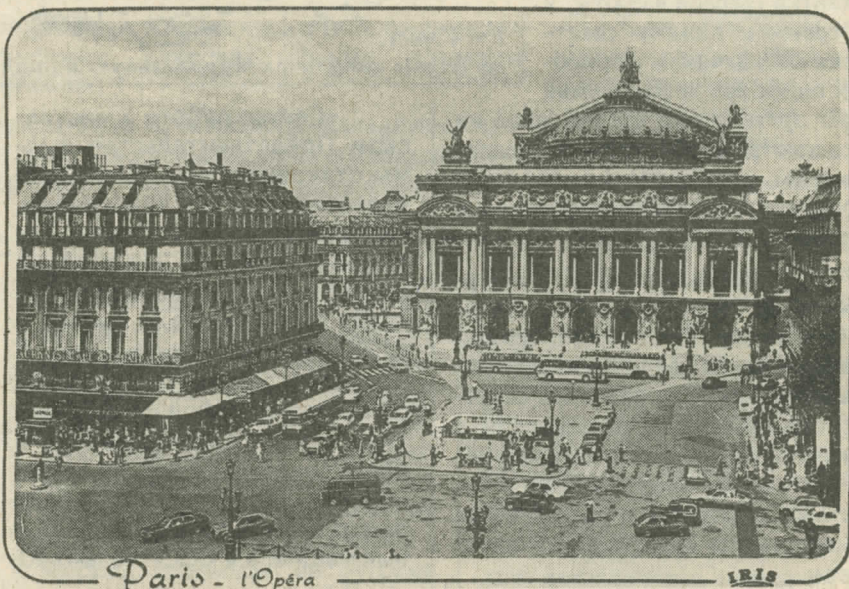
высматривая и запоминая. Им в глаза бросаются такие, право, мелочи, на какие иностранцы давным-давно не обращают внимания. Вот до какой степени они привыкли к комфорту своей столичной жизни!..

Мне «довелось», пользуясь любимым выражением журналистов-международников, побывать во Франции. Я полагала, что более открытой и описанной страны просто не существует, но, едва приехав, столкнулась с совершенно загадочным явлением: как это получается, что нигде в Париже ни окурка не валяется, ни банановой кожуры, ни бумажки, ни использованных автобусных билетиков?

На первых порах я склонна была объяснять эту стерильную чистоту существованием еще не открытого нашей экономической наукой закона капитализма. Однако все оказалось куда проще: выйдя утром в половине восьмого за хлебом, я обнаружила трех африканцев в салатного цвета комбинезонах, вооруженных метлами: они мыли тротуар из шланга. Один сыпал что-то на плиты. Под струей воды пухла на глазах белая пышная пена. Оживленно переговариваясь, все трое гнали ее метлами перед собой по длинной улице вдоль Эспланады Инвалидов. На обратном пути африканцев уже не было — только от влажного еще тротуара исходил слабый запах дезодоранта.

Но этого мало. В середине дня на парижские улицы выезжают маленькие уборочные машины со щетками. Они тоже салатные — такой цвет всей уборочной службы Парижа.

Система великой чистоты слагается из множества звеньев. Начальное — в квартире...

У Натали, где я остановилась, не было мусоропровода. В углу кухни стоял самый тривиальный бачок для мусора с плотно закрывающейся крышкой. Внутри бачка вставляется стандартный пластиковый мешок, (они продаются в хозяйственных магазинах и магазинах самообслуживания). Когда мешок наполняется, вы плотно стягиваете горловину предусмотрительно продетой завязкой и сооружаете кокетливый бантик.

— А теперь отнеси на помойку, пожалуйста, — попросила Натали и подробно объяснила, как ее найти.

Похожая с этим плотно набитым мешком на Деда Мороза, спешащего с подарками к благональным детям, я спустилась на лифте во двор и, повернув сразу налево, обнаружила лишь вазоны с розовыми и белыми азалиями у маленькой двери. Попыталась сориентироваться по запаху — тщетно. Ну, ничем, абсолютно ничем не пахло. Спросить было решительно не у кого, разве что у черного дрозда, который вывел длинную руладу и теперь поглядывал на меня, сидя среди цветов.

На всякий случай я приоткрыла

дверцу и просунула голову — там стояло несколько ярко-оранжевых баков на колесиках. Приподняв крышку, я обнаружила такие же мешки, как мой. Но все-таки, для верности, еще раз принялась — мой нос уловил лишь слабый аромат дезодоранта. Эх, была не была! Я плюхнула мешок в оранжевый ковчег. От этого сотрясения бак, оказавшийся неожиданно очень легким, покатился к выходу. Я еле успела преградить ему путь и вернуть на место.

Дальше, как выяснилось, в дело вступает консьержка.

Раз в день, легонько подталкивая юркие баки мизинчиком, она выкачивает их на тротуар, где уже ожидает салатный мусоросборник и служащие в салатной униформе грузят мешки с мусором в чрево своей машины.

На этом функции консьержки не ограничиваются — эта маленькая тихая женщина одна заменяет целый ДЭЗ. Она убирает лестницы, к ней звонят, чтобы вызвать слесаря или электрика, она подметает двор. Вдобавок, что в круг обязанностей ДЭЗа решительно не входит, она разносит по квартирам почту, поливает в ваше отсутствие цветы и даже помогает по хозяйству, если вы заболели, — словом, это человек, на которого можно положиться.

Вот чего она не делает, так это не спрашивает у входящих административным голосом, в какую квартиру они направляются. Видимо, если она будет сторожить у подъезда, ей просто не останется времени на все остальные дела.

Во всяком случае, чтобы попасть в дом, достаточно нажать на кнопку автоматического устройства. На код подъезд запирается только после девяти часов вечера.

У лифта мерцает красным «минютри» — релейное, донельзя простое устройство, отнюдь не компьютерное, которое включает свет на лестнице на время, достаточное, чтобы подняться в квартиру. Даже такому процветающему государству, как Франция, не по карману постоянно горящий свет на лестницах.

Справедливости ради следует отметить, что еще давно, в застойные годы, в моем доме в Москве французов переплюнули — в течение долгого времени экономия электричества в подъезде была полной. Просто не горела ни одна лампочка — их систематически выворачивали. Чтобы преодолеть ступени, ведущие к лифту, жильцы

пользовались фонариками или карабкались, чиркая спичками.

Кромешная тьма незамедлительно привела к превращению парадного в общественный туалет. Так что благоухало там отнюдь не дезодорантом.

Вконец отчаявшиеся жильцы написали коллективное письмо в Моссовет, и ко мне для проверки жалобы явился участковый. По-видимому, в Моссовете сочли, для собственного удобства, что все это к благоустройству отношения не имеет, а объясняется падением нравов.

— Вы писали? — грозно осведомился участковый, предъявляя мне ксерокопированную жалобу.

Я мужественно подтвердила и выдвинула глобальное решение проблемы: оборудовать туалет за пределами парадного. В самом деле, самый центр столицы, улица Горького, столько приезжих, а куда им деваться?

— Кто ж строить-то будет? — в форме риторического вопроса отверг мою идею участковый.

— Значит, необходимо, чтобы подъезд был всегда ярко освещен, — выдвинула я программу-минимум. — Вот, например, в метро очень светло. Ведь вы бы не стали там, как бы это выразиться поделкатнее...

Участковый задумался.

— Нет, — наконец признался он. — Не стал бы!

Не знаю, входят ли в Париже так называемые «заведения» в ведение мэрии или это плод частного предпринимательства, но там в них недостатка не ощущается. Причем, кроме, если так можно выразиться, традиционных, есть еще туалеты-автоматы. Это металлические сооружения, похожие на большие шкафы, установленные прямо на тротуаре. В щель опускается монетка — в Париже туалеты платные, но никто не сетует, — и вы попадаете в кабинку. Признаться, я ими не пользовалась — лучше не рисковать. Мало ли что может случиться с человеком, не привыкшим к техническим новшествам. Заклинит еще — так и останешься навсегда в металлическом ящике.

Но это мои личные эмоции, а вообще, конечно, такие туалеты очень удобны, они мобильны, ставь, где в этом есть необходимость.

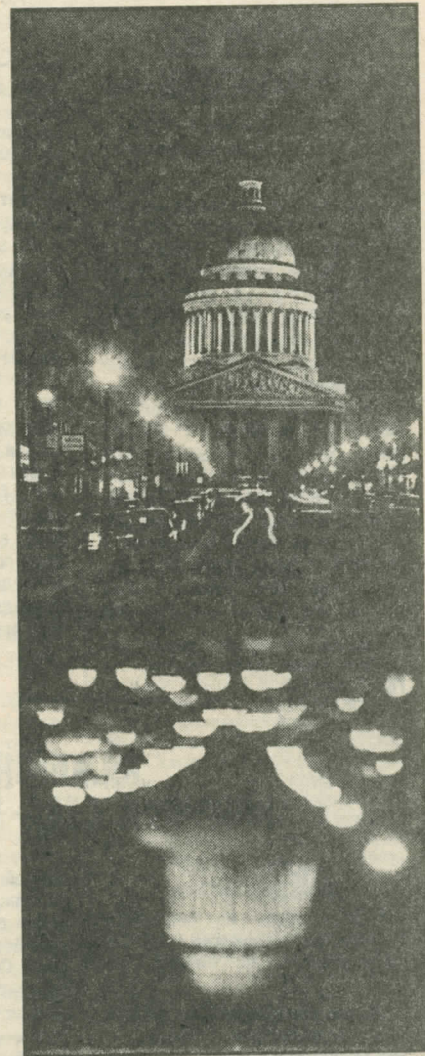
Ну и, разумеется, не забыто в системе великой чистоты такое простое приспособление, как урна для мусора. Они — на каждом шагу. И, я думаю, человек, стоящий перед выбором, куда ему бросить оку-

рок — на тротуар или в урну, все-таки выберет урну...

Особенно часто вспоминался мне разговор с участковым вечером, когда Париж становился, пожалуй, еще великолепнее, чем днем, от обилия света. Вероятно, такое яркое освещение возможно из-за экономии света на лестнице.

Подсвечены все дворцы и дома, имеющие хоть какое-то отношение к истории Франции. Горит каждая клеточка Эйфелевой башни. Прогулочные кораблики наливаются изнутри теплым сиянием, и вот уже сама Сена превращается в источник света, отражая их бесчисленные огни. Даже автобусные остановки, сугубо утилитарная деталь городского пейзажа, так и полыхают голубым огнем.

Нет, слово «освещение» сюда не подходит. Это — иллюминация. Ежедневный, вернее, еженощный, праздник в честь Парижа.

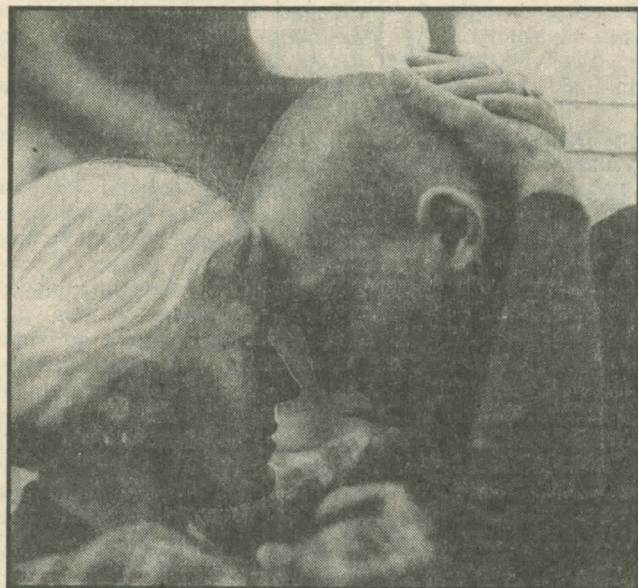

фото Г. Несмачного

МЕЛКИЙ БЕС ПО-СОВЕТСКИ

«САТАНА»

«Ленфильм», реж. В. Аристов

Миловидный юноша похищает дочь своей любовницы, совпаргосмафдеятельницы районного масштаба, и измененным голосом требует с нее стотысячный выкуп, забыв сообщить, что уже укокошил несчастное дитя. Канву фильма составляют вялые похождения юного дьяволенка (включающие два полуизнасилования *) вперемешку с картинными (в духе передвижников) страданиями обезумевших родителей. Лента кончается суперпсихологической (по мнению автора) сценой между маменькой и убийцей в таком примерно ключе: «Отдай мою дочь!» — «Рад бы, да не могу.» — «Где же

* когда женщине проще отдалась, чем отбрыкиваться. — Прим. автора.

она?» — «А в болоте». — «Я на тебя заявлю!» — «А я — на тебя». После чего взаимонеудовлетворенные стороны расходятся, и молодой мерзавец, забыв о неполученных ста «кусках», посылает зрителю прощальную улыбку.

Из этого сюжета можно было бы сделать пристойный триллер, если бы режиссер задался целью развлечь зрителя, сладко его попував и оставив крошку в живых. Но претензия на правду-матку вкупе с отсутствием саспенса и наличием изрядного неправдоподобия превращает фильм в обычную «чернуху».

Виктор Аристов, ученик Алексея Германа, получил известность благодаря фильму «Порох», в непривычно жесткой манере показывавшему войну. Увы, последние его картины не оправдывают возлагавшихся на него надежд.

Виктор МАТИЗЕН

ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС

«ШКОЛА ДЛЯ
ЭМИГРАНТОВ»

Театр «Ленком», реж. М. Захаров

Когда Верховный Совет СССР еще не принял закон о выезде советских граждан, когда правительства большинства европейских государств уже приняли законы, жестко ограничивающие въезд этих же граждан, Марк Захаров поставил спектакль о том, что ехать — некуда. Что от судьбы не убежать.

Герои спектакля — учитель физкультуры и учитель географии из школы с театральным уклоном, — примерив на себя чужие судьбы и чужие биографии,

приходят к грустному выводу, что жизнь, как и театр, ограничена жесткими предлагаемыми обстоятельствами: здесь и сейчас.

В спектакле взаимоотношения театра и жизни выстроены виртуознее и сложнее, чем в пьесе молодого способного драматурга Д. Липскерова, глубину которой постановщики все-таки переоценили. Однако актерам (в одном составе — О. Янковский и Н. Караченцов, в другом — А. Абдулов и А. Збруев), балансирующим на грани вымысла и реальности, пожалуй, недостает боли и самозабвения. Забвения того, что они звезды театра и кино.

Впрочем, есть надежда, что все придет. Ибо новая работа М. Захарова, бросающая вызов успеху и его не жаждущая, полна подлинной грусти и вопросов, которые режиссер рискнул оставить без ответа.

Михаил ШВЫДКОЙ

КАЖЕТСЯ, БОЛЬШОЙ СТАЛ ТЕАТРОМ!

«НОЧЬ ПЕРЕД
РОЖДЕСТВОМ»

ГАБТ, опера Н. Римского-Корсакова, режиссер А. Тител, дирижер А. Лазарев

Почти невероятно: в тревожной, мрачнейшей стране — праздник. Настоящий, не выму-

ченный, искренний. И случился он там, где праздника нет уж много лет. Академические люди из Большого резвились, как дети. Оказалось, что они — замечательные актеры. Что умеют импровизировать и быть обаятельными. Что хор — не безликая масса в онучах, а ансамбль

индивидуальностей, лицедеев. Что миманс — продолжение музыки. Что опера жива и современна. Огромный спектакль поражает воображение абсолютной и всеобщей талантливостью. Живопись В. Левенталья «пропела» свою «партию» в ансамбле и сразу вошла в театральную историю.

Все это великолепие выросло из зерна, давно засохшего. Из оперы, которую еще с 20-х годов успешно забыли. Ее музыки

прочли живые люди — и она оказалась захватывающей. И спели ее вдохновенно — потому что вдруг поняли, поверили режиссеру, что петь и жить в настоящем оперном спектакле — не только профессия, но и счастье. Теперь это счастье вылевывается со сцены в зал. Рождественская сказка? Или Большой действительно становится вновь — театром?

Валерий КИЧИН

Фото Э. Кудрявицкого

НАПОЛЕОНЫ ОТТЕПЕЛИ

ВЫСТАВКА «ДРУГОЕ ИСКУССТВО. МОСКВА 1956—1976»

Истекший год прошел в галереях очень оживленно, хотя подчас и хотелось впасть в меланхолию от качества работ, представляющих поиски конца 80-х. Не так безнадежны были развешенные «Шизокитай» да постоянная экспозиция в мавзолее. Остальное по преимуществу — беспомощная молодежь или молодящиеся старики...

Выставка, открывшаяся незадолго до Нового года на Крымском валу, спору нет, устроителям удалась. Прежде всего потому, что они сумели отыскать (по мастерским, у частных коллекционеров) ранние, и не только, вещи таких ныне признанных среди большой публики мэтров, как, например, В. Яковлев и В. Немухин, А. Зверев и Д. Краснопевцев, И. Кабаков и Э. Неизвестный. Задача выставки — показать независимое московское искусство послесталинского двадцатилетия. Искусство, пользующееся современным языком, параллельное, то есть непричастное к официальным способам «доставки культуры населению». Воссоздать герметический контекст той героической, но по своему умиротворенной эпохи теперь довольно непросто. Это,

кстати, показала выставка Белютинцев в Манеже, на которой контекст пропал совершенно. Здесь же он появился воочию в картинах, развешенных вокруг единственной работы Белютина.

Мы попадаем в общество наших «старых мастеров», однако, к счастью, выставка не явилась спиритическим вызыванием тени наполеонов 50-х годов — она не лишена актуальности для всех и ныне терзающихся поисками новизны. Она кажется решительно живее и задорнее, нежели потуги ультрасовременных соискателей. Казалось бы, лица, давно вошедшие в хрестоматию, трудно бывает разглядеть из-за музейного мумифицирования, но совершенно свежо и неустарело воспринимаются и теперь объекты Д. Плавинского, причуды покойного А. Тяпушкина, живая эволюция Э. Булатова, других классиков русского концептуализма.

Отрадно было на выставке удостовериться в том, что естественный вкусовой тон русского искусства, заданный авангардизмом 10—20-х годов, наличествовал у нас почти непрерывно. Знаатоки радовались демонстрации этого факта, дерзающие же художники из новых могли убедиться, не без горечи, как не нова их новизна.

Глеб СМРНОВ

ОСЕННЯЯ ТУСОВКА

«ЛЕНИНГРАД, НОЯБРЬ»

«Ленфильм» совместно с ФРГ, реж. О. Морозов и А. Шмидт

Название фильма точно соответствует его стилистике — здесь почти нет того, что называется «рассказать историю». Сюжет едва намечен (русский эмигрант приезжает из ФРГ в Ленинград повидать смертельно больного отца), ибо главное для авторов — передать осеннее дыхание города и сумрачную свободу питерских тусовок с их необязательными отношениями.

Прекрасный актерский ансамбль (Г. Гладий с имиджем кинозвезды 20-х годов, на редкость пластичная немая актриса Е. Величко, а также И. Кечаев и Н. Михайловский) придает редкое обаяние этому «городскому пейзажу с несколькими фигурами» и вместе с тем — восьмидесятилетнему ремейку 60-х, любивших столь же открытые и полные воздуха, но преимущественно «весенние» киноповествования.

Виктор МАТИЗЕН

ВЗДРЕМНЕТ НЕ ТОЛЬКО ШТИРЛИЦ

«Ю. АФАНАСЬЕВ. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЗИЦИИ» ЦСДФ, реж. Е. Андриканис

Несмотря на «выигрышный материал» в лице Юрия Николаевича, несмотря на снятые «вживую» крутые события весны и лета 1990 года, на новом фильме хотелось просто-таки вздремнуть по-штирлицевски, минут 20—30. Ей-богу, научно-популярные ролики, которые в народе ласково называют «маразмом про лазеры», смотрятся куда интересней.

Впрочем, если вам просто приятно взглянуть на главного героя, то вы ничего не потеряете. Да еще узнаете, где и когда родился народный депутат, кто его жена и дети, что лежит на его письменном столе. Иногда, правда, все это прерывается то черно-белыми, то цветными фрагментами из нашей с вами жизни. Только вот с определенным позициям недоразумение возникает. Как оно все начиналось да как продолжалось? Ну да ладно. Доразумеем как-нибудь сами. Не впервой... Петр ФАДЕЕВ

P. S.: Видео

ВЕДЕТ АНДРЕЙ ГАВРИЛОВ

НАМ ЖЕНЩИНА — НЕ ТОВАРИЩ!

«ДИКАЯ ОРХИДЕЯ»

США, реж. З. Кинг

Когда М. Рурке и К. Бэйсингер заявили, что хотели бы снять продолжение «9½ недель» — самого, пожалуй, популярного фильма у советской интеллигенции и работников торговли, то весь наш народ жил в напряженном ожидании. И вот — свершилось! Правда, это не продолжение (получился какой-то гибрид между нашим «Служебным романом» и ихней «Эммануэль»), и К. Бэйсингер где-то по дороге потеряли (хотя дебютантка К. Отис удивительно хороша), но какая разница? К сожалению, придется обойтись без пересказа сюжета, ибо в свете антилопового указа Президента это граничило бы с доносом. Скажем только, что приятно все-таки смотреть, когда кому-то хорошо, несмотря на абсолютно нетоварищеское отношение к женщинам.

ПИСТОЛЕТ ДЛЯ ОБЕЗЬЯН

«ПТИЧКА НА ПРОВОЛОКЕ»

США, реж. Д. Бэдэм

Веселый, беззаботный, бездумный комедийный боевик, гарантирующий отдых и хорошее настроение. К тому же в нем соблюден любимый принцип советского искусства — если обезьяна видит пистолет, то он непременно выстрелит. Единственное опасение — не дай Бог, Мел Гибсон («Сумасшедший Макс», «Смертельное оружие», «Огненный рассвет») решит стать комедийным актером. Все-таки он не Эдди Мерфи...

СОВЕТСКИЙ МОРЯК ШОН КОННЕРИ

«ХОТА ЗА «КРАСНЫМ ОКТЯБРЕМ»

США, реж. Дж. Мактиернан

В основе фильма — одна из наиболее трагических и постыдных страниц нашего недавнего прошлого — история восставшего корабля «Сторожевой» и расправы над его капитаном В. Саблиным. Правда, в картине — не корабль, а подлодка «Красный Октябрь», у героев — другие цели, у всей истории — другой финал. Но пока советские кинематографисты решают актуальнейшие проблемы борьбы афганцев против мафии (или наоборот), секса среди дошкельников или душевных мук проституток, пусть далеко не блестящее детище Мактиернана (знакомое нам по боевику «Крепкий орешек») и исполняющего главную роль Ш. Коннери будет хоть каким-то памятником безнадёжному мужеству В. Саблина.

«Важнейшее из искусств»: Бал на борту «Титаника»?

Что-то странное происходит в последнее время с нашим кинематографом.

Раньше мы кичились тем, что «водим» в кино ежегодно более 4 миллиардов зрителей. Теперь это число сократилось на четверть.

Катастрофически падает интерес к советскому кино (на экранах кинотеатров — сплошь зарубежные боевики). Зато вместо прежних 150 советских фильмов в год мы «ваяем» больше 300.

Соотношение рентабельных и убыточных кинотеатров в стране — 800 к 4000, и тем не менее все они «живут» примерно одинаково.

Так что же все-таки происходит?

На этот вопрос мы попросили ответить социолога Даниила ДОНДУРЕЯ и кинокритика Наталию ВЕНЖЕР.

И НИКТО НЕ РАЗОРИЛСЯ!

Даниил Дондурей: Ситуация поистине беспрецедентна. Кинематограф сегодня — чуть ли не единственная сфера жизни, где реализованы лозунги перестройки: есть и свобода выбора, и настоящее изобилие «товара». Пока, правда, не хватает денег, чтобы купить супершлягеры Спилберга, но «дотянулись» до Земекиса и Кополы, покупаем картины классиков вроде Лукино Висконти или Алена Рене. Бесконечные авторские программы мастеров, недели зарубежных фильмов, открытия фирменных кинотеатров. Недавно в Москве без особого ажиотажа прошла, например, вся программа Венецианского кинофестиваля. Короче — предложение опережает спрос. Соответственно нет и особого роста цен. Все, как учил Адам Смит и прогнозировал в октябре Григорий Явлинский. Средняя цена билета в столичные кинотеатры выросла на 40% — что ни в какое сравнение не может идти с подорожанием мяса или подсолнечного масла на московских рынках. И дело тут, конечно, не в благородстве кинодеятелей или щедрых субсидиях государства. Суть — в отсутствии дефицита кино. В рынке.

За последние три года посещаемость родных фильмов упала почти на полмиллиарда билетов. А если обойтись без хитростей нашей ведомственной статистики (один зритель двухсерийного фильма засчитывается за двоих), то придется отказаться еще от сотен миллионов мертвых душ.

И все-таки великая иллюзия, что в кино работают счастливицы, у которых больше денег и меньше проблем, чем у простых смертных, жива. На судьбе кинематографа эта иллюзия сказывается самым непосредственным образом: новоявленные советские предприниматели, заработав большие рубли (неважно, теневым или

«освященным» бизнесом), охотно финансируют кинопроизводство. Они твердо убеждены, что таким образом не только окажутся в лучах общественного внимания, но и деньги будут грести лопатой. Посему найти сегодня рубли на постановку фильма в нашей стране может чуть ли не любой желающий.

Результат забавен: американцы, контролирующие больше половины мирового экранного времени, сняли в прошлом году немногим больше ста фильмов, а мы — при катастрофическом падении интереса к собственным произведениям даже у отечественных зрителей — с легкостью преодолели рубеж в триста названий! Появились десятки новых кинофирм и невиданное в истории страны количество дебютантов. И вот она, русская экономическая фантастика, непостижимая для дельцов с трезвыми западными принципами, — НИКТО НЕ РАЗОРИЛСЯ!

СВОБОДУ КИНОТЕАТРУ!

Наталия Венжер: Мировое кино давно питается из многих источников. Фильмы, не получившие признания на экранах кинотеатров, скромно и с достоинством отрабатывают свое в телесети, в кабельном ТВ, на видео. «Элитарные», но не слишком зрительские ленты долго идут в так называемом «альтернативном прокате» — в аудиториях университетов, в музеях, в клубах. И отовсюду производитель получает свою долю, которую, как и положено в условиях рынка, вкладывает в расширение производства. У нас все иначе. Наше кинопроизводство до сих пор может рассчитывать на возмещение затрат и доход только из одного источника — из кинотеатра. Сколько бы ни было у фильма теле- и видеозрителей — это никак не сказывается на благосостоянии киностудии.

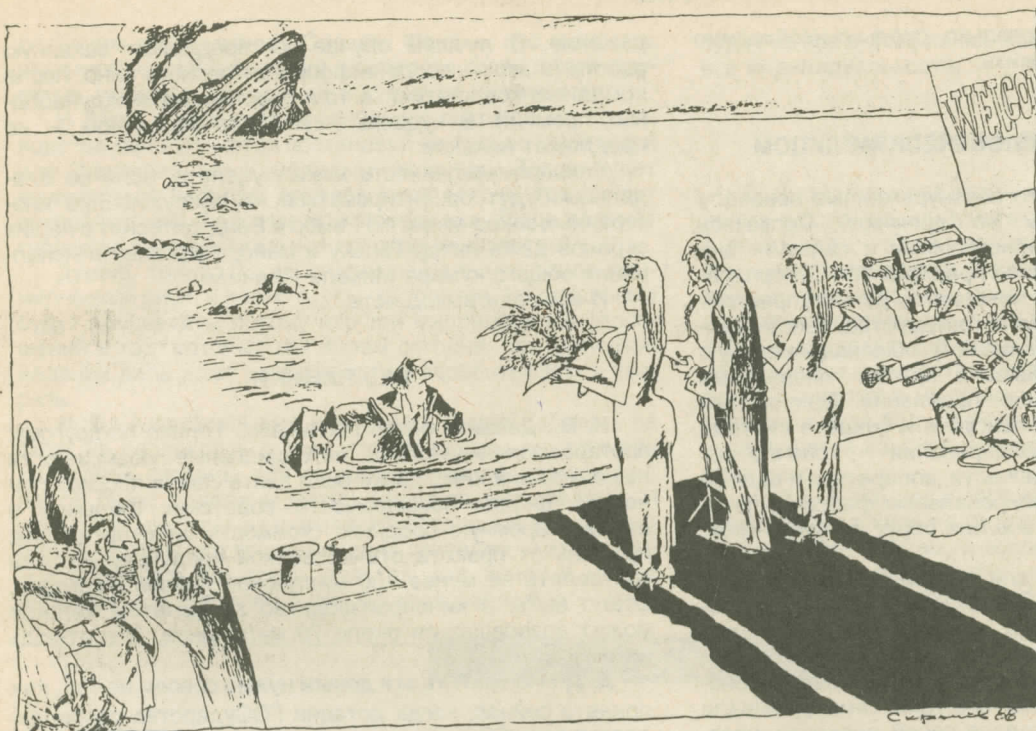

Рис. В. Скряпелева

Таким образом, вся многоступенчатая постройка нашего кинематографа зиждется на эффективности работы первичного предприятия — кинотеатра. А стало быть, ни свобода творчества, ни свобода бизнеса в кинематографе невозможны без его свободы. Но какова нынче эта «свобода»?

До последнего времени из каждого рубля, поступившего в кассу кинотеатра, 55 копеек отчислялось в местный бюджет в виде «налога с кино», 20 шли кинопрокату за аренду копии фильма (а оттуда — часть этих денег — на возмещение студиям производственных расходов), 25 копеек с рубля оставалось киносети на: содержание кинотеатра, содержание административной пирамиды руководящих структур областного, городского, районного уровней, рекламу.

Д. Д.: Но и это не все. Отбирая правой рукой около 400 миллионов рублей, наше причудливое государство левой давало дотации областным киноорганизациям и кинопроизводству, беря их, естественно, из общенационального бюджета. Однако деньги эти, как всегда у нас, уходили на латание несметных прорех и дыр, а больше всего — на поддержку тех кинотеатров, которые годами работали себе и городу в убыток.

Короче — вся гигантская пирамида киноотрасли (сотни единиц кинопроизводства, дюжина кинокопировальных фабрик, полтораста тысяч киноустановок) опиралась, в сущности, на работу 700—800 крупных кинотеатров, у которых их феодальные владельцы — областные киноvideообъединения — отнимали практически все.

Н. В.: Теперь это безобразие кончилось — с 1 января 1991 года «налог с кино» вроде бы не взимается. Простив такую крупную «недомилку» (55% вала!), государство, разумеется, перестанет платить дотацию. И теперь уже кинотеатру придется взвалить на собственные плечи расходы своих менее удачливых или менее старательных собратьев.

Легко представить себе, как много смогут вычерпать

из такого «обильного» источника производители кино, как бы они ни старались повысить цены за аренду копий. Из обмелевшего колодца много воды не наберешь, пусть и большим ведром.

Д. Д.: Но и эти жалкие гроши не попадут в карманы наших кинопроизводителей. Более 300 советских фильмов — а кто видел их, родимых? Где? Иногда кажется, что их снимают лишь для оптимистической статистики. «Рэмбо», «Крепкий орешек», «Никогда не говори «никогда» — американские. «Шок» — французский. «Полицейский по найму» — опять американский... Неделя испанских фильмов... кинотеатр французских...

На так называемых всесоюзных кинорынках безусловные лидеры — голливудские ленты — потеснили вчерашнего фаворита — индийскую мелодраму. Лишь одна из десяти советских картин едва-едва выдерживает конкуренцию. Остальные приносят чистый убыток. Их не смотрят, не покупают. Но ведь при нынешней системе деньги, заработанные на показе зарубежного фильма, не идут на отечественное кинопроизводство — они остаются у фирмы, купившей лицензию. Таким образом, каждый сеанс «заграничного кино» наносит двойной удар по советскому: занимает его место и вытесняет прибыль из системы воспроизводства.

Так что даже нынешние советские «чемпионы проката» едва могут окупить сами себя и чуть помочь своей студии — но не кинематографу в целом. Ведь самые посещаемые фильмы собирают половину, а то и треть билетов, некогда проданных на «Пиратов XX века» или на «Москву...», которая «слезам не верит».

Н. В.: Да, сегодняшняя реальность сказочна по своей нелепости. Ведь по нынешним порядкам фильм, который посмотрело 10 миллионов зрителей (население такой страны, как Венгрия!), остается для производителя убыточным, даже если он стоил минимальную сумму в производстве. Причина? Все та же: возложенные на кинотеатры государственные функции финансирования нерентабельных предприятий. Вот почему кинотеатр не

может платить за фильм столько, сколько необходимо производителю, чтобы выжить.

МОНОПОЛИСТЫ С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ

Д. Д.: К этому добавим, что обескураженные поначалу ведомственные структуры не дремлют. Пользуясь своими неотменными полномочиями и связями, они создают свои «коммерческие» предприятия. Суперперестроечные. Многоопытные чиновники, ранее управлявшие кинематографом от имени государства, теперь приватизируют (то есть присваивают) общенациональную собственность, пересаживаясь в кресла генеральных директоров и председателей правлений. Причем они отлично знают, что нужно прибрать к рукам в системе тотального дефицита и фондирования — конечно же, ресурсы. У них — пленка, запчасти, аппаратура и валюта на их закупку. У них — копировальные фабрики, павильоны, лаборатории. И за все они берут двойную-тройную цену.

Вообще-то поведение для любой монополии нормальное. Остановить этот грабег могут только антимонопольные законы, которые наши законодатели все никак не соберутся принять.

Н. В.: Разница в том, что акулы загнивающего монополистического капитализма все-таки сами добывали свои богатства, сами, благодаря своей ловкости, разоряли конкурентов и скупали их имущество. Наши «монополисты с человеческим лицом» просто объявили своим то имущество, которым они ранее управляли от имени государства и которое создано на средства налогоплательщиков. Новоявленные коммерсанты и впредь собираются получать государственные дотации на производство фильмов, чтобы распределять их по своему бесконтрольному усмотрению (теперь уже на правах самостоятельного концерна или акционерного общества). Они же будут распоряжаться государственной, то есть опять же нашей с вами, валютой, и так далее...

Д. Д.: Во всяком случае, так выглядит то «акционерное общество» и тот «Фонд развития советского кино», которые в большой тайне созданы нынешними руководителями Госкино СССР.

А количество зрителей продолжает падать, а советские фильмы совсем исчезают с экрана...

Н. В.: И не нужно ругать за это прокатчиков, не нужно негодовать на них за отсутствие любви к родному искусству или за дурной вкус. Ведь зрители почему-то готовы платить спекулянтам десятки за билеты на «Унесенные ветром», но поднимают крик, если советская премьера потребует у них расхода в два-три рубля.

Не нужно винить никого. Просто нужно отдать себе отчет, что родничок этот на последнем издыхании и скоро иссякнет.

Д. Д.: Думаю, что относительно счастливая пора для наших деятелей кино продлится максимум год-два. Себестоимость картин растет, а доходы производителей кинопродукции стремительно падают, прежний высокий престиж этой деятельности иссякает на глазах. Потеряв опрометчиво вложенные в кино деньги, нынешние безрассудные инвесторы, многочисленные кредиторы завтра перестанут финансировать самые соблазнительные кинопроекты. Количество выпускаемых фильмов начнет сокращаться еще более резко, чем росло последние годы. А это — безработица драматургов, режиссеров, актеров, особенно среди дебютантов, которые совсем недавно мгновенно получали деньги на свое самовы-

ражение. В лучшем случае им предложат заказную работу (и это — после эйфории авторского кино, после комплиментов критики, а то и престижных международных премий!). В худшем — и более вероятном — не предложат никакой.

Кинопромышленность может уцелеть, если ее владельцы будут ориентироваться на обслуживание иностранных заказчиков. Но Рэмбо и Бонд вытеснят с наших экранов даже интер-Таньку и майора-афганца в исполнении общего кумира Микеле Плачидо.

И все-таки выход есть.

БЕЗ ПАНИКИ!

Н. В.: Давайте опять посчитаем. Только по-другому: постараемся вычислить потенциальные возможности нашего рынка кино. Даже если взять самые пессимистические цифры посещаемости советских фильмов и весьма скромную среднюю стоимость билетов на них, прибыль от проката отечественной продукции должна составлять не менее 100 миллионов рублей ежегодно. Стало быть, в кинопроизводство за вычетом налогов может возвращаться около 70 миллионов. Это отнюдь не мало.

Д. Д.: Но тратить эти деньги нужно совсем не так, как принято сейчас, когда дотация Государства распределяется всем Государственным студиям в виде ГОСзаказов через ГОСкино. Таким образом за счет бюджетных средств студии страхуются от любых убытков, от благодетельного для отрасли разорения нерадивых и неспособных. Вот почему при полном фиаско советской продукции даже на внутреннем рынке (не говоря уж о мировом) пока не обанкротилась ни одна студия. Нынче даже на «Мосфильме» окупаются только каждая 8—10-я картина. И все же любые аутсайдеры коммерции остаются на плаву и получают право на безвозвратную трату очередных миллионов. И добро бы — на шедевры искусства, на эксперименты, на детские фильмы. Вовсе нет. В подавляющем большинстве то, что не покупают, не имеет ни коммерческой, ни социальной, ни эстетической ценности.

Н. В.: Рынок, конечно, вещь суровая. И недаром опасаются, что он может погубить у нас киноискусство, которому, конечно, не выжить, если его не спасет государство. Но спасать нужно именно искусство, а не всех тонущих без разбора. Никакая культура не может существовать без поддержки государства (альтернатива — пожертвования частных фирм и богатых граждан, но для этого их нужно иметь очень много и очень богатых).

Д. Д.: Вот почему, действительно, необходим настоящий Фонд развития кино. Только не в виде супермонополии, захватившей всю материальную базу и извлекающей из нее незаработанные доходы. И не в виде переименованного ведомства, всегда готового «руководить» и без риска «распределять» ресурсы, рубли и доллары, равно ему не принадлежащие.

По замыслу Фонд развития кино — это государственно-общественная организация, которая обеспечивает существование необходимых обществу и национальной культуре направлений кинодеятельности, тех, у которых сиюминутный коммерческий потенциал невелик, но чье духовное и общественное значение громадно. Государство дает для этих целей деньги (в основном полученные в виде налогов с коммерческих кинопредприятий, в частности с проката зарубежных боевиков). Общественность осуществляет контроль за распре-

делением ассигнований. Словом, Фонд — это механизм разумного финансирования из средств госбюджета проектов, имеющих отношение к культуре и искусству.

И тогда в условиях неминуемого сокращения производства гарантируются постановки не только Муратовой или Шенгелая, но и молодым талантам. Тогда будет покрываться дефицит доходов кинотеатров, где пойдут ретроспективы Феллини или Иоселиани. Тогда получат субсидии детские сказки и детские кинотеатры.

Думаю, только тогда студии поймут, что такое коммерческий риск, и кое-кто, увы, разорится. Но остальные будут процветать, потому что три миллиарда кинопоисений в год, которые мы имеем сегодня, при разумном ведении дела дают возможность и зарабатывать, и творить.

Н. В.: А независимые кинотеатры будут работать на себя, не беспокоясь о том, что их доходы (по примеру колхозной системы или социалистической промышленности) будут поделены между нерадивыми соседями. И кое-кто из них, увы, разорится. Но остальные будут процветать, потому что три миллиарда зрителей — это источник огромного богатства для тех, кто хочет и может работать. А у зрителей будет богатейший выбор — кино

будет на все вкусы, на все возрасты, группы и даже — на все индивидуальности...

КАТАСТРОФА БУДЕТ ЗАВТРА

Д. Д.: Но пока все это — мечты и прожекты (сколько их так и осталось на бумаге и в протоколах заседаний!). А реальность, напоминаю, самая тревожная. Нынешний бум кинопроизводства окрашивает ее поистине в трагедийные тона. И если не изменить политику государственного финансирования кино, если не устранить монополию на средства производства, не раскрепостить жизнеспособные кинотеатры, если... то неминуема не только волна банкротств, не только отток зрителей от кинотеатров, но и куда большая опасность: отечественная культура лишится важнейшей своей составляющей — искусства кино.

Н. В.: И все чаще, слушая очередную дискуссию о перестройке в кино на многочисленных семинарах, заседаниях и фестивалях, я вспоминаю бал на борту «Титаника». И все мне кажется, что айсберг уже снялся со своего ледяного якоря и набирает скорость...

ОТТУДА

Илья СУСЛОВ

В ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ

Когда я жил в Советском Союзе, я, как и весь советский народ, не знал иностранных языков. Поэтому, слушая иностранных гостей по телевизору, я ничего не понимал из того, что они говорили на своей зарубежной тарабарщине, и радовался тем словам о дружбе и мире между нашими народами, которые сообщали нам их переводчики — такие маленькие, молоденькие мальчики, незаметно появлявшиеся и так же незаметно исчезающие. И мне очень нравилось, как товарищ Чаушеску, или товарищ Живков, или даже товарищ Чойбалсан с товарищем Анджелой Дэвис правильно и сердечно оценивают политику нашего миролюбивого правительства и лично товарища Полоскова (или кто там тогда был?).

Потом, приехав в Америку, я выучил английский язык, стал слушать приезжающих к нам во-

ждей сразу на двух языках: русском и английском. И вот что удивительно: русский язык показался мне более лаконичным и образным, чем его английский эквивалент!

Ну, например: включил я однажды в 1980 г. телевизор. А в нем кислое, как клюква, лицо. Громыко приехал. Лично. Корреспонденты со своими микрофонами не дают ему проходу: почему да почему. Почему СССР ввел войска в Афганистан? Какая тому причина? Что это такое вы задумали?

Громыко это все очень не понравилось. Он и так кривился, и эдак, а потом в сердцах сказал:

— Да на кой нам этот ваш Афганистан?

Я очень обрадовался. Я стал ждать, как переводчик переведет это тонкое дипломатическое выражение в духе Витте и Киссинджера?

Переводчик Виктор Су-

ходрев, красивый, чернобровый парень, который чешет по-английски, как Черчилль, сразу же перевел. Он сказал:

— Сообразуясь с духом добрососедских отношений с нашим южным соседом Афганистаном и соблюдая договоры, заключенные с этой страной, наше правительство по просьбе законного правительства Афганистана ввело ограниченный контингент наших войск в пределы этой дружественной республики, и этот контингент будет выведен в самое короткое время.

Я был поражен. Впервые, русский текст Громыко оказался на девяносто процентов короче английского. Во-вторых, я понял, что всю политику Советского государства делают не вожди, а их переводчики!

С тех пор я никогда не слушаю вождей. Они мне совершенно не интересны. Их мысли и лексикон

все там же, на громыковском уровне. Я слушаю их переводчиков. Это они делают наших вождей интеллигентными и умными. Это они находят слова, чтобы безумная политика переводимых выглядела разумной и даже привлекательной. Какие талантливые люди! Какая удивительная потеря для Верховных Советов! Ведь все могло бы пойти по-другому, если бы страшной руководили переводчики! А Горбачев перевел бы их на русский. Это выглядело бы так. Переводчик бы сказал:

— Леди и джентльмены! Настало время и безо всяких экивоков сказать, что наша внешняя и внутренняя политика зашла в полный тупик. Неграмотные коммунистические вожди превратили нашу страну в помешнице всего человечества и обрекли наш народ на голод и разруху. Мы готовы сделать все, чтобы спасти народы, населяющие бывший Советский Союз. Помогите нам в этом, леди и джентльмены!

А Горбачев перевел бы это на русский:

— Да на кой нам все это?

Профессиональные камикадзе требуют компенсации

Как вы думаете, чем должен промышлять кооператив по имени «Потылиха»? Ваши первые ассоциации? Есть что-то очень русское в этом названии, верно? Блины, пироги «с пылу с жару», расписные самовары... Но знатоки старой Москвы помнят, что так назывался район столицы на самой окраине, где сейчас располагается киностудия «Мосфильм». Так что блинов не будет — будет кино.

Представьте себе такое объявление в газете: «Кооператив «Потылиха» предлагает следующие услуги: горим, тонем, прыгаем с энного этажа, падаем с лошади на скаку, разбиваемся в автокатастрофах...»

Советское кино перешло на коммерческие рельсы и стало не в меру драчливым и кровожадным. На каскадерские услуги — большой спрос. Куда ни ткни — везде мафия, рэкет, погони, драки, утюги на животах, «пушки», «перья» и прочие атрибуты времени великих перемен. Но если снять фильм о судьбе простого советского каскадера, то выйдет он не романтическим, а нормальным, в стиле социалистического реализма.

Сюжет будет прост и незатейлив. Приходит паренек на киностудию и говорит: возьмите меня в каскадеры. Чаще всего этим хотят заниматься бывшие спортсмены или неудавшиеся актеры. Или просто богатыри «без страха и упрека».

Насчет больших денег нашему герою сразу все объясняют: ни на что особо рассчитывать не придется, работа сдельная, платят за трюко-часы. Молоко за вредность не дают. А если условия и устраивают, то принять на работу все равно не можем, хотя каскадеры нам нужны. Почему не можем? А потому, что нет такой профессии — «каскадер» — в Советском Союзе. В кино есть? Да, но так это ж в кино. В Общесоюзном классификаторе профессий такой до сих пор не значится — и basta!

Шел бы ты, говорят нашему герою, устраиваться сторожем или еще куда, где один день работаешь, три дня отдыхаешь. Заведешь там трудовую, а потом к нам приходи. Ночь сторожишь — на утро вылетаешь на съемки. Через день — обратно, чтоб с работы не выгнали.

Можно, конечно, и совсем без трудовой книжки, но тогда, по советским законам, ты считаешься тунеядцем, а за это, сам знаешь... А то, что ты жизнью рискуешь, — так это твое личное дело.

И еще. Если ты вдруг сломаешь себе что-то или посерьезнее беда случится (а от этого никто не застрахован), то на компенсацию можешь не рассчитывать. И на пенсию тоже, хотя по логике вещей каскадеры должны на заслуженный отдых выходить лет в 40. Но это по логике.

А по жизни собственного профсоюза у каскадеров нет. Хотя с каждого трудового договора отчисления производятся исправно. Куда именно они идут? На этот вопрос не смог ответить даже представитель ЦК ВЦСПС, присутствовавший на первой и пока единственной конференции по проблемам каскадеров, которую организовало Госкино в 1987 году. Долго листал представитель толстенный талмуд и сказал, что, с одной стороны, каскадеры попадают в категорию разнорабочих, а с другой — и на творческую профессию тянут. Короче, дело темное.

У проституток больше надежды

фото Е. Успенского

на организацию профсоюза и юридическую защищенность — в случае, если их легализуют, конечно. Они еще не в законе, но статус профессии за ними закреплен прочно. А каскадеры, между прочим, тоже удовольствие людям доставляют...

Но вернемся к нашему герою. Для него начались трудовые будни. Ночь сторожит — два дня горит в асбестовом жилете, сшитом собственными руками. Такой жилет оденешь, и сверху еще костюм по сценарию, и любой неискушенный зритель заметит, что герой-то припух слегка! А за границей, между прочим, давным-давно горят в специальных огнеупорных костюмах, сшитых из тончайшей ткани, да еще с газовым поддувом, чтоб вовремя можно было выключить.

А прыгают там на специальные воздушные подушки, а не в картонные коробки, сложенные одна в другую пирамидой и накрытые брезентом. С такой «страховкой» никакой Бельмондо прыгать не станет. А наш каскадер прыгнет, и не один раз!

Вот наработается за день наш герой, спать ляжет, а во сне ему снятся всякие заморские чудеса. Трюковой манекен, например, итальянский — из хорошего поролона, гнущийся, очень человекоподобный.

А еще конюшня снится со своими собственными лошадьми, которые выстрелов не боятся, команды выполняют. Ведь на каждой съемке приходится заново начинать: дрессировать, приучать к шуму, к толпе, к съемочной площадке. Наши лошади часто калечатся, а кости у них не срываются, приходится загнанных бедняг пристреливать. У голливудских лошадей век подольше, они застрахованы от многих травм: специальные подковы, мундштуки.

А еще снится каскадеру телескопическая шпага, которой можно «проткнуть» противника насквозь, не сделав в нем ни одной дырки. А кровь из «раны» так и брызжет, как взаправду... Впечатляет!

— Ни в коем случае! Никакой крови! У нас последняя белая рубашка с кружевом! — Это уже наяву. Костюмер протестует против кровопролития. Мосфильмовская кровь не отстирывается. Кажется, состав ее утверждался еще при комиссарах.

Таков, в общих чертах, предлагаемый нами киносценарий. В качестве консультанта картины советуем пригласить известнейшего каскадера и актера, постановщика трюков в более чем тридцати кинолентах Владимира Балона. Он же может сыграть роль председателя кооператива «Потылиха». Тем более, что так оно и есть на самом деле.

Кооператив зарегистрирован два года назад, и теперь в ящике стола председателя лежит стопка трудовых книжек. В каждой записано: исполнитель трюков. В кооперативе — двадцать четыре члена и столько же «договорников». У каскадеров идет стаж, им уже не нужно оформлять липовые документы и избегать опасных встреч со стражами порядка, которые могут «привлечь» за тунеядство.

По уставу «Потылихи» в случае серьезной травмы члена кооператива семье пострадавшего выпла-

чивается сумма из «фонда развития».

Для того чтобы хоть немного помочь некоторым самым опытным нашим каскадерам, и был создан этот кооператив. Хотя в остальном (пенсия, техника безопасности, страхование жизни) вопрос для членов «Потылихи» остается открытым, равно как и для многих трюкачей-одиночек.

Так что, товарищи режиссеры, покупайте идею и снимайте фильм на «производственную» тему. А то, не ровен час, решится эта проблема, такой материал пропадет! Ведь периодически в кабинете Балона раздаются телефонные звонки — то из Госкомтруда, то из ВЦСПС, — и мелодичные женские голоса сообщают: мы вас помним, проблемы ваши решаем, ждите ответа... ждите ответа... ждите ответа...

Михаил ДУБИК,
Эльмира МИХАЙЛОВА

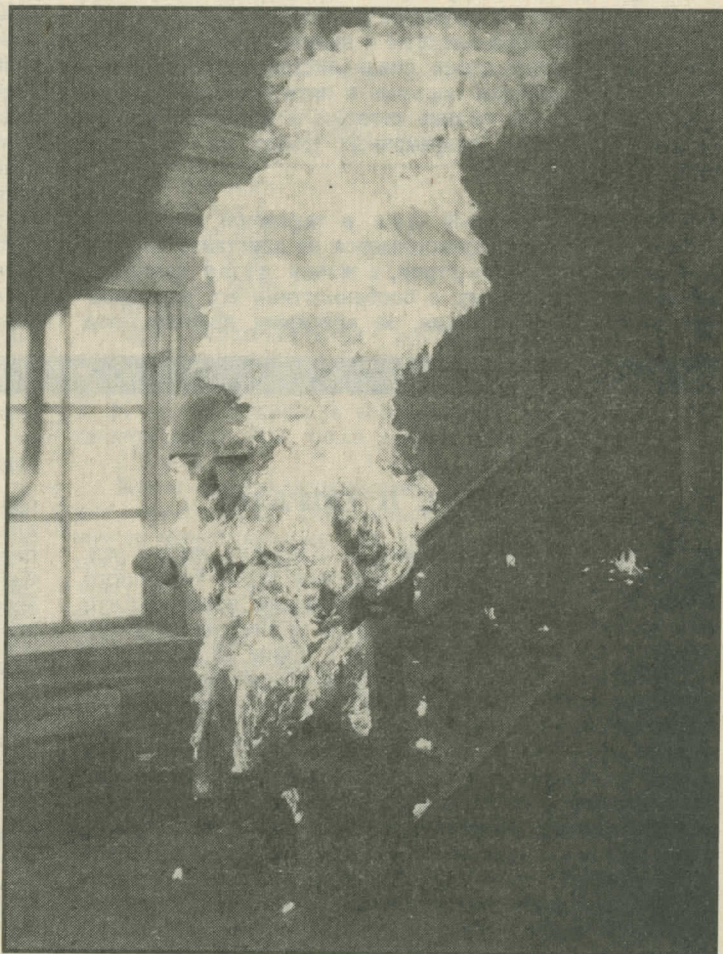

Фото Е. Успенского

Михаил ГЕРНЕТ

В тюрьме

Выдающийся русский юрист, профессор Московского университета, умнейший человек Михаил Николаевич ГЕРНЕТ (1874—1953) посвятил свою жизнь занятию «неблагородному» и неблагодарному — изучению психологии преступника. Перу Гернета принадлежит огромное количество работ по вопросам уголовного права, уголовного статистики, криминологии и пенитенциарии. Наиболее известно среди специалистов его исследование «История царской тюрьмы» в пяти томах. К сожалению, эту книгу не купишь сегодня в магазине, как не найдешь и других, современных, работ на подобные темы.

«Не спертый и тяжелый дух в тюремной камере, не количество воздуха, приходящееся на арестанта, интересует автора настоящих строк, а живая душа человека, заключенного в тюрьму, с особенностями его переживания за высокими стенами, за крепкими дверями, под

охраной внутренней и внешней стражи», — написал Гернет в предисловии к первому изданию очерков тюремной психологии.

Всю жизнь боролся Михаил Николаевич с «тюрьмоведами» — так он называл людей, верящих в спасение общества лишь посредством крепких, надежных замков. Сам же видел будущее не в создании «усовершенствованных тюрем», а в разрушении тюрьмы и замене ее социальной клиникой. «Простой расчет государственной и нашей общей выгоды требует этого», — кричит современникам каждая строчка его книги.

Разве для нас это не актуально? Можно ли усовершенствовать исправительную систему, не ведая, что творится за решетками?

В этом номере мы начинаем публиковать отдельные главы очерков профессора Гернета в сокращенном варианте по изданию 1925 года. (Сохранена орфография автора.)

ОБЩЕНИЕ В ТЮРЬМЕ

В мировой истории тюрьмы был момент такого резкого перехода к новым основам всего тюремного дела, совершенно противоположным прежним, что есть полная возможность говорить о настоящем переломе в тюрьме. Это случилось в конце 18 века.

В основу реформы был положен принцип изоляции заключенного от других арестантов и от внешнего не тюремного мира. Надеялись, что, когда крепко закроются двери тюремных камер, широко раскроются сердца заключенных и воспримут все хорошее и доброе. Верили, что, лишенный общения с другими заключенными, арестант вступит в общение с самим богом и в водворившейся тишине новой тюрьмы будет чутко слушать его голос о повиновении власти и закону. Изоляция и молчание легли в основание тюремного переустройства большинства стран, но не в одинаковой мере.

За нарушение обязанности молчания тюремные правила грозят суровыми взысканиями, и, несмотря на это, едва ли какое-либо правило тюремной дисциплины нарушается чаще, чем запрещение общения. Стремление к нему непоборимо, а страдания, испытываемые арестантом от его разобщения с другими заключенными и со всем внетюремным миром, тяжело отзываются на психике как политического, так и общеуголовного преступника.

Стремление к запретному общению начинается у заключенного с той же самой минуты, когда за ним захлопывается дверь его одиночной камеры. Его хотят оставить здесь одного с его мыслями и чувствами. Но не один он побывал в этой камере; целый ряд невольных жильцов прошел через нее, проведя в ней дни, недели, месяцы, а может быть, и годы. И новый обитатель почти сейчас же принимается за поиски следов пребывания здесь прежних. Он ищет на стенах надписей, фамилий и почти всегда их находит. Эти нацарапанные и спрятанные то в углах, то низко у пола, то

Очерки тюремной психологии

высоко у потолка имена как бы населяют камеру узника, создавая у нового обитателя иллюзию превращения ее из одиночной в общую.

Но, зорко всматриваясь в стену, арестант вместе с тем чутко прислушивается к ней. Он знает, что почти наверное за нею, в такой же, как у него, одиночной камере, также кто-нибудь заперт. Слух же у одиночно заключенных достигает удивительной силы. Это одна из особенностей тюремной психологии.

Без перестукивания арестантов нет тюрьмы в мире. Никакие стены не могут помешать в этом отношении заключенным. Никакие наказания не могут остановить их. Даже режим Петропавловской и Шлиссельбургской крепости оказался бессильным уничтожить этот способ общения в тюрьме. Смотритель Шлиссельбургской тюрьмы (Соколов—«Ирод»), отчаявшись в успехе заставить карцером замолчать перестукивавшихся, снабжал дежурных жандармов печными заслонками и поленьями дров, размещал их по незанятым камерам и приказывал стучать заслонками и бить поленьями в стены камер, чтобы заглушить перестукивание узников. Но все оказывалось напрасным: стучали из камер, стучали из карцеров, стучали даже на прогулках в одиночных двориках. Он размещал заключенных так, что между камерами «неисправимых стукальщиков» были посажены больные. Он рассчитывал, что стукальщики «пожалуют товарищей, не захотят раздражать их и беспокоить их своим стуком». Но соображения его оказались ошибочными. Стучали и сами больные, и даже умиравшие. Тригони вспоминает, как в Алексеевском равелине больной Ланганс, уже не будучи в силах встать с койки, стучал ему башмаком об пол, а Тригони отвечал умиравшему стуком в стену. В этом же равелине Поливанов, перестукивавшийся с товарищем, стучал, чтобы быть услышанным только им, суставом пальца, прикладывая ухо вплотную к стене. На суставе пальца образовывалась мозоль, а на сырой, заплеванной стене получался отпечаток уха, который и не ускользнул от бдительного внимания смотрителя равелина.

Для перестукивания заключенными употреблялось «новое» правописание за несколько десятков лет раньше, чем оно было введено официально в России: буквы Ъ, Ь, І, Ѡ, а также и Э были исключены из алфавита, остальные же буквы были разбиты на шесть строк по пяти букв в каждой, кроме последней в три буквы:

Книгоиздательство „ПРАВО и ЖИЗНЬ“

под общей редакцией

профессоров А. М. Винавера, М. Н. Гернета и А. Н. Трайнина.

М. Н. ГЕРНЕТ
Профессор 1-го Государственного Московского Университета.

В ТЮРЬМЕ.

ОЧЕРКИ ТЮРЕМНОЙ ПСИХОЛОГИИ.

С иллюстрациями.

Книгоиздательство „ПРАВО и ЖИЗНЬ“,
улица Кропоткина (б. Пречистенка) 17, тел. 1-63-64.
МОСКВА—1925.

- 1) а б в г д
- 2) е ж з и к
- 3) л м н о п
- 4) р с т у ф
- 5) х ц ч ш щ
- 6) ы ю я.

При перестукивании выстукивается сначала та строка, в которой находится буква, а затем выбирается число ударов, соответствующее месту буквы в строке. Т. о. для выстукивания вопроса: «кто вы», — придется сделать следующие числа ударов:

2 5 4 3 3 4 1 3 6 1

Какие чувства испытывает при этом способе общения заключенный? Пока новичок, не знакомый с алфавитом перестукивания, не узнал его, он испытывает муки Тантала: товарищ так близко от него, так упорно зовет его, о чем-то спрашивает его, а он бессилён понять его и ответить ему. Но вот, путем ли собственного разума, или благодаря подброшенной записке, он постиг тайну нового языка, на котором заставляет его говорить его одиночное заключение. Первоначально это перестукивание — настоящий лепет младенца, доставляющий заключенному соседу по камере такую же радость, какую доставляют нам первые слова научившегося говорить ребенка. Стена одиночной камеры становится сообщницей недозволенного общения.

В борьбе с системой молчания заключенные изобрели такой способ общения между собою, который дает возможность разговаривать сидящим даже в разных этажах тюрьмы и при том нескольким человеком

сразу. Наиболее раннее упоминание об этом способе мы нашли в воспоминаниях Брешковской, относящихся к 1877 г. Она называет изобретателями политических узников мужчин, заключенных тогда в Петербургскую одиночную тюрьму (т. н. «Кресты»). В каждой камере этой тюрьмы имелось судно с трубой для стока нечистот, входившее в одну общую канализационную систему. Заключенные, очистив трубу струей воды, выкачивали из этой трубы остатки воды посредством палки, обернутой тряпкой. Очищенные таким образом трубы служили как бы телефоном; отверстие судна заменяло трубку телефона, и голоса были слышны прекрасно без всякого напряжения говоривших.

Заключенные звали такой способ общения «клубом», а «итти в клуб» означало итти к ватер-клозетной трубе. Не показывает ли это название стремление заключенных создать себе иллюзию наличности у себя в тюрьме того, чем обладает лишь свободная жизнь?

В секретном циркуляре главного тюремного управления о тайных сношениях арестантов между собою и с посторонними лицами указывается, что эти сношения происходят с помощью ниток с навязанными узелками, посредством полотенца с прошитым по краям условным швом, с помощью обуви, на которой особенно расставлены гвозди, и пр.

Но эти способы заменяют уже не живую речь, а письменные сношения заключенных. При запрещении переписки арестантов они чаще всего пользуются книгами из тюремной библиотеки и, отмечая в них точками буквы, составляют таким образом нужные слова и фразы. Создав свой живой разговорный язык знаков, перестукивания и пр., тюрьма не могла обойтись и без создания своей письменности. Ламброзо, отмечая сходство письменности арестантов с древними иероглифами, видел в этом доказательство атаквистического происхождения преступности. Приводимый им в виде примера образчик письменности преступников, действительно, напоминает иероглифы.

В указанном нами секретном «наставлении» описано еще шесть способов письменных сношений, при которых цифры изображают черточками, точками и т. п.

Но, изучив эти «новые» языки, заключенный иногда теряет способность естественной речи или, по крайней мере, охоту к речи, становясь угрюмым и неразговорчивым.

ТОСКА В ТЮРЬМЕ

Если бы нужно было указать самую характерную черту тюремной психологии, то отыскать ее было бы очень нетрудно; она слишком на виду у всех, нисколько не скрываясь, она слишком бросается в глаза всякому, даже и невнимательному наблюдателю. Размеры ее и яркость ее проявления на тусклом сером фоне одиночной и общей камеры тюрьмы невольно приковывают к ней взоры.

Эта черта — скука, тоска, тоска — краеугольный камень, фундамент всей тюремной жизни. Это — тоска от гнетущего однообразия всего уклада жизни «Мертвого Дома», «Кладбища живых».

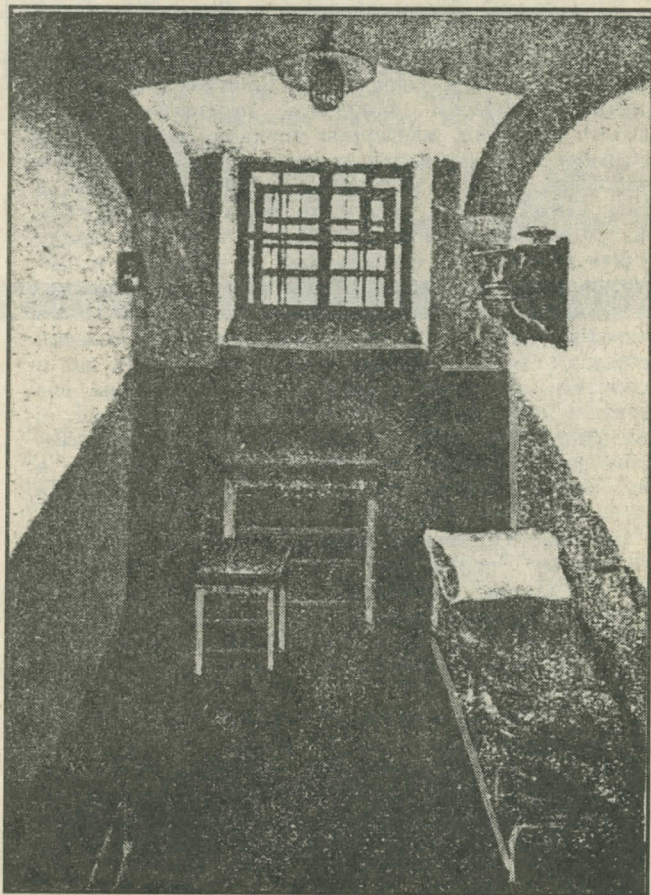
Свою особую печать скука накладывает на всех арестантов через очень короткое время после их заключения. Конопницкая уверяет, что через два года все арестанты похожи один на другого. Только самым сильным удастся сохранить свою индивидуальность, но

не далее третьего года заключения, после чего походка у всех становится тяжелою, медлительною, движения вялыми, неуклюжими, цвет лица глинистым.

Немецкий уголовный арестант, даже и не пытающийся вести тюремного дневника, сумел охарактеризовать убивающую скуку заточенья одною короткою фразою: «здесь живешь от чая до обеда и от обеда до ужина». С нетерпением ждать обеда и ужина заставляет не физический, а душевный голод: доставка в камеру пищи получает характер такого события, которое, хотя бы в некоторой степени, нарушает тюремное однообразие.

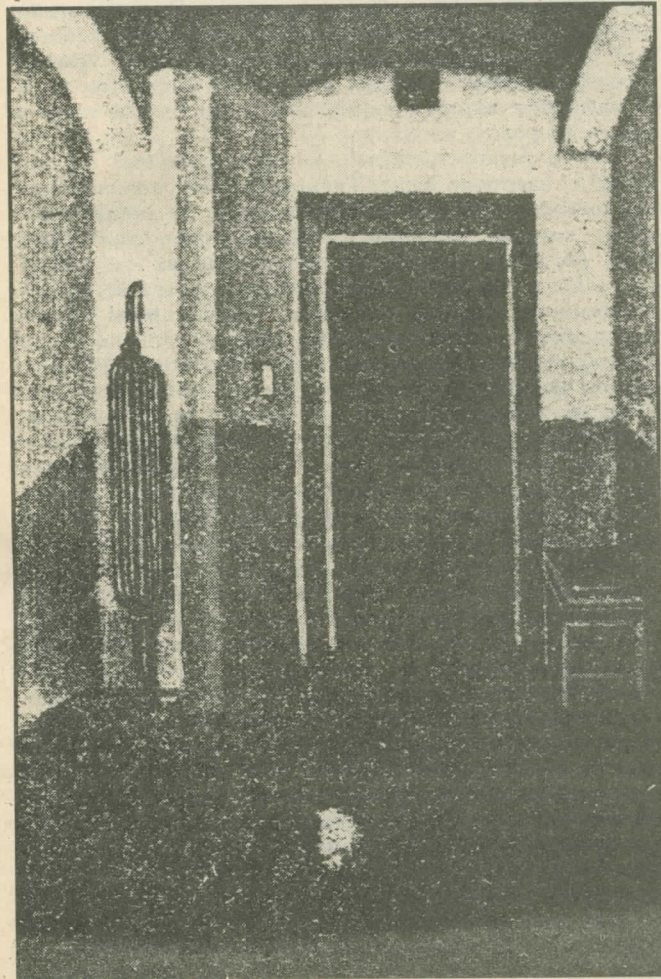
В наших руках был номер нелегального рукописного тюремного журнала, выходившего в Бутырской тюрьме в начале девятисотых годов. Обращаясь к читателю на свободе, автор статьи говорит: «О, вы понятия не имеете как о темах тюремных споров, так и о том жаре и запальчивости, с какими спорят арестанты... Вы знаете, отчего это? Как звери в клетке, ходим мы целый день по камере. Ходим, сталкиваемся друг с другом, готовые вспылить по малейшему поводу. За долгие годы неволи в нас не осталось ни одного здорового нерва. Они натянулись до последней степени. Вид, слово, жест сокамерника раздражает до желания кричать, ударить... И ходишь, и бегаешь от стены к стене, расхаживаешь тоску свою физическим

Одиночные камеры Таганской тюрьмы (1907 г.)

утомлением, стараясь подавить гложущего каждого из нас червяка. Но вот, кем-то брошена случайная фраза... Кто-то возразил. И спор готов. Как голодные звери набрасываемся друг на друга, все зараз. В камере сразу становится шумно, кричат, волнуются, перебивают друг друга... Тоска ведь, тоска тоскущая... С горя, с тоски, с невыразимой тоски по «воле», по вольному ветру, широкому простору, колосающему полю, с тоски по свежему человеку, по новой книжке, с тоски по здоровой и захватывающей работе, с тоски тоскущей спорим мы, ссоримся, бранимся... О, какая тоска. Тоска-а-а».

Этот стон несется из общей камеры политических заключенных Бутырской тюрьмы (1907 г.?). Таких «письменных документов» тюремной скуки нам не дает общая камера уголовных арестантов. Но это совсем не означает, что скука не переступает за порог этой камеры, что где-нибудь в тюрьме есть такой уголок, на который не распространяется во всей ее полноте власть царства тюремной скуки. Скука царит везде: и там, где заключенные, не занятые никаким трудом, слоняются из угла в угол или лежат по койкам, но также и там, где они работают у машин, быстро приводимых в движение силою пара или электричества и создающих иллюзию деятельной жизни этих «каторжников», методически, размеренно совершающих несложные, однообразные движения в течение всего долгого рабочего тюремного дня. С внешней стороны эта работа у машин несколько не отличается от работы

свободных рабочих, так же как не отличается от нее распространенное в тюремных камерах занятие клейкой конвертов, бумажных пакетов, приготовление коробок, укладка товара в коробочки, оклеивание бандеролью и т. п. Но на общем фоне тюремной жизни каждый новый день, который повторяет с пунктуальной и фотографической точностью предшествующий день и, поэтому, не является в сущности новым днем, в тюремный труд не только не вносит оживления, но является лишь одним из звеньев длинной цепи утомительно-сучного тюремного однообразия.

С таким «выпадением из жизни» ряда лет не может примириться сколько-нибудь здоровый человек. Вот почему в тюрьме, и особенно с того самого момента, когда в ней вводится так называемый «тюремный режим», убивающий своим однообразием, начинается бесконечная борьба заключенных против скуки общего и одиночного заточения, за «тюремные развлечения».

ТЮРЕМНЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Тюрьма не притязательна и там, где она не в силах перенести к себе развлечения свободных, живущих на воле, довольствуется подделкою. В таких случаях психология развлекающегося тюремного мира напоминает психологию ребенка. Как ребенку палка заменяет лошадку, как дождевая лужа представляется ему настоящим морем, а плавающая по этой луже щепка кажется кораблем, так и для арестанта всегдашний обитатель тюремных стен и коек — клоп — превращается в «бекаса», а не менее постоянная обительница тюрьмы — вошь — становится «рысаком», и арестант устраивает на потеху себе «бекасиную охоту» и «бега».

Если бы в общей камере отчаяние не сдерживалось, а испытываемое арестантами чувство тоски свободно ими проявлялось, то не у многих нашлись бы силы продолжать свое существование.

Что касается спорта в тюрьме, то, как и на воле, он выливается в разнообразные формы состязания. В словаре тюремного жаргона, составленном Трахтенбергом, мы находим описание одного из видов спорта. Средством развлечения послужила тюремному миру обычная обительница тюрьмы — вошь. Это насекомое, не без некоторого остроумия, зовется в тюрьме, вследствие своей дородности и неповоротливости, «купчихою». Игра состоит в испытании бега «купчих», превращающихся на этот раз в «рысаков». Она носит столько же спортивный, сколько и азартный характер. Хозяева-собственники тех конюшен, которые вырастили этих своеобразных рысаков, проигрывают и выигрывают целые «состояния». Как и при бегах и скачках на воле, здесь работает тотализатор.

Для состязания выбирают по возможности одинаковых «купчих» из числа тех, о которых арестанты говорят, что «в фунте их пять штук». Хозяева этих рысаков берут по глиняной кружке, края которых обмазываются чем-нибудь липким, и одновременно покрывают ими «купчих» на нарах, причем каждый партнер покрывает не свою «купчиху», а принадлежащую партнеру. Через некоторое время кружки одновременно приподнимаются, и партнеры смотрят, чей рысак успел добраться до края кружки и прилипнуть к нему. Выигравшим считается тот партнер, «купчиха» которого выказала наибольшую резвость, и, кроме выигрыша ставки, слава венчает его конюшню.

Свободная жизнь этого спорта не знает. Те самые заключенные, которые увлекались им в стенах неволи, забывают его, покинув эти стены. Какой глубокой иронией звучит для нас наименование «исправительными» тех тюрем, где существуют такие «здоровые» и «возвышающие» или подобные им развлечения мира заключенных.

Но в тюрьме приходится развлекать себя и тем, что на воле, наоборот, портит настроение — ругань. Это — тоже вид спорта. Как и всякий другой турнир, эта словесная дуэль происходит перед публикой, перед народом, свидетелями. Слава венчает победителя, насмешки провожают побежденного. Чтобы стать спортсменом, такая брань не должна состоять в употреблении слов из богатого лексикона обычных тюремных ругательств. Такие обычные ругательства слишком привычны для арестантского уха и пролетают мимо него, не оставляя впечатления ни для ума, ни для сердца. Они несколько не нарушают тюремной обыденности. Лишь «виртуозное» сочетание бранных слов или разные экспромты бранящихся способны возвести ругань на стеньгу спорта и привлечь к ней внимание остальных заключенных. На обычную же брань арестанты совершенно хладнокровно отвечают такую же, и если бы кто-нибудь поступил иначе и начал бы сердиться, то тюрьма сказала бы о нем на своем жаргоне, что он лезет в «пузырек».

А тюремные инструкции, начиная с первой и кончая последней, строго запрещают в тюрьме драки, брань и укоризны. Острог без всего этого не живет не только ввиду особенностей своего населения, но и вследствие условий острожной жизни, тяжелой своим однообразием и ожесточающей своим режимом. Сама тюремная администрация до последнего времени не умела обходиться в местах заключения без тех крепких словечек, произнесение которых нарушает благопристойность и подходит под статьи уголовного закона. Но как ни были громки и сильны эти непристойные выражения, тюремные стены всегда оказывались достаточно крепкими, чтобы заглушить эту ругань и не дать ей вырваться на волю. При наличии таких «воспитателей», помимо всех других условий, ругань должна была расцветать в тюрьмах пышным цветом.

Более активное участие принимает тюрьма в другом развлечении, описание которого дает уже цитированный нами Трахтенберг, — бекасиной охоте. Именем «бекаса», дорогой для охотников дичи, заключенные зовут клопа, а под именем бекасиной охоты известна охота арестантов на клопов. К этой охоте своевременно делаются приготовления: в тюремных стенах просверливается несколько глубоких дыр, запасаются хлебным мякишем, избирается особый распорядитель охоты, назначаются охотники и отводятся им места у дыр и щелей в стене. Когда, после того, как огни потушены в камерах и клопы вылезли из своих щелей, раздается команда распоряжающегося охотой «пли», сразу зажигается несколько огарков, заключенные вскакивают со своих нар, поднимают шум, а испуганные внезапным шумом и светом клопы забираются в заготовленные для них дыры, которые охотник, по мере их заполнения «бекасами», и законопачивает мякишем хлеба. По окончании охоты заключенные поют «убиенным» нечто вроде «вечной памяти».

Больше движения, чем бекасиная охота, дает охота на крыс. Брейтман дает описание такой охоты. Крысу выманивают с помощью кусочка сала, положенного на некотором расстоянии от дыры, которую сейчас же и

затыкает приставленный к ней часовой. И начинается бешеная погоня всей камеры за крысою: за ней бегают, забрасывают ее халатами, шапками. Когда она поймана, ее удувливают, сдирают с нее шкуру, сушат ее, выделывают, но так как она никуда не нужна даже в тюрьме, то в конце концов выбрасывают.

Одной из любимых игр были жмурки. Как и в детской игре в «жмурки», арестант с завязанными глазами должен был кого-нибудь поймать из играющих. Но, сравнительно с детскими жмурками, у тюремных жмурок была своя особенность: все играющие, кроме играющего с завязанными глазами, вооружались жгутами и немилосердно хлестали ими его, пока ему не удавалось поймать кого-нибудь из своих палачей и поставить его на свое место. «В конце игры почти у всех рубцы и кровоподтеки, но арестанты любили игру: «она кровь разбивает, что твоя баня».

Что касается описываемых Мельшиным игр в «ложки» и «банки», они еще не отошли в область прошлого. На этих двух играх сказываются и грубость нравов русского уголовного каторжника, и полное отсутствие разумных развлечений на каторге, и жестокость каторжного режима. Они сами по себе не были подвижными в настоящем смысле слова, но становились такими вследствие сопротивления того, кому давали «ложки» или срубали «банки». При срубании «банок» поднимали рубашку, стягивали на животе кожу, захватывая ее рукою, а другой ударяли по этой оттянутой коже так, что она багровела, и после второй банки уже могла брызнуть кровь. При задавании «ложек» импровизированный палач плевал на оголенный живот жертвы, растирал плевок и с криком «поддержись, ожгу» ударял ложкою по этому месту. В описываемом автором случае живот посинел и вспух с одного удара.

Самое распространенное из всех тюремных развлечений — азартные игры. Тюрьма создает для их развития особенно благоприятные условия. Те общие причины, которые, например, обуславливают карточные игры на воле, сильнее действуют внутри тюремных стен. Здесь тюремное безделье и однообразие жизни делятся иногда целыми месяцами и годами. Если обыватели какого-нибудь провинциального городка, по общему правилу, убивают вечера карточной игрою, то тюрьма не знает, как убить время в течение всего дня. Если на воле «интерес» выигрыша лежит в основе даже и таких игр, где ставки игроков очень незначительны, то в тюрьме игра, кроме удовлетворения азарта, становится чем-то вроде профессии, вокруг которой создаются разные подсобные занятия. Иногда азартная игра в тюрьме является для арестанта единственно надеждою приобрести деньги, вещи, удовольствия, лучшее питание и пр. Некоторые из наблюдателей арестантской жизни даже думают, что карточная игра в тюрьме является не забавою, а работою. Это верно лишь отчасти, по отношению к некоторым категориям заключенных, поскольку они, сами не принимая участия в игре, тем не менее живут этою игрою, «кормятся» около нее. Но это не мешает им принять самим участие в игре при малейшей к тому возможности, как только найдется, чем можно рискнуть в игре. Доход от карточной игры получает владелец колоды карт, получающий процент с выигрыша, и арестанты, становящиеся на «стрему», т. е. на стражу, чтобы вовремя предупредить игроков о приближении надзирателя.

При затруднительности доступа в тюрьмы настоящих игральных карт они изготовляются там собственными силами заключенных. Так появляется новая

отрасль труда в тюрьме по изготовлению карт.

Наиболее распространенное название карт — «святцы». Каждая карта имеет свое особое название. Короля зовут «бардадымом», туза — «господином Блиновым», валета — «солдатом», даму — «мазихой», двойку — «Дунькою», низшие карты от двойки до шестерки зовутся «молодками» и т. п.

Из карточных игр ранее в тюрьме были распространены: «в три листика», «подкаретная», «одно», «юрцевка», а теперь — 21, «железка». Это все азартные игры. Так называемые «коммерческие» игры, требующие не счастья, а умения, в тюрьме не в ходу.

Проигрывается здесь все: деньги, табак, платье, не исключая казенного, арестантские пайки, порции, будущие получки денег и пр.

Подлежавшие ссылке проигрывали своих жен и любовниц. Проигравшиеся становятся тюремными пролетариями, «жиганами», опускаются на самую низшую ступень падения, становятся «девками», лезут «в девичью, под нары», торговать собою.

Уплата карточного долга считается здесь, как и на воле, долгом чести. Банкроты, оказывающиеся не в силах расплатиться, спасаются в «лягавую» камеру. Так называется камера, где спасаются от преследования заключенных и от их мести арестанты-шпионы, исполнявшие обязанности палачей. По словам одного из авторов тюремных воспоминаний предреволюционного времени, под влиянием наплыва таких банкротов в «камеры лягавых» изменилось и самое отношение тюрьмы к таким камерам в сторону смягчения. Отсюда для неоплатного плательщика не закрыто возвращение в общие камеры при тех или иных условиях.

На почве карточных игр в тюрьме происходят кровавые столкновения. Смертным боем бьют обнаруженных шулеров, хотя ловкое шулерство отнюдь не осуждается тюремной моралью.

Но если для выделки карт арестант не жалеет своей крови, то нет ничего удивительного, что запрещение карточной игры остается пустым звуком.

В таком же положении находятся в тюрьме и другие азартные игры: например, в кости, шашки, юлу и др. При неприхотливости и невзыскательности арестантов тюремное искусство всегда умеет создать принадлежности для этих игр. Так, шашечная доска вычерчивается на бумаге или прямо на нарах, вырезается на столе, шашки заменяются клочками белой и заштрихованной бумаги или делаются из мякиша черного и белого хлеба.

Азартной игрою является также «ремешок», или «петля». Ремешок, а при его отсутствии и простая веревочка, складывается таким образом, что получается как будто бы очень большое количество петель. В действительности же имеется лишь одна петля, и задачей игрока является попасть в петлю. При попадании он выигрывает ставку. Мошенничество развито и при этой игре.

С чувством глубокого удовлетворения мы констатируем, что театральные представления, прокатившиеся волною по всей России, захватив и глухие местечки далекой провинции, вот уже пять лет как получили законный доступ в наши места заключения. При уже известной нам жажде заключенных к развлечениям и при предоставленной им свободе самообслуживания в отношении устройства театральные зрелищ последние получили самое широкое распространение (так, в местах заключения, в которых состоит до 2/3 всего тюремного населения, за 1922 г. было 3650 спектаклей, вечеров, концертов и т. п.)

Очень нелегко приспособить для театра костюмы, декорации, запастись бутафорскими принадлежностями, довести представление до конца, без помехи. Вот почему представления, так сказать, чисто театральные — большая редкость в дореволюционной тюрьме. Но совсем отказаться от них тюрьма не хотела, время от времени тешила себя также ими; довольствуясь, как и во всех остальных случаях, малым, она создает себе забаву из зрелищ, которые имеют лишь очень отдаленное сходство с театральными представлениями. В таких случаях представление нередко принимало жестокий и безнравственный характер. Свообразные спектакли давали пищу самым низменным чувствам не только арестантов, но и охранявшей их страже: тюремная скука как бы объединяла и тех и других в борьбе с нею. Мария Шеффер, заключенная в Виленскую женскую тюрьму, описывает одну из таких забав, которую устраивали надзирательницы на потеху себе и арестанток. Среди заключенных содержалась безумная. Младшая надзирательница выманивала ее из камеры в коридор куском хлеба. С жадностью кидалась арестантка на приманку, но надзирательница сейчас же вырывала у нее хлеб обратно. Безумная разражалась ругательствами на своем родном литовском языке. Брань тут же переводилась младшею надзирательницею старшей, и этим спектакль заканчивался.

Так сама тюрьма стирала различие между теми, кому было поручено дело «исправления» преступников, и теми, кто подлежал исправлению. Мне напоминает здесь еще одна жестокая забава, появление которой среди арестантов вполне объясняется также самим тюремным режимом: арестанты развлекались превращением пойманных ими голубей в «каторжников». Они выполняли над ними то самое, что предписывалось исполнять над теми из них самих, кто подлежал ссылке на каторжные работы, — выбривали голубям половину головы и надевали им на ноги кандалы из ниток.

Самый распространенный вид представлений — «судебные репетиции». О них говорит еще Ядринцев и подробно описывает Брейтман.

По описанию последнего, они являются довольно точным изображением настоящих процессов. Среди арестантов выбираются актеры на все судебные должности: председателя суда, двух «безгласных» (члены суда), 12 «шаферов», т. е. присяжных заседателей, прокурора и защитника. Прения сторон — «грызня» — доставляют особое удовольствие публике. Ядринцев отмечает, что развлекавшиеся судебными представлениями арестанты постоянно сочиняли друг на друга обвинения, чтобы поразвлечься спектаклем суда.

С музыкою в тюрьме повторяется то же, что происходит с театром. В них видят развлечение, но не видят, что они вместе с тем — могучее воспитательное средство. От скольких бы нравственных безобразий была спасена тюрьма, насколько бы там было меньше разврата, если б там завели свой арестантский оркестр и если бы легализовали арестантское пение. Борьба с пением в тюрьме никогда не достигала успеха. Тюрьма пела хором, пели арестанты соло. Никакие строгости не могли заставить песню затихнуть, исчезнуть. Громко неслась по всему пути ссылки старинная песня колодников «Милосердная». Одни песни уступали место другим. Репертуар менялся. Но все дошедшие до нас от различных годов описания тюремной песни говорят о потрясающем впечатлении, производимом ею на слушателей. Через вереницу годов прошла какая-то одна щемящая нота тюремных мотивов.

(Окончание следует)

Вячеслав ПЬЕЦУХ

ЛЖЕЧАПАЙ

А вот — правдивая или нет, бог весть — история, слышанная в поезде Москва—Ашхабад от одного бедового мужика. Если она правдива, просим прощения у действующих лиц за разглашение многих стеснительных обстоятельств, если же нет, то сугубо просим прощения, но при этом предлагаем принять в расчет, что, как говорится, за что купили, за то же и продаем.

Так вот будто бы в 1959 году в городе Первоуральске объявился живой и невредимый Василий Иванович Чапаев, только он окончательно постарел. Будто бы в один прекрасный день является он на прием к председателю горсовета и говорит:

— Нельзя ли,— говорит,— мне пенсию получить? Рублей хоть триста*, будьте вы все неладны. А то трудиться на общих основаниях мочи нет, не те мои годы — такая, понимаете, ерунда.

Председатель горсовета у него спрашивает:

— А кто вы, собственно, будете, гражданин?

— Зовут меня Василий Иванович Чапаев,— последовало в ответ.

— Однофамилец?

— Зачем же однофамилец? Тот самый легендарный Василий Иванович Чапаев, про которого Фурманов написал.

Председатель горсовета насупись и заметил:

— Насколько мне известно, легендарный комдив погиб.

Лжечапай в ответ:

— Ну как же он погиб, когда вот он: сидит перед вами и просит определить заслуженное пособие!.. Ведь я все это время трудился на общих основаниях, как ломовая лошадь, то по железнодорожному строительству, то просто канавы рыл.

* 30 рублей по нынешнему курсу, определенному реформой 1961 года.

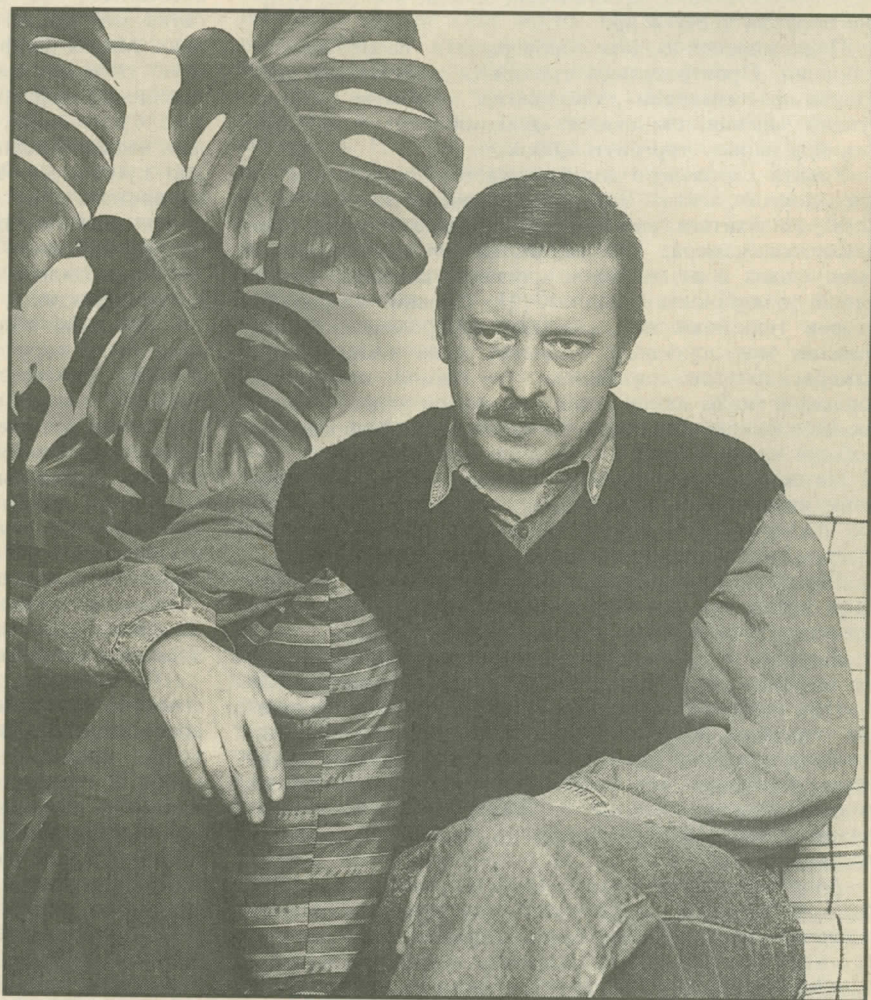

Фото В. Плотникова

— Тогда почему же пенсии у вас нет?

— Потому что последние тридцать лет я все больше канавы рыл. Иными словами, по вольному найму, беспаспортно я трудился. Да и откуда бы взяться паспорту, если я с двадцатого года перешел на нелегальное положение. Это тебе все-таки не царский режим: назвался хоть Жутиковым, дал дворнику пять рублей и в тот же

день получай заграничный паспорт...

— От кого же вы все это время прятались, гражданин?

— Да от вас и прятался, от долдонов! Вы ведь ребята бойкие, незамысловатые, чуть что — сразу пятьдесят восьмую статью в зубы и прямым ходом на Колыму.

— Уж так сразу и на Колыму?.. — съязвил председатель горсовета и улыбнулся не по-хорошему, ве-

роломно. — Все-таки вы были легендарный комдив, про вас вся страна знала, кто бы посмел тронуть прославленного Чапая?

— Про Блюхера вон тоже вся страна знала... — уклончиво сказал ему Лжечапай.

— Ну, положим, двадцатый съезд осудил отход от ленинских норм в области партийного и государственного строительства...

— А я не от сталинских норм скрывался, меня еще ленинские нормы насторожили.

Это сообщение вывело-таки из себя председателя горсовета. Он привстал, уперся руками в стол и заявил с откровенной злобой:

— Если бы ты, гад, попался мне в тридцать седьмом году, я бы из тебя отбивную сделал!

Самозванец спокойно ему сказал:

— Чего я вам, долдонам, и не попадался.

За многие годы это было единственное на Руси явление самозванца, и поскольку в глазах русского человека законная власть обыкновенно перекликается с торжествующей кривдой, а выходцы из низов, покусившиеся на звонкие имена, с поправкой правдой и народ питает к ним укоренившуюся приязнь, весть о возвращении из небытия Василия Ивановича Чапаева в один день облетела город. Учитывая резкую перемену в политическом климате, Лжечапай не прятался от людей, а даже, напротив, расчесал остатки волос на косяй пробор, восстановил фельдфебельский закрут знаменитых своих усов и сразу стал чрезвычайно похож на актера Бабочкина. Горожане, понятно, не давали ему проходить и наперебой зазывали в гости. И вот сидит он в горнице у какого-нибудь путевого обходчика, ну хоть Жутикова, пьет чай из блюда, время от времени утираясь полотенцем, которое висит у него на шее, и отвечает на бесчисленные вопросы. Возьмем, к примеру, такой вопрос:

— А скажи, Василий Иванович, как же это так получилось, что беляки тебя застали в одном белье?

— Был такой грех: это мы с ребятами отправились погулять в одну забутенную станицу. Знать, выследили нас беляки, или какая-то посторонняя сволочь поставила их в известность, но что было, то было: прижучили нас аккурат под утро.

Или такой вопрос, который из предыдущего органически вытекает:

— А реку Урал ты взаправду переплывал?

— Кое-кто из наших, действительно, ринулся за Урал, но меня, раненного уже, ординарец спрятал в подполе у хозяйки. А ей строго-настрого наказал: «Если сгинет Чапай под твоей опекой, то я и двор твой сожгу, и тебя сожгу!» Я бы, может быть, после и объявился, да уж больно в неприятную положеию я попал: ребята все гикнулись, а я у бабы под юбкой похладжался чуть ли не целый месяц... — это же чистый срам! Да меня к тому времени уже и мертвым провозгласили, ну я и подумал, что нет худа без добра, тем более что я уже понял, к чему клонится это дело.

— А к чему клонится это дело? — поинтересуется кто-нибудь.

— К тому, что господь бог опять потерпел поражение от народа. Я так теперь понимаю результат Октябрьской революции, гражданской войны и социалистического строительства: это в который раз господь бог потерпел поражение от народа.

И, наконец, такой принципиальный вопрос:

— А ты, Василий Иванович, вправду легендарный герой, или это писатель Фурманов тебя по дружбе благословил?

— Я был рядовой борец за правое дело, а с писателем Фурмановым я и виделся-то раза три. Я, товарищи, так скажу: до принудительной мобилизации в Красной армии все были герои, что ни сочувствующих, то герой. Ну и давали же мы прикурить господам офицерам и казачкам! А как мы с ребятами Лбищенск брали?! Это же Светлое Воскресенье, как мы с ребятами Лбищенск брали! Эх, где вы теперь, дорогие друзья-соратники, где ты, братишка Плясунков, где ты, Кутяков Ваня?!

И в приступе горькой нежности Лжечапай закрывает лицо руками, но вдруг как бы спохватится и до скажет:

— Но если бы, конечно, Фурманова в какую другую дивизию определили, где командиром, положим, товарищ Жутиков, то он про Жутикова книгу бы написал, и вся страна преклонялась бы перед ним, и по сто раз ходила бы кино про него смотреть.

Если он был действительно тем, за кого себя выдавал, то в достоверных ответах на трогательные вопросы, в выражении лица, уверенных интонациях, вообще манере себя держать, мы не находим ничего особенно удивительного, но если он был действительно самозванцем, то все это не может не поразить. А впрочем, и Лжедмитрий, по наблюдению ближних и дальних его бояр, вел себя как природный Рюрикович, помазанник от рождения, и позволял себе такие речи, поступки, деяния и дела, какие невозможны в положении самозванца. Но как бы там ни было, население города Первоуральска беспрекословно его приняло за Чапая и он даже получал такие странные предложения:

— А то, Василий Иванович, поднял бы ты народ, как при царе Петре Федоровиче по прозвищу — Пугачев, да двинул бы его на Москву, да въехал бы в Кремль на лихом коне, а то ведь конца-краю не видно этому бардаку...

Немудрено, что ситуация с возвращением из небытия Василия Ивановича Чапаева в скором времени вышла из-под контроля и так далеко зашла, что власти были вынуждены вызвать из Москвы для опознания его сына.

И вот приехал в Первоуральск сын легендарного командира, и свели их для очной ставки в горкоме партии при нескольких свидетелях из числа городской верхушки. Сын на свидании заметно волновался и все теребил носовой платок, а Лжечапай был, напротив, спокоен и деловит.

— Я тебя сразу узнал, сынок, — сказал он ласково москвичу. — И так узнал, потому что ты вылитый мой портрет, и по шраму на левой руке узнал — это ты о литовку порезался, когда мать еще титькой тебя кормила.

Москвич, в свою очередь, отбояривается:

— Извините, — говорит, — гражданин, я в вас категорически отказываюсь признать своего отца.

Тем это свидание и закончилось: сын легендарного командира — стрижено, Лжечапай — брито. Но только выходят они оба в горкомовский коридор, как самозванец тихонечко, с укоризной в голосе говорит:

— Что же ты, сынок, а?..

Тот ему в ответ, и тоже тихонечко:

— Прости, папа...

«...Не вспоминаю о плохом»

Работы литовской наивной художницы Моника Бичюнене похожи на сказки с добрыми феями. В каждой — идиллия. Однако нет в них ни чудес, ни волшебных превращений. Все, что написано Моникой, — реальность.

В деталях — до мелочей — вспоминает она на холсте эпизоды из прошлого. Рисует мать, вытаскивающую из печи на лопате хлеб с поджаристой корочкой. И здесь же — немудреное убранство избышки в Баубляе, где Моника родилась в 1910 году: половичок на полу, самодельная деревянная мебель, домашняя утварь... Яркость красок, многофигурность композиций, плоскостный, условный, будто «детский», рисунок...

Незатейливые названия — «Мама, дай блинов», «Отец, привези много, много бубликов»... — словно выводят плоскость в пространство: перед зрителем разворачивается панорама патриархальной сельской жизни, мир покоя и счастья, где человек слит с природой в единое целое. Любимые герои Бичюнене — пахари, жнецы, рыбаки — исполнены достоинства и уверенности, что их труд — самый нужный на Земле. Поражаешься ее ощущению прошлого — светлому, радостному. Как будто жила она, не ведая бед...

— Всякое бывало. И от волка досталось, и от медведя, — рассказывает о себе Моника. — Голодала. Батрачила на хозяина в Латвии. В войну в землянке пряталась. Но в картинках моих ничего этого нет. Не вспоминаю о плохом...

В самом деле. Нет в ее работах барачной комнаты, куда поселили их семью из восьми человек, — сумрачной, с одним окном в четыре крошечных стеклышка. Нет и страшного поля, по которому, когда закончился бой, бродила она, заглядывая в лица убитых, — может, есть еще кто живой и помощи ждет... Не оттого ли, что человеческая память избирательна и плохое забывается быстрее?.. Однако, рассматривая произведения Моника на современные темы, и тут не находишь ни тени тех потрясений, которые раздирают нынешнее общество. В портретах, написанных ею, — лучшие человеческие качества, в интерьерах — теплый уют очага, в пейзажах — одухотворенная первозданность природы. Будто живет художница не в Вильнюсе, а на затерянном райском острове и не знает о том, как стремительно меняется мир. Знает, конечно...

Тягу к искусству, возможно, унаследовала Моника от деда — знаменитого на всю округу резчика по дереву. Но не проявлялось это до поры. В школу ходила она всего год. Бегло научилась читать по «святым» книгам. Жила семья бедно. С малолетства приходилось детям привыкать к хозяйству, к тяжелой крестьянской работе. Не до «художеств»! Потом — замужество, заботы о доме, война...

Только в начале 60-х впервые взялась Моника за кисть. Может, и никогда не взялась бы, если бы не учился в художественном институте ее сын Римас.

Приехал он как-то на каникулы и показал матери свои этюды. «Я бы лучше сделала, — вдруг подумала Моника. — Не попробовать ли?» Оставшись в доме одна, она плотно закрыла шторы, чтобы соседи не подумали, что, мол, Бичюнене совсем с ума сошла, достала бумагу, краски и села перед чистым листом... Каким чудом появились на нем цветы, деревья, небо, облака — она и сама не знает. Занятие оказалось настолько приятным, что с того дня ее все время тянуло рисовать. Пряталась, конечно, от всех, пока однажды Римас не застал ее врасплох. Возвращаясь в Вильнюс, он забрал с собой рисунок матери — показать учителям. «Пусть себе!» — улыбалась Моника. Собственному «баловству» с красками она не придавала ни малейшего значения и очень удивилась, когда через несколько недель к ней в гости пожаловала целая делегация из Вильнюса. А еще через год в столице Литвы открылась первая выставка Бичюнене.

Римас окончил художественный институт, и Моника переехала к нему в Вильнюс. Началась новая жизнь. Выставки в Москве, Ленинграде, Риге, Таллинне, Хельсинки...

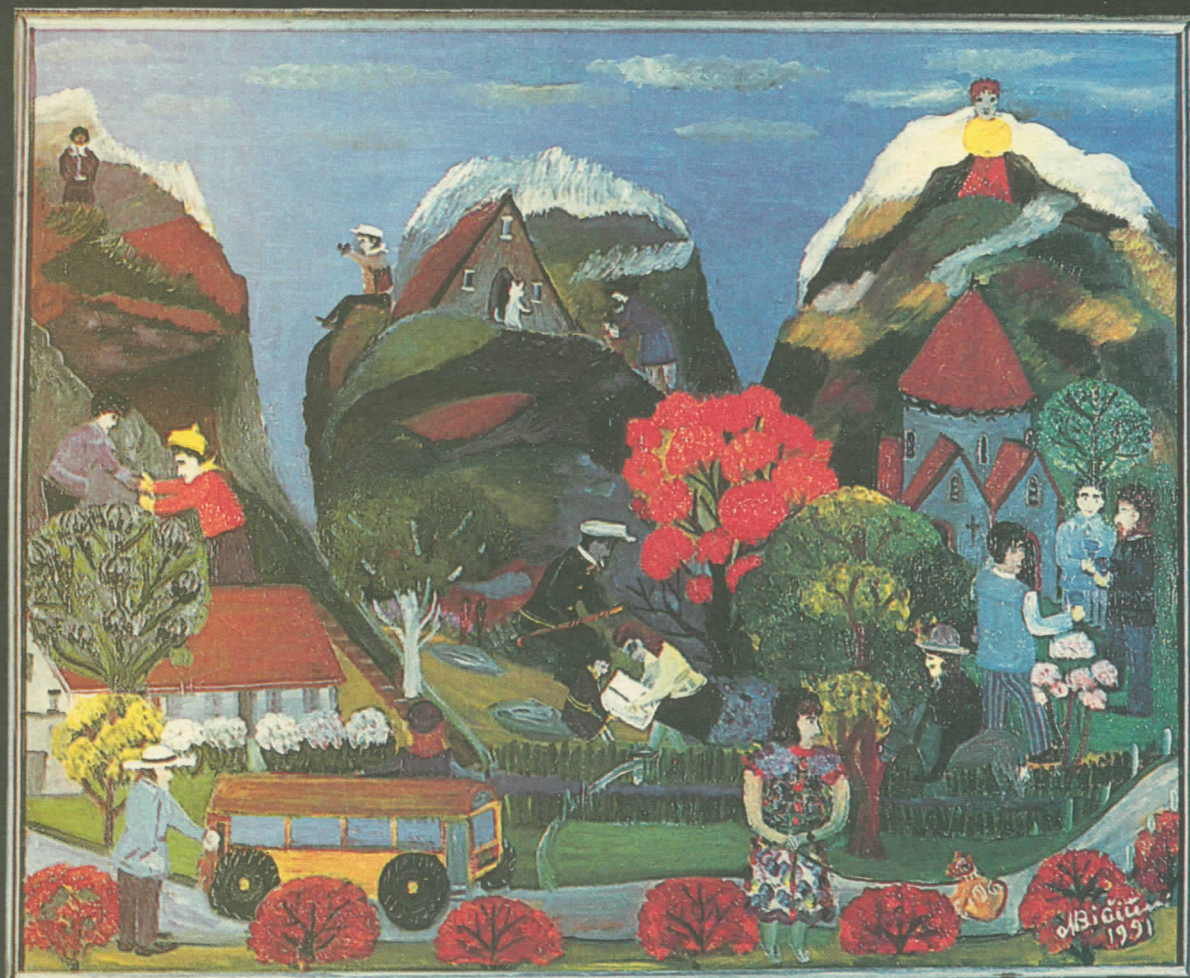
Рассуждая о притягательности наивного искусства, нередко говорят об искренности, об этнографической ценности. Однако не только этим интересно творчество Моника Бичюнене, а прежде всего — особым мироощущением, воспринятым от предков здоровым крестьянским духом с его непоколебимой верой в лучшее будущее.

СОФЬЯ МОРГЕНШТЕРН

В издательстве «Интерпракс» готовится книга «Не вспоминаю о плохом», посвященная художнице Монике Бичюнене. В книгу включены монологи Моника и сочиненные ею сказки.

РАБОТЫ
МОНИКИ БИЧЮНЕНЕ

3-198

